

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

**(к 30-летию образования кафедры
конституционного и международного права)**

Республиканская
научно-практическая конференция
(Минск, 27 мая 2022 г.)

Тезисы докладов

Минск
Академия МВД
2022

УДК 342(476)
ББК 67.400
К 64

Редакционная коллегия:

П.В. Гридюшко (ответственный редактор),
К.Д. Сазон, Р.А. Серета, А.И. Бородич, А.А. Подупейко,
С.Г. Луговский, О.В. Волчкевич

К 64 Конституционное право в условиях цифровизации: проблемы науки и образования (к 30-летию образования кафедры конституционного и международного права) : тез. докл. респ. науч.-практ. конф. (Минск, 27 мая 2022 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2022. – 143, [1] с.
ISBN 978-985-576-349-0.

Рассматриваются актуальные особенности конституционного процесса в контексте развития белорусской государственности, мировые тенденции и белорусский опыт конституционного реформирования, а также проблемы трансформации конституционных основ государства и права в условиях цифровизации общественных отношений.

Издание предназначено для научных сотрудников, преподавателей и лиц, обучающихся на юридических факультетах учреждений высшего образования, а также практических работников.

УДК 342(476)
ББК 67.400

ISBN 978-985-576-349-0 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2022

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 342.727

Э.Ю. Анциферова

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Конституционные права и свободы личности составляют ядро правового статуса личности и лежат в основе других прав. Свобода мнений, убеждений и их свободного выражения выступает предметом исследования ученого сообщества, однако до сих пор не выработан единый подход к пониманию данного правового термина и анализу его структурных элементов, что порождает проблемы в области правоприменительной деятельности. Понятие «свобода человека» практически тождественно понятию «права человека» и имеет ряд особенностей. Ученым сообществом установлено, что термин «свобода» исторически связан с защитой самостоятельности личности, с ее внутренним миром, а «право» предполагает рамки возможного поведения, участие личности в деятельности общества, государства. Так, свобода выражения мнений является свободой человека по своей природе, а путем законодательного закрепления обретает характеристики права.

Основной Закон Республики Беларусь каждому гарантирует свободу мнений, убеждений и их свободное выражение. Никто не может быть принужден к выражению своих убеждений или отказу от них. Ст. 2 Конституции гласит: «...человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности. Гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение обязанностей, возложенных на него Конституцией».

Правовое регулирование свободы мнений и их свободного выражения осуществляется в рамках не только конституционного права, но и гражданского, гражданско-процессуального, уголовного, административного, семейного и хозяйственного.

Однако необходимо учитывать общепризнанную конституционную линию свободы выражения мнений и убеждений, раскрывающую естественное состояние свободы. Под конституционными понимаются «наиболее важные права и свободы человека, выявляющие закономерную принадлежность свободы и получающие высшую юридическую защиту». Так, категория свободы выражения мнений, являясь также и неисчерпаемой конституционной свободой, имеет ряд признаков:

изначальность, прирожденность и неотчуждаемость;
объективный характер, независимость от воли гражданина;
содержание и объем, одинаковые для всех людей (граждан);
принадлежность каждому человеку либо каждому гражданину;
верховенство над производными правами и свободами;
значимость для человека и общества в целом;
непосредственное действие;
действие на всей территории государства.

Право человека на свободное выражение мнения, определяемое естественным правом, может быть отнесено и к праву гражданина, поскольку оно обусловлено принадлежностью человека к государству и им же устанавливается.

Согласно исследуемым подходам к пониманию правового термина «свобода мнений, убеждений и их свободного выражения» он имеет свою структуру, в которой можно выделить элементы: свобода мысли, понятий и суждений; вербальное выражение мнений и убеждений (гласность); вероятностный характер мнения; высшая степень уверенности в убеждении; возможность ограничения распространения свободы мнений и убеждений.

Права и свободы человека являются сложно структурными, и в соответствии с этим принято осуществлять их классификацию по различным критериям. В системе прав и свобод личности в сети Интернет категория свободы выражения мнений и убеждений занимает особое место и имеет ряд особых характеристик: основной характер – раскрывает естественное состояние свободы человека; неотъемлемость – присуща всем людям от рождения; универсальность – независимость от политических, экономических или культурных систем; взаимосвязанность и взаимозависимость с другими правами и свободами – прогресс и степень реализации одного права способствует прогрессу в реализации других прав человека; неделимость – прогресс в реализации одного права не может осуществляться в ущерб реализации другого права; всесторонность – осуществление в рамках конституционного, гражданского, гражданско-процессуального, уголовного, административного, семейного и хозяйственного права; социальная направленность – пронизывает все сферы жизни общества.

Так, можно с уверенностью утверждать, что исследуемая категория по целевому назначению относится к правам и свободам человека и гражданина, предназначенным для пользования определенными благами как в личных, так и в общественных целях, защищает такую базовую

человеческую потребность, как естественное право, обеспечивает выражение свободной воли граждан в деятельности на благо государства и является одним из основных элементов существования демократии.

УДК 347.98

Н.Ю. Богомяков

ОБЖАЛОВАНИЕ (ОПРОТЕСТОВАНИЕ) СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА ПО ГРАЖДАНСКИМ И ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Согласно ст. 115 Конституции Республики Беларусь стороны и лица, участвующие в процессе, имеют право на обжалование решений, приговоров и других судебных постановлений. В связи с этим пересмотр в порядке надзора представляет собой важную стадию, без которой гражданский и хозяйственный процесс не может осуществляться в соответствии с конституционными и отраслевыми принципами судопроизводства.

Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора – самостоятельная стадия гражданского и хозяйственного судопроизводства, призванная обнаружить допущенные ошибки, обеспечить правильное разрешение дел, единообразное применение законодательства судами. Проверка вступивших в законную силу судебных решений в порядке надзора является дополнительной гарантией защиты прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций. Вместе с тем в настоящее время надзорное производство является дискуссионным институтом процессуального права.

Согласно ч. 1 ст. 297 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (ГПК) судебные постановления должны быть законными и обоснованными. В гл. 32 ГПК «Производство дел в апелляционном порядке» законодатель четко разграничивает понятия и критерии необоснованности (ч. 1 ст. 424 ГПК) и незаконности судебных решений (неприменение или неправильное применение судом подлежащих применению норм материального (ч. 2 ст. 424 ГПК) либо процессуального права (ч. 3 ст. 424 ГПК).

Согласно ч. 3 ст. 436 ГПК основаниями к принесению протеста в порядке надзора на судебные постановления являются существенные нарушения норм материального и процессуального права. Таким образом, исходя из содержания данной нормы, возможность подачи надзорной жалобы ограничена только критерием незаконности судебного

решения. Вместе с тем представляется неправомерным оставлять без внимания решение, если нижестоящим судом не учтены все факты, входящие в предмет доказывания по делу, если факты, положенные судом в основу решения, не подтверждены достаточными и достоверными доказательствами, если изложенные в решении выводы суда не соответствуют установленным фактам.

С целью устранения данного пробела в нормах ГПК в ч. 1 п. 16 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 3 «О практике рассмотрения гражданских дел в порядке судебного надзора» закреплено, что должностное лицо, наделенное правом принесения протеста, может истребовать дело для проверки в порядке надзора при наличии в жалобе заслуживающих внимания доводов о существенных нарушениях материального, процессуального законодательства, а также о необоснованности судебных постановлений.

Следует отметить, что согласно ст. 424 ГПК необоснованность судебного постановления является самостоятельным основанием для его отмены наряду с незаконностью. Аналогичная ситуация имеет место и в хозяйственном судопроизводстве.

Следуя необходимости полноты правового регулирования надзорного производства, логичного и системного построения норм кодексов как основных требований нормотворческой техники, а также обеспечения наиболее полной реализации гражданами и организациями конституционного права на обжалование судебных постановлений, считаем необходимым закрепить данное нарушение в действиях суда в качестве дополнительного основания к принесению протеста в порядке надзора в ГПК и ХПК.

УДК 347.9

О.В. Бодакова

РОБОТИЗАЦИЯ В ГРАЖДАНСКОМ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Внедрение информационных технологий, роботизация, искусственный интеллект и телекоммуникации являются характерными чертами XXI века. Дальнейшее развитие робототехники, информационного общества и электронного государства обозначено в качестве Приоритетных направлений научной, научно-технической и инновационной

деятельности на 2021–2025 годы, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156.

Все чаще государства используют возможности искусственного интеллекта в цивилистическом процессе для его упорядочения и систематизации, повышения эффективности судебной системы и разгрузки судов, обеспечения широкого доступа населения к правосудию.

В настоящее время в некоторых странах искусственный интеллект используется в качестве помощника судьи, а также в качестве технологии, полностью его заменяющей. Например, по делам приказного производства в Российской Федерации в рамках пилотного проекта компьютерная программа готовит судебные документы и проверяет реквизиты. В Казахстане искусственный интеллект сам выносит решение, в то время как судья лишь подписывает его. В Нидерландах «цифровой судья» принимает решение, а задачей судьи-человека является его проверка при наличии возражений сторон.

Для Беларуси использование технологий, основанных на искусственном интеллекте, также актуально. Уже сегодня в нашей стране в гражданском и хозяйственном судопроизводстве функционируют сервисы «Электронное правосудие», АИС СОЮ, который включает в себя «Общее делопроизводство», «Управление кадрами», «Почтовое взаимодействие», «Прикладное администрирование» и иные. Так, при помощи сервиса «Электронное правосудие» зарегистрированный пользователь имеет возможность посредством Интернет-портала дистанционно обращаться в экономические суды. А при вынесении каких-либо судебных документов по делу в личный кабинет пользователя приходят их копии.

Говоря не просто о внедрении искусственного интеллекта на определенных этапах судопроизводства, а о роботизации правосудия в целом, стоит отметить, что это позволило бы существенно сократить расходы государства, поскольку искусственный интеллект не нуждается в отдыхе, заработной плате или различного рода поощрениях. Затраты ограничивались бы только материально-техническим обеспечением роботов.

Принцип независимости судей (ст. 11 ГПК и ст. 12 ХПК) и принцип равенства перед законом и судом (ст. 12 ГПК и ст. 15 ХПК) будут соблюдаться в полной мере. Искусственный интеллект лишен чувств, эмоций и предрасположений относительно личностей участников по делу, а значит субъективизм с его стороны исключается. Он будет строго следовать закону, его решения будут действительно беспристрастными, что обусловит исключение из процессуальных кодексов института отвода судей.

Реализация права лица участвовать в процессе через переводчика (ст. 16 ГПК и ст. 20 ХПК) также возможна посредством искусственного интеллекта.

Принцип процессуальной экономии (ст. 25 ГПК и ст. 13 ХПК) будет обеспечиваться в большей мере, поскольку компьютерная программа способна обрабатывать большое количество информации в считанные секунды, в то время как человеку для разрешения какого-либо дела может понадобиться несколько дней. Кроме того, судебные заседания всегда будут проводиться строго в соответствии с расписанием. Принцип непрерывности (ст. 269 ГПК и ст. 24 ХПК) не потребует законодательного закрепления, поскольку дело будет рассматриваться одной и той же системой.

Следует отметить, что с использованием искусственного интеллекта некоторые судебные действия утратят свое значение. Например, соблюдение тайны совещательной комнаты не потребует ввиду быстроты принятия решения.

Несомненным достоинством системы искусственного интеллекта является ее неподверженность коррупции и невозможность оказания на нее административного давления.

Вместе с тем интеграция искусственного интеллекта в цивилистический процесс порождает определенные риски. Во-первых, вместе с отсутствием эмоций и предвзятости искусственному интеллекту не присущи нравственные ценности, такие как справедливость и внутреннее убеждение. Следовательно, решения будут сугубо формализованными, что исключает возможность использования робота для разрешения дел оценочной категории. Во-вторых, искусственный интеллект не способен проанализировать, в каких межличностных отношениях находятся между собой стороны, соответственно, в случае деструктивного поведения участников он не сможет урегулировать ситуацию с помощью коммуникативных технологий. В-третьих, развитие права происходит настолько стремительно, что не всегда законодателю удается вовремя урегулировать новые правоотношения, заполнить пробелы в праве и т. д. В такой ситуации судья-человек применяет аналогию закона и аналогию права, а у искусственного интеллекта отсутствует понимание юридических норм и принципов.

В целом важно, чтобы работа самого искусственного интеллекта базировалась на определенных принципах. В этой связи целесообразно закрепить установленные Европейской этической хартией об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях следующие принципы: 1) принцип соблюдения основных прав; 2) принцип недискриминации; 3) принцип качества и безопас-

ности; 4) принцип прозрачности, беспристрастности и достоверности; 5) принцип контроля пользователем.

Кроме того, необходимо предоставить участнику судебного процесса возможность выбирать между использованием искусственного интеллекта и традиционным судебным разбирательством. В данной ситуации не имеет значения уровень технического прогресса государства, а также то, насколько надежно будет обеспечиваться защита персональных данных. Важен фактор доверия сторон виртуальному судье, в противном случае увеличится количество обращений в вышестоящие инстанции, а также будет утрачен авторитет судебной системы в целом.

На наш взгляд, перспективным направлением внедрения искусственного интеллекта является приказное производство. Требования в рамках данного производства являются бесспорными, судебные заседания не проводятся, стороны не вызываются в суд – соответственно, анализ правоотношений сторон не требуется, а работа судьи носит технический характер. В таких делах искусственный интеллект может самостоятельно генерировать судебное постановление, а судья будет лишь проверять и подписывать его. Это позволит существенно снизить нагрузку на суды, сфокусировать свое внимание на более сложных делах, так как только за 2021 г. судами в рамках приказного производства рассмотрено около 10 % гражданских дел и около 63 % экономических дел.

Таким образом, внедряя искусственный интеллект в цивилистический процесс, важно предвидеть не только его достоинства, но и предупредить все возможные риски. Безусловно, использование искусственного интеллекта потребует модификации действующего законодательства, однако это представляется оправданным для повышения эффективности судопроизводства.

УДК 343.98.068

А.И. Бородич

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Среди давно известных способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, выделяется их бесконтактный сбыт, организации которого способствовало создание информационно-коммуникационных технологий. Бесконтактный сбыт заключается в

использования электронных систем размещения объявлений на различных сайтах и в социальных сетях. Информационно-коммуникационные технологии могут использоваться для рекламы наркотиков посредством размещения специализированной страницы или группы в социальных сетях, создания в сети Интернет web-сайта или интернет-магазина курительных смесей.

Проникновение наркоторговли в социальные сети и на популярные электронные торговые площадки позволяет предположить, что доступность наркотиков растет. Если основная часть наркооборота в даркнете приходится на каннабис, то видимый сегмент интернета часто используется для торговли новыми психоактивными веществами и химическими компонентами, используемыми в изготовлении синтетических наркотиков, в том числе прекурсорами.

Согласно Всемирному докладу о наркотиках за 2021 год, опубликованному Управлением по наркотикам и преступности ООН (УНП ООН), около 275 млн человек во всем мире употребляли наркотики за прошедший год, в то время как более 36 млн человек страдали от расстройств, связанных с употреблением наркотиков. За последние 24 года в некоторых частях мира потребление каннабиса увеличилось более чем в 4 раза, при этом процент подростков и молодых людей, которые считали наркотики вредным, снизился на 40 %. В 2020 г. более 1 510 000 человек в Центральной Азии и на Южном Кавказе употребляли каннабис хотя бы один раз.

Совершенствование цифровой взаимосвязанности повлекло за собой появление новых способов функционирования глобальных цепочек поставок наркотиков. Так, онлайн-платформы позволяют покупателям и продавцам общаться напрямую, обходясь без посредников, что сокращает издержки и цепочку поставок. После совершения сделки в режиме онлайн наркотики доставляются в почтовый ящик или закладываются в тайник в условленном месте, что снижает потенциальный риск непосредственного взаимодействия с наркоторговцами, а использование почтовых курьерских служб и международных торговых сетей минимизирует вероятность обнаружения и перехвата наркотиков в силу объемов мировой торговли.

Сбыт и реализация контролируемых наркотиков и новых психоактивных веществ в интернете могут осуществляться на разных уровнях, например в открытых, видимых сегментах интернета, иногда с использованием зашифрованных средств связи и через некоторые социальные сети. Онлайн-торговля такими традиционными наркотиками, как героин, стимуляторы амфетаминового ряда, каннабис и кокаин, происходит на анонимных платформах в глубоком интернете. Для сбыта другой продукции, в частности синтетических наркотиков, все больше прони-

кающих на рынок традиционных наркотиков, активно используется открытый интернет. Как сообщается во Всемирном докладе о наркотиках за 2021 год, целый ряд поставщиков, действующих автономно или через широко известные торговые интернет-площадки, открыто торгует веществами, включая прекурсоры, предпрекурсоры, новые психоактивные и другие контролируемые вещества, которые в конечном итоге попадают на рынок синтетических наркотиков. Эти поставщики постоянно меняют предлагаемый ассортимент, подстраиваясь под изменения в национальных и международных системах контроля и принимаемые государствами меры, чтобы оставаться в рамках закона и иметь возможность работать в открытую. Они способны влиять на ситуацию на рынке синтетических наркотиков, предлагая новые или адаптированные вещества, которые можно использовать для изготовления синтетических наркотиков или в качестве разбавителей. Помимо использования сайтов электронной торговли и специализированных торговых площадок по продаже химических реактивов многие поставщики, торгующие в открытом сегменте интернета синтетическими наркотиками и связанными с ними химическими веществами, имеют собственные сайты, на которых размещают объявления о продаже веществ. Пользуясь социальными сетями для создания и развития клиентской базы, они в дальнейшем направляют потенциальных покупателей на собственный сайт либо сайт связанных с ними химических компаний для совершения сделки. Оплата, как правило, производится через коммерческие системы денежных переводов и более традиционными способами, например посредством электронных денежных переводов. Самым же популярным способом является оплата в криптовалюте, например в биткоинах. Для доставки преимущественно используются коммерческие почтовые и курьерские службы.

В теневых сегментах интернета, которые являются частью глубокой сети, также осуществляется наркотрафик. Во Всемирном докладе о наркотиках за 2021 год приводится вывод о том, что такие характеристики, как анонимность, обеспечиваемая с помощью специальных программных средств, например многослойного маршрутизатора Tor¹, широта ассортимента предлагаемых наркотиков, глобальный охват те-

¹ Tor (The Onion Router, «луковичный» или многослойный маршрутизатор) – свободное и открытое ПО для анонимного использования интернета за счёт «луковой» маршрутизации. Луковая маршрутизация – технология анонимного обмена информацией в интернете, по которой сообщения неоднократно шифруются, проходя слой за слоем через несколько устройств, называемых луковыми маршрутизаторами. Они представляют собой входящий узел (ноду), промежуточные узлы и выходной узел. Промежуточные узлы не знают источник, пункт назначения и содержание сообщения. Кроме того, входной узел не знает информации выходного узла, а выходной – входного

невого интернета и использование криптовалют, практически не меняются. Сеть Тог является крупнейшим даркнетом и содержит наибольшее количество сайтов. В середине 2020 г. в мире насчитывалось около 200 тыс. сервисов Тог. С 2011 по 2019 г. количество торговых площадок в сети Тог увеличилось с 1 до 118. Среди предлагаемых товаров – наркотики, огнестрельное оружие и боеприпасы, а также инструменты для хакерских атак и услуги по взлому электронных систем. Рыночная среда даркнета характеризуется динамичностью и приспособляемостью, хотя не исключено, что без вмешательства правоохранительных органов эти рынки продемонстрировали бы еще более стремительный рост в течение последнего десятилетия. За последние 10 лет в даркнете появилось более 100 торговых платформ, при этом многие из них, в том числе самые крупные, существуют недолго. Анализ 103 торговых площадок в даркнете за период 2010–2017 гг. показал, что они остаются активными в среднем чуть дольше 8 месяцев.

Тем не менее общий объем продаж на крупнейших площадках даркнета по-прежнему выглядит скромно в сравнении с совокупным объемом незаконной наркоторговли. По данным анализа за 2011–2020 гг. наибольший процент сделок с наркотиками на 19 крупных торговых площадках даркнета приходится на каннабис, и этот показатель неуклонно растет. За каннабисом по числу сделок идут синтетические стимуляторы (в основном амфетамин, дексамфетамин, риталин (метилфенидат), аддералл (таблетки, содержащие амфетамин), модафинил (заменитель амфетамина), метамфетамин и разные катионы, такие как мефедрон, 3,4-метилендиоксипировалерон (МДПВ), метилон, или α -пирролидиновалерофенон (α PVP)), затем 3,4-метилендиоксиметамфетамин (МДМА, больше известный как экстази) и кокаин. В даркнете продаются такие опиоиды, как оксикодон, гидроморфон, гидрокодон, кодеин, бупренорфин, метадон, трамадол, тапентадол, фентанил и героин.

Таким образом, информационно-коммуникационные технологии приобрели черты глобального явления, обладающего трансформационным потенциалом, под влиянием которого находятся ключевые сферы общественной жизни. Стремительный темп технологических инноваций в комплексе с гибкостью и приспособляемостью наркодельцов может привести к возникновению глобального рынка сбыта большого количества наркотиков в различных регионах мира, особенно с учетом способности наркоторговцев быстро адаптировать свои каналы сбыта к меняющимся условиям, что повлечет ускорение смены парадигмы потребления наркотиков.

Для решения вопроса о международном сотрудничестве в сфере борьбы с наркобизнесом требуются большие временные затраты, связанные с исполнением запросов, регламентированных международными договорами. Возникает необходимость разработки новых и дальнейшей проработки существующих мер по эффективному предупреждению сбыта наркотических средств.

УДК 342

Г.А. Василевич

О НЕКОТОРЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ К ПРОЕКТУ ЗАКОНА О ВСЕБЕЛОРУССКОМ НАРОДНОМ СОБРАНИИ

Исходя из положений Конституции о статусе Всебелорусского народного собрания (ВНС), оно является высшим коллегиальным представительным и нормотворческим органом, акты которого по юридической силе выше законов. В этой связи важно обеспечить наиболее высокую степень легитимности при формировании и функционировании ВНС. Делегаты в силу сохранения за ними по общему правилу полномочий в течение срока полномочий ВНС должны быть наделены не меньшим объемом прав и обязанностей, чем члены Парламента, включая право на обращения, предложения, запросы, прием должностными лицами, указы и их исполнение, а также проявление нормотворческой инициативы, отзыв, особенности привлечения к ответственности, досрочного прекращения полномочий и др.

Делегатами ВНС могут быть дееспособные лица, достигшие возраста 21 года. Они должны отвечать всем требованиям, установленным для избрания в Парламент. Возрастной ценз, конечно, может вызывать различные оценки. Не исключаем и 18-летний возраст, но исходим из того, что решения ВНС обладают более высокой силой чем законы, которые могут принимать депутаты Палаты представителей, достигшие 21 года.

Ст. 89-2 проекта Конституции определено, что в состав ВНС входят делегаты. Сам термин «делегаты» предполагает, что этих лиц кто-то делегирует в состав ВНС. Вместе с тем действующий Президент и Президент, прекративший исполнение своих полномочий в связи с истечением срока его пребывания в должности либо досрочно в случае его отставки, входят в состав ВНС *ex officio*. На наш взгляд, положения данной статьи следует трактовать так, что Президенты приобретают статус делегатов

по должности – делегатов от народа. В силу этих и иных причин они не должны приобретать статус делегата посредством избрания в состав ВНС каким-либо органом.

Конституция оставляет некоторые вопросы относительно вхождения в состав ВНС представителей законодательной, исполнительной, судебной власти. Вначале обратимся к понятию «представитель». Обычно – это лицо, действующее в интересах и от имени представляемого в пределах полномочий, предоставленных представляемым либо установленными законом (иными правовыми актами). Представитель действует от имени представляемого. Другое определение представителя позволяет вести речь о субъекте, который представляет в своем лице какую-нибудь область деятельности, выражает чьи-либо интересы. Таким образом, на уровне закона возможны следующие, на наш взгляд, варианты участия представителей законодательной власти в качестве делегатов ВНС: а) части парламентариев; б) всех парламентариев: представляя законодательную область деятельности, они одновременно могут являться делегатами, когда выступают от имени ВНС.

В силу того, что Парламент обладает существенными конституционными полномочиями и все депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики имеют равный статус, полагаем, что нет убедительных оснований для их деления на делегатов и не делегатов. Тем более, что порядок их избрания (назначения) отличается наиболее высокой степенью легитимности. Иной подход может провоцировать конфронтацию между членами Парламента. В связи с этим лучшим вариантом будет вхождение в состав ВНС на период своих полномочий в Парламенте всех депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики.

Что касается вхождения в ВНС представителей исполнительной и судебной власти, то решение вопроса о делегатах не должно обязательно замыкаться на республиканском уровне: в его состав могут входить представители этих ветвей власти не только республиканского, но и местного уровня. Здесь возможно квотирование в зависимости от уровня органа либо вхождение в состав ВНС лиц в силу их должностного положения (последнее должно быть исключением из общего правила). Например, члены Президиума Совета Министров, руководители и заместители высших судебных инстанций Беларуси входят в состав ВНС. Чем меньше представителей исполнительной и судебной власти входит в состав ВНС в качестве делегатов, тем лучше. При необходимости они могут приглашаться с правом совещательного голоса на заседания ВНС.

ВНС – это, как уже указывалось, высший представительный орган народа Беларуси. Для представительного органа характерна наибольшая близость к избирателям, что в большей степени обеспечивается прямыми выборами, однако с учетом концепции ВНС это исключается.

Есть три уровня Советов депутатов. Всех депутатов областных и Минского городского Совета депутатов, которые избираются посредством прямых равных всеобщих выборов и достигли 21 года, целесообразно считать делегатами ВНС. Это повысит качество избирательной кампании, активность избирателей, статус самих депутатов областного уровня. Степень народного представительства данных депутатов высокая.

Представители местных Советов депутатов, достигшие 21 года, избираются от каждой области на заседаниях Советов депутатов базового и первичного уровня. Правом внесения предложений кандидатур для избрания делегатами ВНС наделены депутаты соответствующих Советов, трудовые коллективы численностью не менее 300 членов, обладающих избирательным правом, политические партии, а также граждане посредством общего числа подписей не менее 1 тыс. Возможно предоставление права по выдвижению кандидатов в делегаты и парламентариям, избранным от соответствующей территории. Не исключаем установление многоступенчатой процедуры голосования – на уровне местных Советов депутатов первичного уровня выдвигается определенное число кандидатов, в отношении которых проводится второй этап выборов на базовом уровне либо даже их избрание осуществляется тайным голосованием на общем собрании депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики.

От гражданского общества в состав ВНС в качестве делегатов направляются представители профессиональных союзов – до 50 делегатов, общества инвалидов (ОО «БелОИ») – до 30 делегатов, молодежной организации (ОО «БРСМ») – до 50 делегатов. Уместна в данном случае процедура праймериз.

Всебелорусское народное собрание созывается на первое заседание Центральной избирательной комиссией в срок не позднее 60 дней после выборов депутатов.

Делегат ВНС принимает участие в его работе без отрыва от трудовой (служебной) деятельности.

Коллегиальным органом, обеспечивающим оперативное решение вопросов, входящих в компетенцию ВНС, в порядке, установленном законом, является Президиум.

Председатель ВНС, его заместители и иные члены Президиума избираются тайным голосованием ВНС.

Срок полномочий ВНС каждого созыва – 5 лет. Отсчет срока полномочий ВНС должен осуществляться со дня первого заседания после выборов не менее $\frac{2}{3}$ делегатов от его полного состава. Заседание правомочно при наличии большинства от полного состава делегатов.

При чрезвычайных обстоятельствах, когда проведение выборов не представляется возможным, допускается отсрочка выборов и продление срока полномочий ВНС данного созыва при условии, что это решение принимается большинством, составляющим не менее $\frac{2}{3}$ голосов всех членов Президиума ВНС.

УДК 342

Д.Г. Василевич

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОВИДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ОТРАЖЕНИЕ БАЛАНСА ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ

При решении спорных вопросов необходимо обеспечивать баланс частных и общественных интересов. В этом направлении развивается и практика ЕСПЧ. Всеобщая обязательность права не должна подменяться личным усмотрением. В российской информационной правовой системе «КонсультантПлюс» по состоянию на начало октября 2021 г. словосочетание «баланс интересов» использовано в актах ЕСПЧ около 370 раз. В Беларуси в международных договорах, участницей которых она является, а также в некоторых нормативных правовых актах используется этот важный принцип, но чаще речь идет об интересах отдельных участников отношений. В Беларуси, как и во многих странах романо-германской правовой семьи, законодатель идет по пути перечисления прав и свобод. Это не самый экономный путь нормотворческой деятельности. Предпочтительным представляется тезис: что не запрещено, то гражданину дозволено.

В научной литературе правильно подчеркивается, что даже при ограничении права должно быть сохранено его сущностное содержание; ограничения должны быть необходимыми и соразмерными. Такого же подхода придерживается Конституционный Суд Республики Беларусь. В некоторой степени ограничения сближаются с мерами государственного принуждения.

В настоящее время актуальной остается проблема противодействия COVID-19, включая вакцинацию. Пандемия, показав хрупкость человеческой цивилизации, меняет понимание чрезвычайной ситуации, которая превращается в новый, еще не привычный, но обыденный ритм жизни, предполагающий использование санитарных мер защиты, соблюдение при выходе из дома рекомендуемой социальной (точнее – физической) дистанции, ограничение рукопожатий и др. По состоянию на конец 2021 г. в Республике Беларусь было принято около 100 актов законодательства, предусматривающих меры против распространения коронавирусной инфекции или вызванных ею заболеваний. Это преимущественно акты Правительства и ведомственные акты, в основном Министерства здравоохранения.

В контексте требований ст. 23 Конституции позитивный характер имеют Законы Республики Беларусь «О предупреждении распространения заболеваний, представляющих опасность для здоровья населения, вируса иммунодефицита человека», «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения». Одну из ключевых ролей играют постановления Совета Министров от 8 апреля 2020 г. № 208 «О введении ограничительного мероприятия», от 22 мая 2020 г. № 305 «О мерах по предотвращению распространения инфекции, вызванной коронавирусом COVID-19». Правовой режим поведения различных субъектов в условиях пандемии определен постановлением Министерства здравоохранения от 29 декабря 2012 г. № 217 «Об утверждении Санитарных норм и правил». Согласно этому постановлению лица, находящиеся в самоизоляции в период регистрации случаев инфекции COVID-19, должны соблюдать ряд санитарно-противоэпидемических требований.

Анализ указанных актов показывает сбалансированность частных и общественных интересов. Установленные правила (соблюдение масочного режима, рекомендации по гигиене, дистанцированию и др.) нацелены на сохранение здоровья населения. В этих условиях вполне уместно усиление санитарно-эпидемиологического аудита. Один из наиболее сложных вопросов – проведение вакцинации: является ли она добровольной и может ли быть принудительной? Полагаем, что решение данного вопроса может зависеть от степени угрозы распространения COVID-19. О большой опасности этого заболевания свидетельствуют не только масштабы пандемии, но и факт установления ежемесячной надбавки медикам за работу с заболевшими указанной инфекцией, как и холерой.

Более приемлемым может быть побуждение к вакцинации косвенным образом. Например, допуск к работе с детьми, их обслуживанию,

лечению и т. п. может быть разрешен лицам, прошедшим вакцинацию. В некоторых странах более активно побуждают к вакцинации государственных служащих. Вместе с тем, как сообщил телеканал «Евроьюс» 1 октября 2021 г., Конституционный суд Словении заблокировал решение властей об обязательной вакцинации лиц, находящихся на государственной службе. В нашей республике целесообразно урегулировать все эти вопросы на законодательном уровне, в том числе вопрос о регулярности антипандемийных прививок при оформлении ребенка в детское дошкольное, иное (учебное) учреждение.

Таким образом, в настоящее время происходит процесс формирования антиковидного законодательства. Ряд мер, даже рекомендательного характера, из разряда временных могут трансформироваться в постоянные рекомендации или обязательные для исполнения нормы до победы над пандемией. Важно, чтобы не только законодатель, но и судебные инстанции оперативно реагировали на новые вопросы, которые неизбежно возникают в связи с ограничениями прав граждан в условиях пандемии. Это может касаться «перевода» многих норм из разряда подзаконных в законодательные, роста востребованности судебных разъяснений порядка применения законодательства. Например, Президиум Верховного Суда России сделал три Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории России новой коронавирусной инфекции (COVID-19): от 21 апреля 2020 г., 30 апреля 2020 г. и 17 февраля 2021 г. В обзорах даны ответы на многие вопросы, которые касаются прав и свобод граждан в сфере административного, уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и иного законодательства и влияют на конституционно-правовой статус человека. Такие действия укрепляют конституционную законность, правопорядок, обеспечивают единство правоприменительной практики, а значит – соблюдение конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Исходя из конституционной значимости охраны здоровья, ограничения могут быть обусловлены обязанностью государства бороться с эпидемическими заболеваниями и предупреждать негативные последствия. Интересна практика Конституционного суда Италии по оценке баланса интересов общества и отдельных лиц, которые имели инфекционное заболевание (ВИЧ). Он подтвердил право законодательной власти на досрочное освобождение таких лиц из мест лишения свободы, отметив приоритет права. В другом деле за два десятилетия до нынешней пандемии он подтвердил конституционность возложенной

обязанности для представителей некоторых профессий проходить медицинские осмотры.

В решении по делу Энхорн против Швеции (Enhorn v. Sweden, № 56529/00) ЕСПЧ, анализируя ст. 5 ЕКПЧ, определил допустимые подходы национального законодателя при решении вопроса относительно ограничения или лишения свободы, когда целью таких мер является борьба с распространением инфекции. ЕСПЧ констатировал, что «основная причина, по которой Конвенция позволяет лишать свободы лиц, упомянутых в пункте 1 статьи 5, заключается не только в том, что они представляют опасность для общественной безопасности, но и в том, что собственные интересы могут потребовать их содержания под стражей». При ограничении прав и свобод, объективно обусловленном, осуществленном на основе конституционной нормы, недопустимо «упразднение» права.

УДК 342.71

О.В. Волчкевич

ЦИФРОВОЕ ГРАЖДАНСТВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Цифровое гражданство берет истоки в онлайн-активности, когда человек заходит в интернет и создает там электронную почту, выкладывает фотографии, делает покупки, совершает платежи, получает образование или общается с людьми.

Однако в дальнейшем процесс выходит за рамки пользования интернетом. Цифровые технологии снижают барьеры на пути к участию человека в деятельности общества в качестве гражданина. Тем самым цифровое гражданство – это взаимодействие между человеком и государством в интернете; «явление, суть которого заключается в способности граждан участвовать в делах общества онлайн» (И.И. Екадумова); «возможность участвовать в общественной и политической жизни, сохранять свою национальную и государственную идентичность, выстраивать личностные взаимоотношения онлайн-путем удаленного информационного обмена» (Р.А. Середя); «реакция индивида на членство в цифровом сообществе» (Т. Хейк).

Современный человек благодаря цифровизации уже не ограничен в действиях территорией своего населенного пункта и даже государства.

Таким образом, цифровое гражданство – это определение своей гражданской принадлежности и чувства патриотизма к конкретному государству в условиях глобализации и использования сети Интернет.

Опираясь на выводы и определения множества исследований, можно сделать некоторое обобщение: цифровые граждане – это граждане, правильно и эффективно использующие цифровые технологии.

Базисом цифрового гражданства являются права и свободы, распространяющиеся на всех цифровых граждан: право на доступ к Интернету, поиск, получение и передачу информации; на свободу слова, за исключением случаев, установленных законодательством; на использование, создание и публикацию цифровых произведений, защиту личных данных; на неприкосновенность частной жизни, безопасность.

Бизнес, осуществляемый в цифровом формате, создает новые экономические ресурсы. Однако сегодня персональные данные, используемые онлайн-сервисами (Facebook, Google, Amazon, Alibaba, Одноклассники и др.), банками, операторами связи и государством (например, для оказания услуг гражданам, выполнения государственных функций), считаются «новой нефтью» экономики в силу своей ценности. Это обстоятельство требует выработки правил и законов, защищающих интересы граждан и государства, участия самих граждан в решении этих и других вопросов существования онлайн.

По мере того, как растет число граждан Республики Беларусь пользующихся цифровыми технологиями и Беларусь входит в глобальную цифровую экономику, необходимость определения и поддержания цифрового гражданства становится все актуальнее.

Цифровая трансформация – это новая философия и идеология. Это возможность для Беларуси занять свое место в глобальной цифровой экономике и проявить свою национальную идентичность. В основе этой новой философии лежит «гражданско-ориентированный подход».

Нормы традиционного гражданства в интернете не исчезают и продолжают действовать. Вместе с тем игнорировать новую коммуникативную среду невозможно, поскольку она меняет парадигму отношений, открывает для людей новые горизонты, следовательно, наделяет новыми правами и обязанностями.

Еще один важный момент, возникающий благодаря интернет-технологиям и в корне отличающий цифровое гражданство от обычного, – его экстерриториальность, отсутствие привязанности к месту жительства. Оно предусматривает контакты с государством любых его резидентов и нерезидентов.

Цифровое гражданство исходит из международного права, но в своей реализации на уровне отдельных государств опирается на национальные нормативные правовые акты и договорное право разных стран.

Оно в полной мере реализуется при подотчетном и контролируемом взаимодействии граждан с социальными сетями, другими интернет-платформами, а также с государственными информационными ресурсами.

Цифровое гражданство способствует деbüroкратизации государственного аппарата и повышению качества обеспечения жизнедеятельности населения, электронному участию в обсуждении злободневных вопросов, законопроектов и т. п., предоставлению государственных услуг, товаров, информации, заключению договоров, участию в жизни не только государства, но и человечества, простоте объединения людей для решения различных проблем.

Таким образом, в отличие от классического гражданства, цифровое учитывает особенные условия, не свойственные физическому пространству. Цифровой гражданин – лицо, которое не только получает и использует информацию, но и действует на ее основе, меняя реальную действительность через виртуальную. Цифровое гражданство отличается не только новыми возможностями, но и рисками киберпространства, а также экстерриториальностью действия. Ему присущи права и обязанности, позволяющие использовать цифровые технологии безопасным и эффективным способом.

УДК 347.9

Д.В. Гапоненко

ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕСПРИСТРАСТНОСТИ СУДЕЙ И ЗАКОННОСТИ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Главной целью цивилистического судопроизводства следует признать удостоверение бесспорно принадлежащих субъектам прав, а также восстановление прав в случае их нарушения. В связи с этим среди основных требований, предъявляемых к судебной системе и ее субъектам в целом, целесообразно выделить беспристрастность судей и правильность (законность) отправления правосудия.

По мнению классика гражданского процессуального права Т.М. Яблочкова, «условия беспристрастности, правильности судопроизводства могут быть сведены к следующим положениям:

судебная организация должна обеспечить быстроту судопроизводства и доступность суда;

судья должен быть поставлен в возможно независимое положение и должен отвечать требованиям образовательного ценза;

власть судебная должна быть отделена от власти законодательной и исполнительной».

Доступность суда, с наличием которой Т.М. Яблочков связывает беспристрастность и правильность судопроизводства, зависит во многом от исполнения принципа гласности гражданского судопроизводства. Содержание указанного принципа, исходя из положений ст. 17 ГПК Республики Беларусь и ст. 21 ХПК Республики Беларусь, в большей мере раскрывается посредством указания на открытое рассмотрение дел в суде (с наличием определенных отступлений от указанного правила), а также на оглашение резолютивной части решения (судебного постановления). Иные статьи ГПК и ХПК касаются вопросов порядка извещения лиц, участвующих в деле (ст. 143 ГПК, ст. 140 ХПК), фиксации хода судебного разбирательства (ст. 271 ГПК, ст. 176 ХПК). Однако содержание анализируемого принципа намного шире.

Принцип гласности, гарантируя информированность участников относительно нюансов судопроизводства, обеспечивая общественный контроль за его ходом и результатом, служит одновременно средством, оказывающим дисциплинирующее воздействие на участников судопроизводства. Как было отмечено русским юристом Н.А. Терновским «...дисциплинирует судей, побуждает их, а также и всех участвующих в деле лиц, к наиболее строгому и добросовестному исполнению лежащих на них обязанностей».

Следует подчеркнуть, что справедливость и публичность разбирательства дела, осуществляемого независимым и беспристрастным судом, – это принципы, находящиеся во взаимосвязи и взаимозависимости, которые, будучи провозглашенными положениями Всеобщей декларации прав человека, всегда занимали и занимают ведущую роль в вопросе судебной формы защиты прав человека.

Роль принципа гласности в гражданском судопроизводстве прослеживается и в вопросе обеспечения независимости и самостоятельности судей, потому что в условиях открытости процесса какое-либо влияние на судью либо принимаемое им решение затруднено, а при возникновении таких ситуаций на практике предание их гласности обеспечивает невозможность повторения подобного.

Вышеизложенное подчеркивает особую роль принципа гласности в контексте гражданского судопроизводства, акцентируя внимание на

множественности вариаций его проявления и функциональных ролей. В связи с этим реализация принципа гласности не только предоставляет возможность участвующим в деле лицам, а также иным интересующимся процессом гражданам быть информированными относительно нюансов подлежащего рассмотрению дела, осуществлять общественный контроль за его ходом и результатом, но и оказывает дисциплинирующее воздействие на судью и иных участников процесса, стимулируя их соблюдать все правила судопроизводства, обеспечивая беспристрастность судей и способствуя вынесению законного решения, обеспечивая прозрачность судопроизводства.

УДК 342.5

Е.П. Гуйда

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В МЕХАНИЗМЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРИНЯТИЯ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Активное развитие цифровых технологий и их внедрение в нормотворческую деятельность оказывает на нее существенное воздействие. В современной юридической литературе многими учеными обращается внимание на вопросы применения технологий прогнозирования. В частности, прогнозирование рассматривается как одна из составляющих предпроектной стадии нормотворческого процесса, которое осуществляется поэтапно: 1) исследуется динамика общественных отношений в целях определения оптимального решения; 2) выявляются позитивные и негативные последствия решения проблемы по каждому из возможных вариантов; 3) учитываются изменения правового регулирования, т. е. анализируются правовые риски (в том числе проявления негативных последствий).

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» содержит отдельную статью, предусматривающую прогнозирование последствий принятия (издания) нормативных правовых актов (ст. 45). Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 25 января 2019 г. № 54 утверждена Инструкция по прогнозированию последствий принятия (издания) нормативных правовых актов, в которой определены конкретные государственные органы, отвечающие за проверку выводов, сформулированных в обосновании принятия (издания) нормативного правового акта и финансово-экономическом обосновании.

Одним из ключевых направлений является прогнозирование и оценка возможных рисков, связанных с принятием проекта нормативного правового акта. Правовые риски являются элементом юридического прогнозирования. Проблема правовых рисков активно обсуждается юридическим сообществом. Практика предшествующих десятилетий свидетельствует о недооценке прогнозов и моделей в процессе нормотворчества и правоприменения.

Многими учеными обосновывается необходимость принятия методики предотвращения и диагностики рисков, оценки и анализа юридических рисков, которую необходимо использовать в механизме прогнозирования. В свою очередь методика прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов должна содержать научно обоснованные положения по выбору наиболее эффективного способа составления прогноза действия нормативного правового акта.

Актуальным вопросом современного нормотворчества является его своевременность и соответствие динамике развития общественных отношений. При этом возникает необходимость в эффективном прогнозировании последствий принятия нормативных правовых актов, которое обеспечивается внедрением цифровых технологий. Для эффективного прогнозирования могут быть применены программы, моделирующие ситуации и результаты их разрешения, используя неограниченный объем данных, что предоставит возможность в комплексе предвидеть все варианты развития общественных отношений в той или иной области. Для нормотворческой деятельности это важно, так как позволит значительно ускорить процесс подготовки и принятия нормативного правового акта.

Цифровые технологии затрагивают весь процесс подготовки нормативного правового акта. Учеными (В.Д. Зорькин, И.Д. Ягофарова) предлагается внедрить в процесс создания нормативного правового акта концепцию автоматизации права, предполагающую использование машиночитаемых норм, создаваемых на базе программного языка. Конечно, в перспективе станет возможным прогнозирование последствий принимаемых законопроектов с помощью цифровых технологий.

Если обратиться к практике других государств, то цифровые технологии получают широкое распространение. В ряде зарубежных стран (Молдова, Таджикистан) в законах о нормативных правовых актах отражаются формы использования информационных технологий в правотворческой деятельности. Например, в Кыргызстане утверждена Концепция цифровой трансформации «Цифровой Кыргызстан 2019–2023».

Одной из основ цифровой трансформации выступает совершенствование нормативной правовой базы, где требуется не только оптимизация и модернизация принимаемых нормативных правовых актов, но и перспективы внедрения искусственного интеллекта на отдельных стадиях правотворческой деятельности. Цифровизация правотворческой деятельности может проявляться в том, что до принятия проекта закона можно будет моделировать и прогнозировать различные правовые и социальные последствия его принятия.

В Республике Беларусь на повышение качества проектов правовых актов, внедрение электронного документооборота в нормотворческую деятельность, создание оптимальных условий для взаимодействия государственных органов и организаций в процессе подготовки, принятия и доведения до всеобщего сведения правовых актов направлены указы Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов», от 10 июля 2019 г. № 265 «О совершенствовании нормотворческой деятельности», от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности». В частности, в п. 4 последнего из перечисленных указов определяется необходимость цифровизации и широкого применения информационных технологий на всех стадиях подготовки и принятия (издания) нормативных правовых актов. Так, с 1 июля 2022 г. вводится обязательное осуществление нормотворческой деятельности государственных органов (организаций) в полном объеме посредством АИС «Нормотворчество».

В отечественной правовой доктрине (Е.И. Коваленко) констатируется, что сегодня достигнут такой уровень развития, при котором информационно-коммуникационные технологии в той или иной степени пронизывают весь нормотворческий процесс. В перспективе планируется дальнейшее внедрение информационных технологий в нормотворческий процесс применительно не только ко всем видам нормативных правовых актов, но и в части дальнейшей автоматизации стадий нормотворческого процесса.

Таким образом, важными факторами повышения эффективности нормотворческой деятельности в современных условиях, требующих оперативного принятия нормативных правовых актов, являются широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий в нормотворческую деятельность, системная и комплексная автоматизация нормотворческого процесса. С учетом внедрения в нормотворческую деятельность цифровых технологий перспективным является применение

ние искусственного интеллекта на различных этапах нормотворческого процесса, в том числе и при прогнозировании последствий принятия нормативных правовых актов, что будет способствовать повышению качества нормотворчества. Одним из направлений оптимизации прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов является разработка и внедрение в практику нормотворчества методических рекомендаций по оценке и анализу правовых рисков.

УДК 342.7

О.А. Дементей

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВА

Нарастающие темпы развития и совершенствования информационных технологий оказывают существенное влияние на улучшение функционирования инфраструктуры, промышленности, ускорение обмена информацией и пр., что во многом способствует повышению уровня и качества жизни общества.

Вместе с тем использование данных новаций влечет за собой определенные видоизменения (трансформации) существующих в настоящий момент общественных отношений, в связи с чем во главу угла ставится вопрос о разработке правовых норм, регулирующих указанные отношения. Таким образом, речь идет о трансформации права в широком его смысле.

Одним из ключевых процессов, прогрессирующих в рамках развития информационных технологий, является цифровизация общественных отношений. Однако при изучении данного вопроса принципиально важно определить понятие «цифровизация» и сущность этого процесса, поскольку последнее зачастую воспринимается в качестве синонимичного понятия «информатизация». Как отмечают Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э., Ходырев А.М., пока не существует однозначного определения понятия «цифровизация» ни в отечественной, ни в западной науке, что подчеркивает актуальность обозначенной темы.

При анализе авторских концепций изучаемого процесса следует констатировать рассмотрение цифровизации как новой эпохи – эпохи обширных данных (big data) и соответствующих технологий, на основе которых повышается эффективность производства, его объемы, что способствует успешной реализации индивидуального подхода в любой

сфере деятельности современного человека. Также к цифровизации относят появление новых инструментов с целью наращивания производительности и структурирования имеющихся массивов данных, при использовании которых окончательным результатом развития является формирование аналитики, основанной на big data. Инструментом такого анализа является искусственный интеллект и группа методов машинного обучения (machine learning). Таким образом, при исследовании данного теоретического аспекта можно прийти к выводу об отсутствии в современной правовой доктрине четкого определения понятия «цифровизация», что наряду с имеющимися субъективными мнениями различных правоведов о природе и сущности данного процесса обосновывает актуальность рассмотрения данной темы и ее проблематики.

Так, Д.А. Пашинцев в своем труде «Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений» указывает, что в современных условиях одним из важнейших факторов, который оказывает существенное воздействие на право как на регулятор общественных отношений, выступает цифровизация. Внедрение новых цифровых технологий приводит к изменениям во всех сферах жизни, причем эти изменения по своим масштабам схожи с очередной технической революцией. Также он обращает внимание, что прежде всего цифровые технологии при их активном и повсеместном внедрении и использовании меняют сам характер взаимоотношений в обществе. Диктуемая цифровизацией логика сетевого взаимодействия наделяет общественное развитие неизвестной прежде гибкостью, в результате чего социальные институты и процессы способны легко и быстро изменяться, успешно встраиваясь в формирующуюся новую реальность. Цифровизация неизбежно меняет стереотипы массового поведения, которое в свою очередь выступает одним из этапов и условий конструирования правовой реальности. Любое действие, направленное на применение правовых норм, неизбежно основано на существующей правовой традиции, но при этом содержит в себе определенный элемент инновации. Цифровизация смещает акцент с традиционности на инноватику, повышает степень инновационности действий в правовой сфере.

Особое значение, по мнению Е.С. Бойченко, имеют персональные данные в условиях вызовов и угроз, обусловленных цифровой трансформацией, поскольку персональные данные легко становятся общедоступными и находятся под угрозой. Важной проблемой является использование во многих областях, а нередко и в противоправных целях, системы синтеза изображения на основе глубокого нейронного анализа

и обучения (Deepfake), которые базируются на искусственном интеллекте и применяются для подмены лиц на видеоизображении, позволяют создавать фейковые новости путем подмены на видеоизображении одного лица другим с помощью нейросетей и нейронного анализа. Одна из задач общества в условиях возрастающих рисков и угроз в информационной сфере – найти новые правовые методы и механизмы в области государственного управления. При этом обязательно соблюдение требований информационной безопасности в целях обеспечения социальных связей на основе взаимодействия субъектов информационного обмена, эффективности и безопасности информационных потоков, что будет способствовать развитию цифровых платформ и цифровизации экономики. Цифровая трансформация экономики уже вызвала пересмотр взглядов на привычные объекты права и адаптацию регулирования во многих традиционных отраслях права, что позволяет говорить о новом рубеже развития юридической науки в целом.

Также вышеуказанный исследователь выделяет следующие проблемы правового регулирования общественных отношений, связанные с протеканием процесса цифровизации:

экспоненциальный рост числа субъектов и объектов общественных отношений в сфере цифровизации;

отсутствие системного подхода к регулированию общественных отношений в сфере информатизации, цифровизации, цифровой экономики, робототехники и искусственного интеллекта;

определенная сложность создания универсальных правовых инструментов и механизмов в условиях трансформации системы права и проблем применения международного права.

Вместе с тем научные исследования с целью выработки концептуальных подходов к правовому регулированию цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности путем развития теоретико-методологической тематики позволяют обосновать необходимость синергетических подходов к развитию информационного права и систематизации информационного законодательства – базового для регулирования отношений, возникающих в связи с появлением в информационном обществе новых объектов и субъектов, с развитием новых институтов, а также в связи с правовой неопределенностью в области цифровизации. Анализ позволяет сделать вывод о необходимости универсальных подходов, правомерности и обоснованности выводов, преодоления дискуссионности и сомнительности для признания сегодня цифрового права как отрасли, поскольку последнее правовой доктриной

не закреплено. В настоящее время нужны новые системные подходы на основе фундаментальных научных исследований, а не случайные, нередко фрагментарные решения.

Одна из актуальных научных проблем – трансформация системы информационного права. Важной тенденцией является институализация правовых норм в сферах идентификации, конфиденциальности, международной информационной безопасности, развития цифровых платформ, информационной инфраструктуры, персональных данных и др.

На основании изложенного, следует прийти к выводу о протекании определенной трансформации права под влиянием процесса цифровизации общественных отношений, что обуславливает возникновение ряда неопределенностей в области регулирования принципиально новых общественных отношений, складывающихся на основе внедрения в общественную жизнь результатов научно-технического прогресса. В этой связи актуальность настоящей темы и необходимость ее дискуссионного обсуждения учеными-правоведами не вызывает сомнений.

УДК 342

В.Н. Кивель

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ, КУЛЬТУРНЫХ И ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

В действующей Конституции Республики Беларусь отдельную группу основных прав составляют социально-экономические и культурные права: право на труд, отдых, собственность, охрану здоровья, включая бесплатное лечение в государственных учреждениях здравоохранения, право на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права, на социальное обеспечение в старости, в случае болезни, инвалидности, утраты трудоспособности, потери кормильца и в других случаях, предусмотренных законом, право на жилище, образование. Государством гарантируется доступность и бесплатность общего, среднего и профессионально-технического образования.

Среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого. В связи с этим представляется целесообразным остановиться на подготовке специалистов в юридиче-

ских учебных заведениях (юристов-профессионалов), пропаганде конституционных норм, правовом просвещении в области прав и свобод человека и гражданина. Современные условия требуют новых подходов к образованию. Общеизвестно, что существует бюджетная и платная формы подготовки специалистов, и к этим обеим формам в равной мере должны предъявляться высокие требования со стороны государства. С подготовкой юристов-профессионалов связано такое направление конституционно-правовой политики, как пропаганда норм Конституции Республики Беларусь и правовое просвещение в области прав и свобод личности.

В условиях рыночной экономики претерпело изменение и содержание права человека в сфере труда. Впервые в Советском Союзе и БССР право на труд было закреплено в Конституции СССР 1936 г. и Конституции БССР 1937 г. Содержание этого права раскрывалось как гарантии на получение работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством. В Конституции БССР 1978 г. было добавлено право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, профессиональной подготовкой, образованием и с учетом общественных потребностей (ст. 38).

В Конституции Республики Беларусь 1994 г. право на труд нашло совершенно новую интерпретацию (ст. 41), а именно право на труд как наиболее достойный способ самоутверждения человека, т. е. право на выбор профессии, рода занятий и работы в соответствии с призванием, способностями, образованием, профессиональной подготовкой и с учетом общественных потребностей, а также право на здоровье и безопасные условия труда.

Государство создает условия для полной занятости населения. В случае незанятости лица по независящим от него причинам ему гарантируется обучение новым специальностям и повышение квалификации с учетом общественных потребностей, а также пособие по безработице в соответствии с законом.

Лицам, работающим по найму, гарантируется справедливая доля вознаграждения за выполненную работу в соответствии с ее количеством, качеством и общественным значением, но не ниже уровня, обеспечивающего им и их семьям свободное и достойное существование. Женщины и мужчины, взрослые и несовершеннолетние имеют право на равное вознаграждение за труд равной ценности (ст. 42).

Важной гарантией права на труд является обеспечение реального отдыха граждан, способствующего восстановлению сил и работоспо-

собности. В соответствии со ст. 43 Конституции право на отдых для работающих по найму обеспечивается установлением рабочей недели, не превышающей 40 часов, сокращенной продолжительностью работы в ночное время, предоставлением ежегодных оплачиваемых отпусков, дней еженедельного отдыха.

Новое содержание Конституции объективно обусловлено изменением роли государства, переставшего быть единственным собственником всех средств производства, не имеющим вследствие этого возможностей быть, как раньше, единственным работодателем и гарантом получения работы каждым. Эти конституционные положения достаточно подробно детализируются в Трудовом кодексе Республики Беларусь и реализуются в рамках социального партнерства.

В соответствии со ст. 44 Конституции государство гарантирует каждому право собственности, содействует ее приобретению и защищает ее. Право собственности является основополагающим институтом, выходящим за пределы какой-либо одной отрасли права. В то же время непосредственная регламентация отношений собственности осуществляется нормами конституционного и гражданского права. В данном контексте актуальной проблемой является переход собственности из частной в публичную и наоборот.

Не менее важна, по нашему мнению, проблема конституционного регулирования земельных отношений. Земля является конструктивной основой любой недвижимости, и в этом качестве ее роль как объекта гражданского оборота в условиях рыночной экономики огромна. Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц. По данному вопросу представляется ценным научный опыт других государств по реформе земельной собственности. Можно согласиться с мнением О.Д. Обрамовой о том, что ни одна из форм собственности не обладает только плюсами или только минусами; лишь их сочетание, взаимодействие и конкуренция позволяют найти для каждой из них соответствующую экономическую нишу, где она оказывается более эффективной, чем другие. В итоге достигается и максимальный интегральный результат. Именно поэтому многообразие форм собственности является мощным ускорителем экономического прогресса. Для того чтобы граждане, субъекты хозяйствования чувствовали себя комфортно, необходимо иметь государственно-правовую систему, которая обеспечивает оптимальный баланс интересов государства, общества и

отдельного гражданина. Конституция Республики Беларусь закрепила фундаментальное право каждого на благоприятную окружающую среду и на возмещение вреда, причиненного нарушением этого права (ст. 46). Данное право является составной частью других естественных прав и находит широкую поддержку среди всей мировой общественности. К сожалению, мировому сообществу до настоящего времени так и не удалось наладить на международном уровне плодотворное сотрудничество в области решения назревших экологических проблем.

Стоит поддержать мнение Т.И. Макаровой по поводу того, что «право на благоприятную окружающую среду занимает место среди фундаментальных прав человека, независимо от присущего ему коллективного характера и его определенной связи с экономическим уровнем государства».

Достаточно актуальна и проблема реализации права граждан на возмещение экологического вреда. Данное право обеспечиваются правосудием и должно определять смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной, исполнительной власти, местного самоуправления и управления. В действующем экологическом законодательстве предусмотрены некоторые механизмы обеспечения соблюдения и защиты экологических прав, включая экологическое нормирование, экспертизу, лицензирование, мониторинг, контроль и др. Однако в области защиты экологических прав нерешенных проблем достаточно много.

УДК 342.722

Т.М. Киселёва

ПРИНЦИП РАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Проходящие в современном обществе процессы цифровизации часто рассматриваются как способ решения всех или большинства существующих проблем. Такой оптимизм во многом объясняется стремительным развитием информационных технологий, активным внедрением их в различные сферы частных и публичных отношений. Вместе с тем следует учитывать, что каждое явление потенциально может привести как к позитивным, так и негативным последствиям. В качестве примера можно рассмотреть влияние цифровой трансформации общества на обеспечение принципа равенства.

Принцип равенства выступает в качестве одной из важнейших основ регулирования отношений в современном обществе. Признание и закреп-

пление данного принципа осуществляется на международном и национальном уровне. В Республике Беларусь положения о равенстве нашли свое отражение в ряде норм Конституции, а также в отраслевом законодательстве. Базовой нормой можно считать положения ст. 22 Конституции, которой гарантируется равенство всех перед законом и право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Базовый характер названной нормы подчеркивается тем, что она сохраняется неизменной с момента принятия Конституции 15 марта 1994 г. При этом следует отметить, что равенство перед законом само по себе не обеспечивает реальное равенство. Необходимо предоставление равных возможностей всем гражданам с учетом их особенностей и проблем.

На обеспечение принципа равенства влияет множество факторов экономического, социального, политического и культурного характера. Развитие информационных отношений также непосредственным образом затрагивает соответствующие отношения. При этом влияние цифровизации носит ярко выраженный двойственный характер.

С одной стороны, цифровизация приводит к появлению новых форм реализации прав, свобод и обязанностей граждан, предполагающих упрощение и ускорение процедуры за счет использования технологий, обеспечивающих удаленный доступ. Появляются новые формы взаимодействия граждан и должностных лиц, государственных органов, что должно повышать активность разных слоев населения в решении вопросов республиканского и местного значения. Развиваются пути передачи и распространения информации, что позволяет более широко обсуждать частные и глобальные случаи неравенства, информировать заинтересованных лиц о способах защиты своих прав и свобод и т. д. Внедрение современных технологий сделало возможным существование дистанционного образования, дистанционного здравоохранения, удаленной работы и т. п. Важным результатом развития информационных технологий стало появление новых форм участия общественности в управлении государством. Новые формы не просто упрощают существующие процедуры, но и обеспечивают вовлеченность в соответствующие новые группы лиц. Как результат, лица с инвалидностью, лица, проживающие в отдаленных населенных пунктах, лица, осуществляющие уход за членами семьи и вынужденные находиться дома, другие подобные категории граждан получили возможность реализовать право на образование, трудовую деятельность, участие в культурной жизни и пр., а также обратиться в государственный орган, используя систему электронных обращений, высказать свое мнение по проектам нормативных право-

вых актов в порядке их публичного обсуждения на Правовом форуме Беларуси, удаленно получить электронные государственные услуги и воспользоваться иными благами. Внедрение новых технологий можно рассматривать как элемент обеспечения равенства возможностей.

С другой стороны, цифровизация может приводить к ухудшению положения уязвимых категорий граждан или даже вызывать новые проявления неравенства. Для эффективного использования информационных технологий граждане должны иметь доступ к необходимым техническим средствам, а также обладать соответствующими знаниями и навыками. В связи с этим в науке обращается внимание на существование цифрового неравенства. Безусловно, с развитием технологий, образования, экономики данная проблема утрачивает свою остроту, но не решается полностью. В каждом государстве существуют лица, которые имеют проблемы с доступом к современным технологиям или осознанно отказываются от их использования.

Активное внедрение информационных технологий в процедуры реализации прав и свобод, исполнения обязанностей может привести к ухудшению уровня жизни тех граждан, которые уже находились в уязвимом положении по иным основаниям (лица с инвалидностью, лица пожилого возраста, лица с низким доходом и пр.), или создать новые формы неравенства для граждан, не желающих пользоваться соответствующими технологиями.

Не всегда результаты внедрения информационных технологий будут соответствовать ожиданиям. К примеру, можно предположить, что лица с инвалидностью будут активно использовать интернет для реализации своих прав и свобод, для более активного участия в общественной жизни. Однако на практике это предположение не оправдалось. Так, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2019 г. только 31,6 % лиц с инвалидностью использовали сеть Интернет (из них 34,1 % в городах и 23,2 % в сельских населенных пунктах). При этом большинство опрошенных в качестве причин неиспользования сети Интернет указали отсутствие необходимости (80,9 %), и лишь незначительная часть назвала причиной отсутствие сети Интернет по месту проживания (0,3 %), высокую стоимость (3,7 %) или другие обстоятельства (0,3 %). Таким образом, приведенные данные свидетельствуют, в частности, о том, что граждане не в полной мере осознают, какие возможности им может предоставить использование современных технологий.

Сложившаяся ситуация показывает, что цифровизация на настоящий момент не может решить все проблемы неравенства, поэтому использо-

ванием информационных технологий не следует заменять иные механизмы, направленные на обеспечение реального равенства прав и равенства возможностей. Например, использование таких технологий для привлечения лиц с инвалидностью к активному участию в политических, образовательных, трудовых и иных отношениях не должно происходить в ущерб созданию безбарьерной среды. В противном случае положение данной категории лиц ухудшится, будут нарушены их права. Поэтому информационные технологии могут стать вспомогательным механизмом обеспечения равенства, но не главным или, тем более, единственным.

УДК 342.417

М.В. Ковальчук

О ВЛИЯНИИ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

На современном этапе развития правовой системы Республики Беларусь происходящие в обществе глобальные процессы цифровизации влекут за собой необходимость их законодательного регулирования. Как отмечает Т.А. Полякова, изучение зарубежного и отечественного опыта свидетельствует о тенденциях активизации нормотворческих процессов, принятии значительного массива правовых, организационно-технических, этических норм.

Информационная сфера активно развивается, расширяется информационно-правовое пространство, появляются связанные с этим новые субъекты и объекты права, информационные инфраструктуры, включая и такие, которые относятся к критическим, влияющим на безопасность государства, его национальные интересы. В условиях цифровизации белорусского общества необходимы универсальные, сложноорганизованные механизмы построения системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности, учитывающие особенности механизмов трансформации права.

По мнению А.В. Денисевича, в настоящее время формирование цифровой экономики можно отнести к одному из основных национальных интересов. Тем не менее правовые основы цифровой экономики только начинают развиваться и закладываться в отечественное законодательство. Первый серьезный шаг – принятие Декрета Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики».

Одним из важнейших условий успешного развития цифровой экономики является совершенствование системы правового регулирования процессов информатизации, что также предусмотрено Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66. В рамках данной программы предусматривается выполнение мероприятий по созданию (развитию) современной информационно-коммуникационной инфраструктуры, внедрению цифровых инноваций в отраслях экономики, а также обеспечению информационной безопасности таких решений.

Вопрос о роли права в механизмах цифровизации экономики также проявляется в установлении правового режима объектов самих информационных технологий. В частности отсутствует законодательное закрепление понятий «криптопространство», «цифровая экономика» и др., являющихся неотъемлемой частью цифровой экономики, что порождает сложности в их однозначном толковании в процессе правоприменения.

В последние годы Республика Беларусь достигла заметных успехов в развитии национальной информационной инфраструктуры, создании государственных информационных систем и ресурсов. Межведомственный документооборот переведен в электронную форму, сформированы базовые компоненты электронного правительства, автоматизировано представление государственной статистической, ведомственной и налоговой отчетности, внедрены электронные счета-фактуры, электронная система фискализации налоговых процедур, система маркировки товаров, созданы условия для электронного взаимодействия государства и бизнеса.

Согласно исследованию Евразийского банка развития (ЕАБР) среди стран ЕАЭС в финансовой сфере наиболее динамично развиваются цифровые технологии в Республике Беларусь.

Анализ индекса Всемирного банка Global Findex за период 2014–2017 гг. показывает, что в целом в государствах ЕАЭС наблюдается исключительно позитивная динамика развития банковской отрасли и распространения цифровых технологий. При этом самыми продвинутыми по показателям являются Беларусь и Россия, где население активнее всего применяет цифровые технологии для доступа к банковским счетам в целях осуществления платежей и покупок онлайн, а сопоставление индикаторов по уровню доходов свидетельствует, что лидером по цифровизации банковского сектора является Беларусь, показатели кото-

рой иногда даже превышают средние показатели стран мира с доходами выше средних.

Охват населения стран ЕАЭС в возрасте 15 и более лет на 2017 г. по данным Global Findex, %

Критерии	Страны					
	Беларусь	Россия	Казахстан	Армения	Кыргызстан	Таджикистан
Имеют банковский счет,	81	76	59	48	40	47
в том числе сельское население	75	76	57	47	39	46
Осуществляли покупки через интернет в течение года	30	27	15	9	3	8
Использовали мобильный телефон или интернет для доступа к банковскому счету	32	33	18	11	6	8
Получили платежи от государства с помощью цифровых технологий	1	1	2	3	0	3
Осуществили или получили цифровые платежи в течение года	79	71	54	42	36	44

Таким образом, анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что цифровизация в Республике Беларусь является важнейшим элементом развития всех сфер общества, в том числе экономической, и лишь только набирает обороты. Сегодня в государстве формируется правовая база, необходимая для нормального функционирования цифровой экономической системы, однако ряд фундаментальных вопросов до сих пор остается нерешенным.

Согласно ст. 13 Конституции Республики Беларусь «... государство осуществляет регулирование экономической деятельности в интересах человека и общества; обеспечивает направление и координацию государственной и частной экономической деятельности в социальных сферах...». В связи с этим, учитывая, что нормативная правовая база активно формируется, необходимо имплементировать в законодательство нормы, касающиеся правового регулирования правоотношений, связанных с цифровизацией экономики, оказывающих широкое влияние на жизнедеятельность страны.

РАВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП

Конституция Республики Беларусь с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., вступила в силу 15 марта 2022 г. Одной из ее новелл является обеспечение «равных возможностей инвалидов для осуществления прав и свобод человека и гражданина» (ст. 47).

Принцип равных возможностей является одним из общих принципов, закрепленных ст. 3 Конвенции ООН по правам инвалидов 2006 г. (далее – Конвенция по правам инвалидов). Он раскрывается в Резолюции 48/96 Генеральной Ассамблеи ООН «Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов» от 20 декабря 1993 г. и означает «процесс, благодаря которому различные системы общества и окружающей среды, такие как обслуживание, трудовая деятельность и информация, оказываются доступными всем, особенно инвалидам».

Замечания общего порядка № 2 к ст. 9 Конвенции по правам инвалидов расширяют значение доступности как «физического окружения, транспорта, информации, так и связи для уравнивания возможностей инвалидов». То есть доступность выступает основой для пользования всеми правами, в том числе правом вести независимую жизнь в обществе.

Комитет по правам инвалидов в Замечаниях общего порядка № 6 по вопросу равенства и недискриминации к ст. 5 Конвенции по правам инвалидов толкует норму о доступности сопряженно с недискриминацией и равенством, выражающихся в равном пользовании законом, предусматривающим барьеры для получения доступа ко всем законным гарантиям и преимуществам равного доступа к закону и правосудию для отстаивания прав.

Согласно ст. 4 Конвенции МОТ № 159 о профессиональной реабилитации и занятости инвалидов (Республикой Беларусь не ратифицирована), принцип равных возможностей толкуется как равенство «между работниками с инвалидностью и работниками в целом, обращением с мужчинами и женщинами с инвалидностью, выражающееся в принятии специальных позитивных мер без дискриминации в отношении других работников».

Тем самым принцип равных возможностей инвалидов в международном праве включает в себя равенство всех перед законом, недискри-

минацию в отношении инвалидов, доступность, профессиональную реабилитацию и занятость инвалидов, приводящие к равному участию и инклюзии в обществе.

Согласно Конвенции по правам инвалидов государства обязаны принимать все необходимые меры для достижения фактического равенства инвалидов (п. 4 ст. 5).

В Республике Беларусь до принятия Конвенции по правам инвалидов была создана правовая основа в сфере обеспечения и защиты прав инвалидов.

Законом Республики Беларусь «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» от 11 ноября 1991 г. № 1224-ХІІ установлено, что государственная политика в области социальной защиты инвалидов основывается на равенстве возможностей участия в жизни общества и включает в себя: недискриминацию, равные права и доступность для инвалидов в сфере образования, охраны здоровья, трудовой деятельности (ст. 1, 4). Таким образом, принцип равных возможностей инвалидов раскрывается в национальном законодательстве с 1991 г. в соответствии с международными стандартами. Более того, принцип равных возможностей раскрывается и через трудовую реабилитацию, которая закреплена Законом Республики Беларусь от 23 ноября 2008 г. № 422-З «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов».

Национальный план действий по реализации в Республике Беларусь положений Конвенции по правам инвалидов на 2017–2025 годы, утвержденный постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 13 июня 2017 г. № 451, дополняет систему мер в рамках своих целей (ст. 1) и задач принципом равных возможностей через доступ к правосудию и информации, обеспечение равных прав на участие в жизни общества и поддержку в сфере трудоустройства и образования.

Доступ к информации в контексте принципа равных возможностей раскрывается посредством реализации положений Закона Республики Беларусь от 20 мая 2020 г. № 19-З «О присоединении Республики Беларусь к Марракешскому договору об облегчении доступа слепых и лиц с нарушениями зрения или иными ограниченными способностями воспринимать печатную информацию к опубликованным произведениям».

Проект Закона Республики Беларусь «О правах инвалидов и их социальной интеграции», принятый Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь в первом чтении 4 июня 2020 г., закрепляет принцип равенства возможностей, раскрывающийся через те условия, которые устанавливает Конвенция о правах инвалидов.

Таким образом, можно констатировать, что сегодня в Республике Беларусь имеется достаточное количество национальных законов и подзаконных актов, в рамках которых принцип равных возможностей инвалидов находит свое отражение.

Однако его реализация не является полной и требует совершенствования в следующих направлениях: институт недееспособности, наличие безбарьерной среды, доступность информации, доступ к культурной, политической жизни и правосудию, трудовая сфера. Например, официальные газеты, журналы не адаптированы посредством печати с использованием шрифта Брайля для лиц с нарушением зрения; существует малое количество телепередач с субтитрами или перевода их на жестовый язык для инвалидов с нарушением слуха; в помещениях судебных учреждений отсутствует специальное оборудование для дачи показаний лицами с нарушением слуха и речи в уголовном процессе; не используется белорусский жестовый язык в судебном процессе; существует проблема реализации труда инвалидов в условиях интернатных учреждений. Это все влечет за собой отсутствие реализации равенства возможностей инвалидов и их инклюзии в общество.

Закрепление данного принципа в Конституции Республики Беларусь является необходимым и своевременным как для последующей его реализации и совершенствования, так и для повышения уровня правосознания общества в целом.

УДК 342.41

А.И. Курак

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ФАКТОР ПОСТУПАТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В комплексе регулируемых Конституцией Республики Беларусь общественных отношений одно из ключевых мест занимают отношения, касающиеся экономической сферы, что свидетельствует о наличии тесной взаимосвязи конституционного права с проблемами экономического развития государства. Однако, как показало изучение вопроса, проблема конституционного регулирования экономической деятельности, несмотря на ее ярко выраженный прикладной характер, не привлекает к себе должного внимания со стороны ученых в области конституционного права.

Следует заметить, что действующий Основной Закон Беларуси, в отличие от Конституции БССР 1978 г., не содержит специальной главы «Экономическая система», основу которой составляла социалистическая собственность на средства производства. Как справедливо отмечает известный российский ученый-конституционалист М.В. Баглай, «государственное регулирование экономической деятельности в правовом государстве, в отличие от тоталитарного, не учреждает экономический строй общества, а только охраняет его главные устои, основанные на правах и свободах».

Что же касается конституционных основ экономической деятельности в Республике Беларусь, то они представлены прежде всего нормами, содержащимися в ст. 13 Конституции, которая включена непосредственно в ее первый раздел. Это говорит о том, что экономическая сфера является одним из важнейших элементов конституционного строя Беларуси. Анализируя содержащиеся в данной статье нормы, можно сделать ряд обобщающих выводов.

Первое: среди них отсутствуют нормы, не имеющие прямого отношения к экономической политике государства, что было присуще Конституции БССР 1978 г. (например, способствование государством превращению труда в первую жизненную потребность каждого советского человека, значимости общественно полезного труда для определения положения человека в обществе и т. п.).

Второе: действующая Конституция, в отличие от Конституции БССР 1978 г., содержит сравнительно небольшое количество норм, касающихся экономического строя государства. Однако, несмотря на это, конституционное регулирование данной сферы общественных отношений представляется в основном достаточно полным.

Третье: в новых условиях государство перестает быть монополистом в сфере экономической и иной хозяйственной деятельности.

Четвертое: данные нормы не регулируют конкретные общественные отношения, функционирующие в области экономической деятельности. Они изложены в виде норм-принципов, что является, на наш взгляд, более предпочтительным, поскольку дает возможность, не изменяя Конституцию, вносить в соответствующее текущее законодательство необходимые коррективы в соответствии с возникающими новыми обстоятельствами. Иными словами, обозначенные нормы-принципы выступают в качестве ориентира, основы для осуществления экономической деятельности субъектов хозяйствования.

Пятое: содержание рассматриваемых норм показывает, что часть из них характерны для рыночной экономики в различных ее проявлениях.

ях. Другие же – определяют направленность рыночной экономики как системы социально-ориентированной и гарантирующей достаточный уровень благосостояния добросовестно работающих членов общества, достойное социальное обеспечение нетрудоспособных, эффективную охрану жизни, здоровья, прав и свобод граждан.

Шестое: между всеми указанными в рассматриваемой статье Конституции нормами-принципами прослеживается определенная взаимосвязь, и при отсутствии хотя бы одной из них вряд ли можно было бы вести речь о полноценной социально-ориентированной рыночной экономике.

Вместе с тем непосредственно в самой ст. 13 Конституции положение о социально-ориентированной рыночной экономике не отражено. Однако такой характер ее модели вытекает из содержания прописанных в ней норм. В частности, ее положения о государственном регулировании экономической деятельности в интересах человека и общества, направленности и координации государственной и частной экономической деятельности в социальных целях, гарантированности участия трудящихся в управлении предприятиями, организациями и учреждениями с целью повышения эффективности их работы, социально-экономического уровня жизни не оставляют у нас сомнений в том, что государство на конституционном уровне охраняет основные устои экономической деятельности именно социальной направленности. Кроме того, такая модель экономического развития государства вытекает и из общего положения о его социальном характере, закрепленном ст. 1 Конституции Беларуси.

Как отмечалось, содержащиеся в ст. 13 нормы-принципы в основном обеспечивают свое предназначение в качестве ориентира развития белорусской модели социально-ориентированной рыночной экономики. На наш взгляд, среди этих принципов особую значимость имеет конституционный принцип свободы экономической деятельности, под которой, как представляется, следует понимать широту экономического поведения субъектов хозяйствования при выборе форм собственности и сферы приложения своих способностей, знаний, возможностей, профессии, способов распределения доходов, потребления материальных благ. В то же время, ведя речь о принципе свободы экономической деятельности, важно также отметить, что данную свободу не следует рассматривать в абсолютном смысле. Иными словами, экономическая свобода неотделима от экономической ответственности субъектов хозяйствования.

Как известно, в качестве основополагающего движущего локомотива развития общественных отношений выступает наука. Применительно к рассматриваемой теме полагаем возможным обратить внимание на такое сравнительно новое научное направление, как конституционная экономика. Само его название говорит о том, что оно представляет собой область исследований и практики на стыке экономики и конституционализма. Однако при этом нельзя не согласиться с тем, что процесс исследовательской деятельности в рамках рассматриваемого научного направления начинается, как правило, с анализа соответствующих конституционно-правовых норм и институтов, выступающих в качестве правовых предпосылок формирования той или иной социально-экономической модели государства. То есть конституционная экономика в большей степени является правовой наукой. При этом правовое регулирование экономической деятельности не должно происходить произвольно, спонтанно, без учета существующих объективных экономических закономерностей. Иными словами, объективно существующие экономические факторы во многом предопределяют содержание конституционных принципов и норм. Игнорирование данного обстоятельства может негативно сказаться на экономическом развитии государства и вызвать недовольство среди его населения. Стабильность же в государстве возможна лишь в обстановке устойчивого общественного спокойствия, социального мира. Шансы достичь и поддерживать такое состояние существуют лишь при условии, что большинство членов общества в целом удовлетворительно оценивают свое имущественное положение и те возможности, которые им открывает национальная экономика.

Таким образом, исследование конституционной экономики предполагает одновременность работы как на конституционно-правовом, так и на экономическом направлениях. Однако, как показывает практика, к разработке путей экономического развития Беларуси и их последующему законодательному оформлению привлекаются в основном представители экономической науки. Но достичь эффективных исследовательских и прикладных результатов возможно лишь при совместных усилиях специалистов в области права и ученых-экономистов. Такой подход в определенной мере позволит юристам повысить свои знания в вопросах экономики, а экономистам – в области юриспруденции.

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ
ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ
ПО ГРАЖДАНСКИМ И ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ ДЕЛАМ
ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ**

Законодательство Республики Беларусь, регламентирующее порядок осуществления правосудия по гражданским и экономическим делам, направлено на реализацию гарантированного в ст. 60 Конституции Республики Беларусь права на защиту компетентным, независимым и беспристрастным судом в определенные законом сроки, что нашло свое отражение при определении целей и задач судопроизводства в основных кодифицированных актах (ст. 5 ГПК Республики Беларусь, ст. 3, 4 ХПК Республики Беларусь).

Вышеуказанные нормы наряду с принципом всеобщего правового равенства, закрепленного ст. 22 Основного Закона, предусматривающего право каждого без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов, и принципом диспозитивности, отраженного в ст. 18 ГПК и ст. 23 ХПК, устанавливающего право на свободное распоряжение материальными и процессуальными правами, являются основой цивилистического процесса.

Вместе с тем предоставленные лицам, участвующим в деле, практически неограниченная свобода и инициатива по осуществлению своих процессуальных прав в совокупности с разрозненностью их интересов создают предпосылки для реализации таких прав в ущерб интересам других лиц, злоупотреблению процессуальными правами. В результате таких действий механизм судебной защиты используется сторонами в противоречии с его предназначением, создаются препятствия для правильного и своевременного разрешения дела, для реализации задач, поставленных перед органом судебной власти, что влечет необходимость выработки механизмов ограничения процессуальных прав и применения мер процессуального принуждения.

В отечественном законодательстве на конституционном уровне принцип недопустимости злоупотребления правом косвенно закреплен в положениях ст. 22 и 53 Конституции посредством установления равенства граждан, уважения достоинства, прав, свобод, законных интересов других лиц.

На недопустимость злоупотребления правом, а именно совершение гражданами и юридическими лицами действий, осуществляемых исключительно с намерением причинить вред другому лицу, содержится прямое указание в п. 1 ст. 9 ГК Республики Беларусь, однако данная норма не раскрывает значение термина «злоупотребление правом».

Следует отметить, что п. 2 ст. 9 ГК установлены последствия злоупотребления правом: суд общей юрисдикции или третейский суд могут отказать лицу в защите принадлежащего ему права. Вместе с тем для регулирования процессуальных правоотношений с учетом их специфики дублирование положений ст. 9 ГК в нормах гражданского и хозяйственного процессуального законодательства представляется затруднительным, поскольку наличие у заинтересованного лица прав на совершение тех либо иных процессуальных действий предусмотрено законом и отказ в их реализации может повлечь ограничение конституционных прав с учетом содержания процессуальных норм.

Так, например, на стадии возбуждения дела, процессуальные нормы как ГПК, так и ХПК, исключают возможность отказа заинтересованному лицу в возбуждении дела в связи с предъявлением им заведомо бесосновательного иска. Также невозможно отказать в реализации права на представление доказательств, если ходатайство об исследовании определенных доказательств стороной не заявлено, например, на стадии подготовки дела к судебному разбирательству либо до исследования письменных материалов дела, а заявлено лишь непосредственно перед окончанием исследования доказательств по делу.

Действующий в настоящее время ГПК не содержит прямых норм, указывающих на недопустимость злоупотребления правом субъектами регулируемых правоотношений. Вместе с тем ГПК предусматривает правомочия председательствующего по делу по противодействию злоупотреблению правами в процессе доказывания (ст. 288) и меры процессуального воздействия (ст. 168) в случае злоупотребления процессуальными правами участниками гражданского судопроизводства и другими лицами в виде предупреждения, удаления из зала суда, привода, возложения обязанности на недобросовестных участников гражданского судопроизводства возместить судебные расходы в случаях, предусмотренных ст. 138, 139 ГПК.

Вместе с тем в ХПК законодатель наряду с принципом добросовестности участников судопроизводства (ст. 19 ГПК, ст. 18 ХПК) указывает на обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не допуская

злоупотребления ими, а также на то, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц последствия, предусмотренные ХПК и иными законодательными актами о судопроизводстве в судах, рассматривающих экономические дела (ч. 3, 4 ст. 55 ХПК) по конкретным основаниям для отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами и не исполняющее свои процессуальные обязанности (ст. 133-1 ХПК).

Различия правовых норм, определяющих порядок отправления правосудия по гражданским и экономическим делам, отсутствие четких критериев и признаков, позволяющих охарактеризовать недобросовестное использование процессуальных прав как злоупотребление, затрудняют практическое применение вышеуказанных норм, что приводит к определенным трудностям при выявлении и пресечении фактов злоупотребления процессуальными правами.

Анализ действующего законодательства в совокупности с судебной практикой свидетельствует о недостаточной эффективности определенных в процессуальных регламентах и регулирующих порядок отправления правосудия по гражданским и экономическим делам мер, направленных на противодействие злоупотреблению процессуальными правами, а также об отсутствии единых правовых норм для гражданского и хозяйственного (экономического) судопроизводства.

Из вышеприведенных процессуальных норм лишь ст. 133-1 ХПК имеет достаточную практику применения в связи с конкретикой ее положений. Нормы ст. 138 ГПК не имеют достаточной реализации в связи с отсутствием точных критериев определения недобросовестности при предъявлении неосновательного иска или спора против иска, систематического противодействия правильному и быстрому рассмотрению дела, на что неоднократно обращали внимания исследователи. Не содержат выверенных алгоритмов оценки действий стороны для формирования выводов о ее недобросовестности и нормы ст. 139 ГПК, что также создает некоторые трудности в ее применении.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что реализация права, повлекшая неблагоприятные последствия для интересов участников процесса, должна признаваться неправомерной. В связи с этим существует необходимость выработки и последующего закрепления в процессуальных регламентах универсальных способов защиты прав и интересов сторон, иных заинтересованных в исходе дела лиц от недобросовестного использования правовых норм отдельными субъектами.

Кроме того, представляется целесообразным предусмотреть в соответствующих процессуальных кодексах принцип недопустимости злоупотребления процессуальными правами, определив в его содержании частные формы злоупотребления процессуальными правами с открытым перечнем.

УДК 342.7/347.77

С.С. Лосев

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Конституция Республики Беларусь, закрепляя основные права и свободы, является основой для регулирования отношений, связанных с реализацией этих прав в отраслях законодательства. При этом в конституционных нормах закрепляется принцип баланса прав одного лица с правами и законными интересами других лиц и общества в целом, что также является основой для формирования отраслевых норм. Рассмотрим этот подход на примере права интеллектуальной собственности.

Так, ст. 51 Конституции устанавливает, что интеллектуальная собственность охраняется законом. Наделение авторов или иных определенных законом лиц исключительным правом, представляющим собой монопольное право использования соответствующего объекта, позволяет правообладателю извлекать высокий доход, что является стимулом для дальнейшего творчества и самым эффективным драйвером развития инновационной экономики в целом. Однако исключительное право, закрепляемое за правообладателем, не может быть безграничным. В его отношении должны определяться пределы осуществления, а также устанавливаться специальные изъятия и ограничения, имеющие своей целью учет прав и законных интересов иных лиц, а также общественных интересов в целом. Именно поэтому в ст. 51 Конституции наряду с нормой об охране интеллектуальной собственности закрепляется право каждого на участие в культурной жизни.

Для понимания комплексного характера проблематики ограничения прав интеллектуальной собственности необходимо помимо приведенной конституционной нормы обратиться к ряду иных норм, а именно к ст. 8. Согласно ее нормам Республика Беларусь обеспечивает соответствие законодательства как общепризнанным принципам междуна-

родного права, которые являются приоритетными, так и закреплённым ст. 21 принципу социальной ответственности, а также предусмотренной ст. 23 возможности ограничения прав и свобод в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Необходимо учитывать конституционные нормы, закрепляющие социально-экономические права, такие как право на охрану здоровья и доступность медицинского обслуживания (ст. 45), право на образование (ст. 49), а также конституционную обязанность каждого уважать права, свободы, законные интересы других лиц (ст. 53). Именно поэтому для права интеллектуальной собственности основным вопросом является установление справедливого баланса интересов правообладателей и лиц, использующих объекты интеллектуальной собственности, а также всего общества.

Целесообразно обратиться к фундаментальным международным актам. Всеобщей декларацией прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 27) предусмотрено, что каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. (ст. 15) закрепляет право каждого человека на участие в культурной жизни, на пользование результатами научного прогресса и их применение, на защиту моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является. Как отмечено в заявлении Комитета ООН по экономическим, социальным и культурным правам, «... в конечном счете интеллектуальная собственность представляет собой социальный продукт и имеет социальную функцию. Защита интеллектуальной собственности должна служить цели обеспечения благосостояния человека, а свое правовое выражение данная цель находит в международных инструментах по защите прав человека». Заключенное в рамках Всемирной торговой организации Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которое многие эксперты считают заключенным преимущественно в интересах промышленно развитых стран, тем не менее предусматривает, что охрана и обеспечение соблюдения прав интеллектуальной собственности должна содействовать техническому прогрессу и передаче и распространению технологий к взаимной выгоде производителей и пользователей технических знаний, способствуя социально-экономическому благосостоянию и достижению баланса прав и обязательств (ст. 7).

Таким образом на уровне основополагающих правовых актов декларируется необходимость поиска баланса интересов обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении доступа к достижениям культуры и научно-технического прогресса. Именно поэтому ст. 51 Конституции Республики Беларусь не только декларирует охрану интеллектуальной собственности, но и провозглашает право каждого на участие в культурной жизни, которое обеспечивается общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры.

Как уже отмечалось, конституционные нормы являются основой формирования отраслевых норм. В данном контексте необходимо обратить внимание на закреплённый ст. 2 ГК Республики Беларусь принцип приоритета общественных интересов, который сформулирован следующим образом: «осуществление гражданских прав не должно противоречить общественной пользе и безопасности, наносить вред окружающей среде, историко-культурным ценностям, ущемлять права и защищаемые законом интересы других лиц». В отношении данного принципа в отечественной цивилистике представлены диаметрально противоположные мнения. Аргументы противников сводятся к тому, что законодатель, закрепляя данный принцип, ставит общие интересы граждан выше частных, при этом использует нечеткие формулировки «общественный интерес» и «общественная польза». Сторонники данного принципа исходят из того, что субъекты гражданско-правовых отношений в своей деятельности обязаны учитывать не только свои интересы, но и интересы общества. Как представляется, в отношении права интеллектуальной собственности отраслевой принцип приоритета общественных интересов не только обоснован, но и требует большей конкретизации как специальный принцип данной подотрасли гражданского права.

Обеспечение баланса интересов в праве интеллектуальной собственности выражается преимущественно в установлении законодателем ограничений исключительного права, позволяющих заинтересованным лицам использовать соответствующий объект без согласия правообладателя на безвозмездной основе либо с выплатой ему разумной компенсации.

Безусловно, основой для определения допускаемых ограничений исключительных прав выступают нормы международных договоров, среди которых следует выделить Соглашение ТРИПС, предлагающее так называемый «трехступенчатый тест» в качестве универсального критерия оценки допустимости того либо иного ограничения.

Используя «гибкие положения», закреплённые в международных договорах, Беларусь может формулировать нормы национального зако-

нодательства в области права интеллектуальной собственности с максимальным учетом общественных интересов. Для института авторского права и смежных прав крайне актуальным представляется расширение возможностей свободного доступа к охраняемым объектам в образовательных и исследовательских целях, а также легализация деятельности некоммерческих электронных библиотек. Для патентного права актуальным является развитие института принудительных лицензий, в том числе включение в национальное законодательство норм об принудительных лицензиях в общественных интересах. В целом необходим системный пересмотр норм действующего законодательства об интеллектуальной собственности в части допустимых ограничений исключительного права в целях наиболее полной реализации принципа баланса интересов правообладателей и общества.

УДК 351.74(476)

С.Г. Луговский

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Для современного мирового сообщества внедрение цифровых технологий является одним из приоритетных направлений развития. В Республике Беларусь правовые основы использования цифровых технологий закреплены постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 «О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь». В Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 2 февраля 2021 г. № 66, обозначена основная цель цифрового развития, которая состоит в обеспечении внедрения информационно-коммуникационных и передовых производственных технологий во все сферы жизнедеятельности общества.

Наряду с этим в 2019–2021 гг. представители Республики Беларусь принимали участие в заседаниях Рабочей группы открытого состава ООН по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности, учрежденной резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 73/27, и всемерно способствовали принятию итогового доклада РГОС. Также Республика Беларусь поддержала инициативу Российской Федерации о создании новой Рабочей группы от-

крытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий на 2021–2025 годы.

В сфере борьбы с преступностью внедрение интеллектуальных систем стало одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений деятельности ОВД Республики Беларусь. В настоящее время для раскрытия преступлений активно используются базы и банки данных, автоматизированные информационные системы. К их числу относятся АС «Паспорт», АИС «ГАИ-Центр», АС ОДС и службы «102», Единый государственный банк данных о правонарушениях, ГИС «Регистр населения» и др. Большая роль в разработке этих систем принадлежит сотрудникам управления информационных технологий МВД Республики Беларусь. Указанным управлением разработано программное обеспечение для получения и обработки данных из автоматизированной информационно-поисковой системы авиационной безопасности и программное обеспечение автоматизированной системы учета разыскиваемых транспортных средств и регистрационных знаков автомобильного транспорта. Этим подразделением осуществлена доработка и опытная эксплуатация АИС «Суточная оперативная сводка», «Доставленные лица» и «Средства телекоммуникаций», а также введена действие электронная административная процедура по регистрации иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих в Республике Беларусь, выполнена модернизация программного обеспечения Единого государственного банка данных о правонарушениях. Таким образом, силами ведомства в сфере борьбы с преступностью постоянно совершенствуются и внедряются новые цифровые технологии, направленные на обеспечение общественной безопасности.

Для управления силами и средствами при обеспечении общественно-массовых и специальных мероприятий в МВД разработаны и успешно применяются подвижные узлы связи и видеонаблюдения на базе автомобилей VW Transporter и МАЗ, специальные мобильные пункты видеонаблюдения, которые могут передавать изображение в штаб из любой точки страны. Перспективным направлением является модернизация системы радиомониторинга, предполагающей оснащение мобильными комплексами с функциями подвижных узлов связи всех областных УВД и ГУВД Мингорипокома.

В настоящее время основной акцент делается на расширение сферы использования IT-технологий: систем информатизации и автоматизации процессов, программ мониторинга. На наш взгляд, совершенствование соответствующего обеспечения подразделений ОВД необходимо для повышения эффективности правоохранительной деятельности по обе-

спечению общественной безопасности. Так, с применением волоконно-оптических линий связи построена ведомственная сеть передачи данных, внедрена система электронного документооборота, сланы в эксплуатацию сервисы по оказанию услуг в электронном виде, широко используются централизованные банки данных с возможностью ввода и получения сведений в режиме реального времени.

Анализ статистических данных о состоянии общественной безопасности в Республике Беларусь за 2020–2021 гг. показывает в целом положительную динамику. Так, по итогам января–декабря 2021 г. в сравнении с аналогичным периодом 2020 г. число зарегистрированных уголовно наказуемых деяний снизилось на 8,2 %. Возросшее количество зарегистрированных преступлений, относящихся к категориям особо тяжких и тяжких, в первую очередь обусловлено более эффективным выявлением киберпреступлений, а также преступных деяний указанных категорий по направлениям деятельности наркоконтроля и противодействия торговле людьми (+35,4 %). Принятые меры обеспечили снижение общего количества киберпреступлений на 35,7 %, из них хищений имущества путем модификации компьютерной информации – на 39,4 %. Удельный вес киберпреступлений, по которым установлен подозреваемый, составил 16,3 % (2020 г. – 10,3 %).

Темпы развития информационных технологий, используемых для выполнения задач, возложенных на ОВД, с каждым годом растут.

В условиях цифровизации общественных отношений постоянно совершенствуются и внедряются новые информационные технологии, направленные на совершенствование борьбы с преступностью и обеспечения общественной безопасности.

УДК 342.721

Д.Н. Лычковский

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ И ГАРАНТИИ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В Конституции Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах от 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г., 27 февраля 2022 г.) правам и свободам человека посвящен II Раздел «Личность, Общество, Государство». Главной правовой

гарантией охраны и защиты неприкосновенности личности, предусмотренной в данном разделе, является постулируемая в ст. 21 обязанность: «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства».

Также в данном разделе регламентируется ряд прав и свобод, реализация которых связана с осуществлением права на неприкосновенность личности: право на равную защиту прав и законных интересов (ст. 22); право на презумпцию невиновности (ст. 26); право на неприкосновенность частной жизни (ст. 28) и др.

Отдельная статья посвящена праву на неприкосновенность личности, которое объединено в одну норму вместе с правами на свободу и неприкосновенность достоинства личности:

«Статья 25. Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом.

Лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста.

Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам».

Особенностью конструкции данной статьи является то, что само право на неприкосновенности личности в ней уже изложено как правовая гарантия, так как регламентируется обязанность государства по его обеспечению. Причем свобода, неприкосновенность и достоинство личности выступают не только как близкие, но и взаимодополняющие социальные блага. Таким образом, Конституцией Республики Беларусь закреплен свой особенный подход к праву неприкосновенности личности, согласно которому оно не является производным ни от права на свободу личности, ни от права на достоинство личности.

Важным в закреплении данного права является еще и то, что составляющими права на неприкосновенность личности являются физическая и нравственная неприкосновенность, при этом нравственная неприкосновенность включает в себя неприкосновенность духовную, психическую, индивидуальную и т. д., однако, в отличие от некоторых конституционных актов зарубежных государств, неприкосновенность личности в ст. 25 Конституции Республики Беларусь отражена в узком, физическом аспекте (именно как физическая, телесная неприкосновенность), сужая при этом определение права на неприкосновенность личности до

физической свободы, тем самым ограничивая возможности реализации данного права.

В качестве особой (процессуальной, судебной) гарантии следует рассматривать содержащееся в данной статье право заключенного под стражу лица на судебную проверку законности его задержания и ареста. Данная гарантия также присутствует во многих конституциях зарубежных государств и является неотъемлемым элементом права на неприкосновенность личности еще со времени Habeas corpus act.

Особенностью Конституции Республики Беларусь является акцент не только на сами права и свободы человека и гражданина, но и на правовые гарантии их реализации, создающие основу для правового механизма их охраны и защиты. Речь здесь идет о положениях ст. 58–62.

Так, в ст. 58 Конституции Республики Беларусь постулируется запрет на принуждение к исполнению обязанностей, не предусмотренных ею или законами. Применительно к праву на неприкосновенность личности данная гарантия предполагает запрет, например, на применение иных мер правового принуждения, кроме указанных в законодательстве (уголовном, уголовно-процессуальном, административном и процессуально-исполнительном), а также четкую регламентацию оснований осуществления административного задержания, оснований осуществления задержания и применения мер пресечения, связанных с ограничением свободы, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Показательным является также то, что ст. 58 запрещает отказ лица от своих прав. Эта гарантия ставит правовой заслон перед незаконной возможностью ограничения неприкосновенности личности как с добровольного согласия лица, так и по принуждению.

В ст. 23 Конституции Республики Беларусь исчерпывающе изложены общие правовые основания ограничения прав и свобод личности. К указанным основаниям относятся интересы национальной безопасности, общественного порядка, защита нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Эти основания относительно права на неприкосновенность личности детализируются отраслевым законодательством.

Ст. 63 Конституции Республики Беларусь отдельно регламентируют условия приостановления осуществления предусмотренных ею прав и свобод. В качестве условий называются чрезвычайное или военное положение. Основания и порядок ограничения осуществления этих прав должны быть предусмотрены Конституцией или соответствующим законом.

Следует отметить, что рассматриваемая статья регламентирует и так называемое «неотъемлемое ядро» прав, которые не могут быть ограничены в осуществлении даже при указанных условиях и основаниях. К таким правам относится закрепленное ч. 3 ст. 25 Основного Закона Республики Беларусь в качестве запрета право: «Никто не должен подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему его достоинство обращению или наказанию, а также без его согласия подвергаться медицинским или иным опытам».

УДК 342

Т.С. Масловская

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: НОВЕЛЛЫ КОНСТИТУЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Изменения и дополнения к Конституции Республики Беларусь, принятые республиканским референдумом 27 февраля 2022 г., затронув институциональную систему государства, коснулись также правового статуса Конституционного Суда Республики Беларусь, его полномочий и знаменуют новый этап развития конституционного правосудия в Беларуси. Конституционные новеллы 2022 г. актуализируют необходимость их доктринального осмысления, в ходе которого, на наш взгляд, следует обратить внимание на несколько аспектов.

Во-первых, в Конституцию Республики Беларусь были включены нормы, определяющие основополагающую функцию Конституционного Суда – контроль за конституционностью нормативных правовых актов, а также цели данной деятельности (ч. 1 ст. 116), перечисление которых с точки зрения иерархии ценностей вызывает научную дискуссию, основанную на анализе Преамбулы Конституции, фундаментальных конституционных принципов (ч. 1 ст. 2, ч. 1, 2 ст. 7), функционального предназначения специализированного органа конституционного контроля в государственном механизме. В тоже время введение данной синтезированной формулы направлено на повышение роли Конституционного Суда, четкое определение его основополагающей функции и свидетельствует о «восхождении» на конституционный уровень аналогичных законодательных норм, частично и разрозненно содержащихся в Кодексе о судостроительстве и статусе судей Республики Беларусь (ст. 5, 6). Вместе с тем в ч. 1 ст. 116 Конституции отсутствует положение, определяющее правовую природу данного государственного органа, в отличие,

например, от аналогичной нормы, относящейся к Верховному Суду Республики Беларусь.

Во-вторых, был изменен порядок формирования Конституционного Суда, порядок избрания Председателя и заместителя Председателя (ч. 3 ст. 116, п. 9 ст. 89-3 Конституции). При сохранении срока полномочий Суда, его количественного состава, предъявляемых к судьям требований исключено конституционное положение о предельном возрасте членов Конституционного Суда.

В-третьих, наблюдается обновление конституционных предписаний, определяющих полномочия Конституционного Суда, отныне закрепленных отдельной ст. 116-1. Анализ данной статьи свидетельствует о расширении полномочий данного органа. В частности, к новым его полномочиям относятся: толкование Конституции, дача заключения о наличии фактов систематического или грубого нарушения Конституции Президентом, о конституционности проведения выборов Президента, депутатов Палаты представителей, членов Совета Республики и др.

Обращает на себя внимание существенная корректировка белорусской модели предварительного контроля за конституционностью, о чем свидетельствуют: 1) конституционное закрепление формы предварительного конституционного контроля; 2) отказ от обязательного предварительного контроля за конституционностью законов, принятых до их подписания Президентом, его трансформация в факультативный предварительный контроль по предложению Президента; 3) расширение круга объектов предварительного контроля за счет включения наряду с указанными законами проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию, вопросов, выносимых на республиканский референдум, не вступивших в силу международных договоров.

Отметим, что при формальном расширении круга субъектов обращения в Конституционный Суд для осуществления последующего абстрактного конституционного контроля за счет включения Президиума Всебелорусского народного собрания (высказывались предложения о включении в данный перечень иных субъектов, например Генерального прокурора, определенной части парламентариев), в отношении предварительного контроля такой круг субъектов представляется ограниченным. Субъектный состав для инициирования осуществления предварительного контроля в отношении отдельных объектов, по нашему мнению, нуждается в расширении, в первую очередь за счет включения в него членов палат Национального собрания Республики Беларусь, поскольку при реализации некоторых своих полномочий в свете новых

конституционных положений они могут «соприкасаться» с Конституционным Судом. В данном случае речь идет, например, о таких полномочиях Национального собрания, как ратификация международных договоров, рассмотрение вопроса об изменении и дополнении Конституции по инициативе не менее 1/3 от полного состава каждой из палат Парламента или не менее 150 тысяч граждан Республики Беларусь, обладающих избирательным правом.

Важнейшей конституционной новеллой выступает введение конституционной жалобы, т. е. возможности прямого обращения граждан в Конституционный Суд с жалобой на нарушение их конституционных прав и свобод примененным в конкретном деле законом, если исчерпаны все другие средства судебной защиты. Прямое обращение индивидуума в органы конституционного контроля характерно для европейской модели конституционного правосудия. Белорусская модель конституционной жалобы носит ограниченный характер, поскольку обращаться в Суд возможно за защитой конституционных прав и свобод, нарушенных только законом, а не любым нормативным правовым актом. Субъектом обращения в Конституционный Суд в соответствии с используемой в ст. 116-1 конституционной формулой выступает «гражданин» (без указания на принадлежность к определенному государству), что дает основание для расширенного толкования данного термина посредством включения в эту категорию граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства. Более того, данная позиция подтверждается ч. 1 ст. 60 Конституции, закрепляющей право каждого на судебную защиту. В целом позитивно оценивая введение института конституционной жалобы в Республике Беларусь, отметим, что, являясь действенным средством защиты конституционных прав и свобод граждан, его потенциал будет развиваться.

Белорусская модель «казуального» конституционного контроля, отраженная в ч. 2 ст. 112 Конституции, подверглась определенной корректировке с целью уточнения механизма реализации преюдициального запроса о конституционности и последовательного развития белорусской модели конституционного правосудия в рамках европейской модели. Изменение указанной конституционной формулы посредством исключения положения о принятии судом решения в соответствии с Конституцией и включения положения о постановке вопроса о конституционности перед Конституционным Судом до вынесения судебного постановления логически вытекает из применения европейской модели, поскольку монополия осуществления конституционного контроля при-

надлежит конституционному суду и свидетельствует, на наш взгляд, о трансформации белорусской модели конституционного контроля, состоящей в отказе от элементов смешанной модели. До конституционных преобразований 2022 г. анализ положений ч. 2 ст. 112, ст. 116 Конституции подтверждал наличие элементов смешанной модели конституционного контроля, что отражалось в публикациях отдельных белорусских ученых (Г.А. Василевич, Т.С. Масловская).

Необходимо позитивно оценить новое конституционное положение, закрепляющее юридическую силу заключения и решения Конституционного Суда, выступающее важной конституционной гарантией.

Таким образом, конституционные новеллы, относящиеся к Конституционному Суду Республики Беларусь, свидетельствуют о новом этапе развития конституционного правосудия в Беларуси. Расширение полномочий Суда подтверждает возрастание его роли не только как гаранта верховенства Конституции, но и как защитника прав и свобод личности.

УДК 342.41

Н.Н. Мацук

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА

Быстро меняющаяся картина мира убеждает, что многочисленные тренды, которые сформировались в конце прошлого века, сейчас подвергаются тяжелым испытаниям. Конституциональное развитие государств также приобретает новые черты, в том числе в связи со значительным усилением воздействия глобализационных процессов на национальные правовые системы. Именно правовая, а в большей степени конституционно-правовая сфера вовлечена в эти процессы непосредственно.

Одно из непоколебимых утверждений конституционного права – это недопустимость в правовом государстве разделения правоприменения конституции и общественной практики. Управлять страной и обществом возможно только на основе конституции, в тех формах и теми методами, которые предусмотрены в ней. Изменение и соблюдение конституции – две стороны одного процесса. С течением времени основные законы испытывают изменения: вносятся поправки, принимаются свежие конституционные тексты. Общеизвестно, что большинство конституций,

действующих в современных государствах, корректировалось. Это коснулось и старейших конституций, и самых новых. Изменения носят различный характер и часто достигают уровня конституционных реформ.

Конституция – это «живая» правовая материя, которая проходит этапы становления и развивается, поддается давлению различных факторов и должна быть изменена, если этого потребует сложившаяся ситуация. Необходимо, чтобы конституция «шагала в ногу» с быстро развивающимся обществом, чтобы в полной мере соответствовала его запросам. Именно в этом видится залог стабильного развития государства и общества. Установить необходимый список вопросов, требующих конституционной регламентации, весьма сложно, поскольку он зависит от исторических, социально-политических условий, целевого назначения конституции, уровня зрелости социальных отношений и других факторов. В то же время планки конституционных эталонов очень высоки, а их достижение обусловлено временными и другими значимыми критериями. Еще одна сторона конституционного процесса сопряжена с тем, что основной закон гарантирует высшую легализацию общественного и государственного строя, поэтому любые изменения фундаментальных отношений требуют конституционных преобразований. Не имеет значения, принята «хорошая» или «плохая» конституция, демократическая или не очень. Любая конституция осуществляет стабилизационную функцию, а в наше время все, что обеспечивает стабильность, является ценным.

Конституция призвана обеспечивать правопорядок в государстве, стабильность не только правовой системы, но и общественных устоев. Вместе с тем излишнее сохранение основного закона может вызвать значительное общественное напряжение и привести к нарушению постепенного исторического развития государственности.

Теоретически и практически актуален вопрос: когда модифицирование основного закона знаменует конституционную реформу? Конституционная реформа – это всегда обусловленный перерыв постепенности, качественный сдвиг конституционно-правовых институтов и норм, и этим она отличается от других изменений конституционного текста.

Создание в соответствии с конституциональными нормами новых законодательных массивов, выработка правоприменительной практики, перемены в правосознании общества – все это определенные переломы социального развития. В большинстве случаев они имеют положительный характер, даже если являются социально нейтральными. Однако подобные изменения наряду с позитивным содержанием неизбежно

имеют негативные последствия, так как прерывают поступательный процесс развития государства и общества. Самым серьезным из них может стать снижение авторитета конституции и права. Им нельзя пренебрегать и с точки зрения повседневного сознания. Отмена даже отдельных конституционных положений может быть воспринята как отказ от уже устоявшихся конституционных ценностей.

Это чревато дезориентацией субъектов права, в первую очередь граждан, – разрушением того тонкого пласта конституционного правосознания, который сложился и отображает идеи и взгляды, определявшие их поведение длительное время. Изменения конституции должны быть регулируемым процессом. Это вовсе не означает, что они могут направляться только «сверху». Напротив, предложения об изменениях будут в большей степени соответствовать задачам социального прогресса, если их будет направлять общественность. В таком случае конституционная реформа может играть свою роль в предупреждении ненужных потрясений и стать самым важным элементом модернизации общества.

Государство можно сравнить с живым организмом, в котором конституционный уклад является скелетом. Важна роль ученых-конституционалистов, которые, как иммунитет, в сложной социальной системе должны реагировать на запросы общества. Именно на их плечи ложится обязанность диагностики и регулирования баланса взаимоотношений государства и общества, при необходимости – понижения градуса социальной напряженности через конституционную законотворческую деятельность. С одной стороны, конституция должна определять и подчеркивать главенствующую роль закона и подчиненного ему государственного аппарата управления, а с другой стороны – необходимо помнить, что основной закон написан для народа и должен отвечать его интересам.

Естественная потребность в новой конституции в любом государстве появляется в результате каких-либо крупных переходных моментов общественного развития – получения независимости, изменения форм правления, политического строя и т. д., когда действующая конституция не отвечает существующей реальности, а использование ее норм становится неэффективным. В этих условиях абсолютно очевидно, что без усиления государственного влияния на основные стороны общественной жизни, прежде всего через принятие нового главного закона, не обойтись.

Как правило, конституция является актом долгосрочного действия, призванным гарантировать стабильность конституционного строя, за-

конность власти, твердость правовой системы. Так, Конституция Республики Беларусь содержит нормы, фиксирующие более усложненный порядок ее изменения, не позволяющий тем или иным политическим силам по своему усмотрению, исходя из конъюнктурных целей, вносить в нее поправки. Вместе с тем, несмотря на присущее главным конституционным законам юридическое качество стабильности, она, как и любой нормативный правовой акт, с ходом времени нуждается в отдельных поправках, устранении недостатков и неточностей.

По мнению автора, необходимые предпосылки для изменения белорусской Конституции появились уже несколько лет назад. К этому естественным образом подвела смена поколений, модификация устройства общественной жизни. Белорусский алгоритм внесения изменений в Конституцию посредством проведения республиканского референдума отражает основы государственности. Далеко не в каждой стране принцип народовластия столь четко прочерчен как в законодательстве, так и в общественном сознании. Практически любой гражданин смог стать участником конституционной реконструкции. В итоге часть предложенных изменений стали абсолютно новыми для Беларуси, а некоторые стали результатом диалога с оппонентами, который способствовал стабилизации общественно-политической обстановки в стране.

В целом изменения Основного Закона Республики Беларусь соответствуют главным направлениям общегосударственной политики последних лет и призваны сплотить белорусское общество и государство на основе традиционных ценностей.

УДК 342

С.А. Минич

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ: ГАРМОНИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Глобальная цифровизация затронула абсолютно все сферы общественных отношений и в настоящее время выступает важнейшим условием не только развития государства, но и самого его существования. Современные информационные технологии стремительно меняют мир, ведут к колоссальному росту объемов информации, открывают широкие возможности для развития научной мысли. Наука и научное знание,

наряду с другими ключевыми факторами, стали решающими в обеспечении прогрессивного движения нашей страны вперед по всем ведущим позициям, способствовали внедрению передовых технологий во все сферы жизнедеятельности общества.

Цифровая трансформация неизбежно привела к необходимости совершенствования законодательства Республики Беларусь, в том числе и в сфере науки. Пересмотр нормативной правовой базы, регулирующей отдельные научные направления, необходимо было осуществлять постепенно, с учетом существующих реалий и четкого соблюдения баланса интересов личности, общества и государства.

Основополагающим базисом для всех без исключения аспектов жизнедеятельности нашего общества выступает Основной Закон государства – Конституция Республики Беларусь.

15 марта 2022 г. вступила в силу новая редакция Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). Внесенные изменения в акт, обладающий высшей юридической силой, затронули также вопросы научной, научно-технической и инновационной деятельности.

Так, часть четвертая ст. 51 Конституции получила новую редакцию, согласно которой «Государство содействует развитию культуры, научных и технических исследований, внедрению инноваций на благо общих интересов.». Введя дополнения в данную норму, а именно добавив в часть четвертую ст. 51 понятие «внедрение инноваций», законодатель таким образом расширил перечень приоритетных направлений, по которым государство оказывает содействие, подчеркнув тем самым особую значимость перспективного развития каждого из них на благо общих интересов.

В предыдущей редакции ст. 51 Конституции понятие «внедрение инноваций» не закреплялось в качестве отдельной позиции, по которой оказывается государственная поддержка.

До 2012 г. в правовой системе Республики Беларусь отсутствовало специальное законодательство, которое бы комплексно обеспечивало регулирование общественных отношений, возникающих при осуществлении инновационной деятельности. Если быть более точным, то специальное законодательство в данной сфере было представлено целым рядом нормативных правовых актов, регламентирующих ее отдельные аспекты, среди которых центральное место занимал Закон Республики Беларусь от 19 января 1993 г. № 2105-ХІІ «Об основах государственной научно-технической политики» (далее – Закон № 2105-ХІІ). Указанный закон изначально принимался как универсальный и основополагаю-

щий, направленный на комплексное регулирование научной, научно-технической и инновационной деятельности. В первоначальной редакции Закона № 2105-ХІІ в ст. 1, закрепляющей понятие государственной научно-технической политики, устанавливалось, что цели, принципы, направления, а также способы воздействия государства распространяются одинаково как на участников научной, научно-технической деятельности, так на участников инновационной деятельности. Кроме того, понятие «инновации», закрепленное в этой же статье Закона № 2105-ХІІ, не содержало четких критериев, позволяющих определить инновацию как объект возможной государственной поддержки.

Интересен и такой факт: в ст. 7 Закона № 2105-ХІІ изначально законодателем были установлены следующие объекты государственной научно-технической политики:

научная, техническая и инновационная деятельность;

отношения между участниками научной, технической и инновационной деятельности;

отношения между органами государственной власти и управления и участниками научной, технической и инновационной деятельности.

Исходя из содержания ст. 7 Закона № 2105-ХІІ инновационная деятельность, наравне с научной и технической, выступала объектом государственной научно-технической политики и не была определена в качестве отдельного приоритета политики государства. Кроме того, инновационная деятельность представляла собой процесс по созданию инновации, который не мог осуществляться изолированно, и так или иначе включал в себя научную и научно-техническую деятельность.

О единых подходах законодателя к регулированию научной, технической и инновационной деятельности говорит также анализ ст. 5 Закона № 2105-ХІІ (в редакции, действовавшей до 2012 г.), где среди основных принципов государственной научно-технической политики Республики Беларусь был закреплен принцип сочетания научной, исследовательской и инновационной деятельности с образованием.

Приведенные в качестве примера нормы рассматриваемого Закона № 2105-ХІІ позволяют заключить, что в самом начале постсоветского периода, формируя правовую базу в сфере науки, белорусский законодатель закрепил в одном нормативном правовом акте единые основополагающие требования для научной, технической и инновационной деятельности, что свидетельствовало об их тесной взаимосвязи, единстве, уравновешенности, а также демонстрировало целесообразность их координации для эффективного решения определенных задач.

В ходе постепенного развития научной сферы 21 октября 1996 г. был принят Закон Республики Беларусь № 708-ХІІІ «О научной деятельности» (далее – Закон № 708-ХІІІ), который имел отношение и к регулированию инновационной деятельности по отдельным позициям.

Применительно к инновационной деятельности, процесс разработки специального регулирования на уровне национального законодательства затянулся надолго, несмотря на то, что в первоначальной редакции Закона № 708-ХІІІ (а также в последующей редакции 1997 г.), в ст. 38, закрепляющей организационно-правовое обеспечение по введению указанного закона в действие, устанавливалось, что Кабинету Министров Республики Беларусь необходимо в течение года со дня введения Закона № 708-ХІІІ в действие разработать проект закона «Об инновационной деятельности». Однако отмеченная задача так и не была воплощена в жизнь.

Таким образом, инновационная деятельность в Республике Беларусь, начиная с 1993 г., на протяжении 19 лет регулировалась достаточно большим количеством нормативных правовых актов, ведущее место среди которых занимал Закон № 2105-ХІІ и Закон № 708-ХІІІ.

В 2012 г. был принят Закон Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. № 425-3 «О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь» (далее – Закон № 425-3), что послужило основанием для внесения изменений в Закон № 2105-ХІІ, в результате чего инновационная деятельность была исключена из числа объектов государственной научно-технической политики, получив свое специальное регулирование в Законе № 425-3. Таким образом произошло разграничение сфер действия Закона № 2105-ХІІ. Более того, благодаря принятию Закона № 425-3, инновационная сфера была определена в качестве нового приоритета государственной политики и выступила объектом государственной поддержки.

Данное обстоятельство позволило белорусскому законодателю в ходе проведения масштабной конституционной реформы совершенно обоснованно внести изменения в часть четвертую ст. 51 Конституции, нормативно закрепив внедрение инноваций в качестве приоритетных целей государства.

Отметим, что указанные поправки помогли устранить выявленные пробелы в законодательстве и сделать его более гармоничным.

Исходя из вышеизложенного, можно также заключить, что изменения, внесенные в часть четвертую ст. 51 Конституции, позволили установить равноценную значимость научной, научно-технической и инновационной деятельности для развития государства и общества.

О существующем единстве и целесообразности объединения совместных усилий при осуществлении научной, научно-технической и

инновационной деятельности для достижения высоких результатов свидетельствуют также положения иных нормативных правовых актов.

Например, в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 7 мая 2020 г. № 156 в нашей стране утверждены единые приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2021–2025 гг.

Более того, в части второй ст. 2 Закона № 425-3 установлено, что «К отношениям, связанным с проведением научных исследований, работ в рамках осуществления инновационной деятельности, в части, не урегулированной настоящим Законом, применяется законодательство о научной и научно-технической деятельности.»

Подводя итог, отметим, что изменения, внесенные в часть четвертую ст. 51 Конституции, были направлены:

во-первых, на установление согласованного и непротиворечивого правового регулирования общественных отношений, возникающих при осуществлении научной, научно-технической и инновационной деятельности;

во-вторых, на установление четкого соответствия норм всех законодательных актов в научной, научно-технической и инновационной сфере, положениям Конституции;

в-третьих, на закрепление ключевых для государства видов деятельности, осуществляемых в рамках государственной научно-технической и инновационной политики, развитие которых имеет особо важное значение, так как направлено на благо общих интересов;

в-четвертых, на установление равноценной значимости как научной, научно-технической, так и инновационной деятельности для развития государства и общества.

УДК 343.9

И.А. Моисеева

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Конституционно-правовые основы функционирования общества и государства в цифровой реальности должны обеспечивать и защищать права, свободы и достоинство личности, основываться на верховенстве закона и приверженности конституционным ценностям. В настоящее время уже принят ряд нормативных правовых актов, которые составля-

ют правовую основу государственного управления и экономики в условиях цифровизации общества.

Действительно, с переходом на цифровые платформы и технологические инновации во всем мире произошли серьезные социальные изменения, развивается цифровой рынок, который активно интегрируется в современные системы как государственного управления, так и экономики, обороны, безопасности и правопорядка. Их стремительное развитие в сторону цифрового общества характеризуется как позитивными, так и негативными изменениями в нем, процессы которых не только диктуют новые правила, но и обладают большим потенциалом криминологических рисков.

По мере того, как подключение к сети Интернет становится все более надежным и к ней подключается все больше людей, соответственно, и растет количество услуг, которые предоставляются онлайн в различных сферах: государственного управления, экономической, социальной. В связи с тем что все чаще услуги предлагаются онлайн и часто сопровождаются зачислением (списанием) безналичных денежных средств, появляется больше возможностей злоупотреблять цифровыми технологиями и совершать преступления.

И с этой точки зрения право должно нести превентивную функцию. Оно должно фокусироваться на регулировании и снижении рисков: должно быть направлено на предотвращение преступности, либо, по крайней мере, на смягчение ущерба, причиненного в результате совершения преступления. Так, например, вступивший в силу с 15 ноября 2021 г. Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» направлен не только на обеспечение защиты персональных данных, прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных, но предназначен в том числе и для уменьшения материального ущерба от криминального взлома личных данных в случае совершения киберпреступления и (или) минимизации уязвимости частных лиц к киберпреступности. Действующее законодательство Республики Беларусь устанавливает ответственность лиц за нарушение защиты персональных данных, а также прав и свобод физических лиц при обработке их персональных данных. Субъект персональных данных в соответствии с п. 8, 10 ст. 11 Гражданского кодекса Республики Беларусь имеет право на возмещение имущественного и морального вреда, а также понесенных убытков, причиненных в результате нарушения его прав. Статьей 23.7 и ч. 2 ст. 23.9 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях установлена административная от-

ветственность за нарушение законодательства о защите персональных данных и за нарушение требований законодательных актов по учету и хранению персональных данных пользователей интернет-услуг соответственно; а уголовная – ст. 203¹ и 203² Уголовного кодекса Республики Беларусь – за незаконные действия в отношении информации о частной жизни и персональных данных и за несоблюдение мер обеспечения защиты персональных данных соответственно.

Совершение преступлений с использованием цифровых технологий растет с каждым годом, в том числе и мошенничеств с использованием чужих персональных данных, полученных незаконным путем. Сложно оценить их количество по официальной статистике зарегистрированных преступлений (хотя и официальная статистика свидетельствует о стремительном росте их количества), так как эти составы относятся к высоколатентным. И сложившаяся криминологическая ситуация в Республике Беларусь требует существенной переориентации деятельности, прежде всего правоохранительных органов, для эффективного обеспечения криминологической безопасности личности, общества и государства в условиях цифровизации общества.

Необходимо определение уголовно-правовых и криминологических мер по снижению уровня криминогенности в сфере цифровых технологий и повышению эффективности предупреждения преступлений в сфере цифровых технологий. Ведь «чем выше технологический уровень государства и общества, тем глубже информационно-коммуникационные технологии проникли во все сферы жизни общества, тем более уязвимыми они становятся для организованной преступности. Каждая высокая технология имеет тройное применение: гражданское, военное и криминальное. В связи с этим любая промышленная революция не только открывает новые возможности для общества и государства, но и наделяет преступников не существовавшими ранее способами и инструментами для совершения преступлений, порождает новые угрозы объектам уголовно-правовой охраны». Однако уголовное право, в первую очередь, воздействует на общественные отношения посредством запрета. Развитие же новых цифровых технологий влечет за собой, как уже было изложено, неопределенность в том, являются ли они безусловным благом или же обернутся негативными последствиями, поэтому подходы к уголовно-правовому подходу на сферу цифровых технологий должны отличаться от традиционной оценки реальной опасности. Так, например, весьма сложно юридически оценить общественную опасность систем искусственного интеллекта.

Еще одна проблема заключается в том, что преступления, связанные со злоупотреблениями цифровыми технологиями, являются, как правило, транснациональными. Следовательно, лица, совершающие преступления, и их жертвы могут находиться в любой точке мира, где есть подключение к сети Интернет. Из-за этого для расследования требуется доступ к данным и обмен ими через границы государств. Это может быть достигнуто, если требуемые данные сохраняются поставщиками услуг и существуют меры, которые позволяют правоохранительным органам получать доступ к данным. Возникают также проблемы из-за различий в национальных законах, согласовании законов сотрудничающих государств, в правилах доказывания и уголовного судопроизводства, в различиях в подходах к защите данных и соблюдению прав субъектов персональных данных и др.

Пока, к сожалению, в области охраны безопасности личности, общества и государства в условиях цифровизации общества еще остаются проблемы, и не только те, которые обозначил автор данной статьи. В настоящее время над их разрешением работают и теоретики, и практики, и не исключительно в сфере юриспруденции.

УДК 342.72/.73

И.В. Мячин

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Принимая во внимание принципиальную важность организации надлежащей работы с персональными данными обновленная редакция Конституции Республики Беларусь, изменения и дополнения в которую были приняты республиканским референдумом 27 февраля 2022 г. и вступили в силу 15 марта 2022 г., включила положение о создании государством условий для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании (часть вторая ст. 28 Конституции).

Необходимость защиты персональных данных базируется на одном из фундаментальных прав человека: защите от вмешательства в частную (личную) жизнь. Неспособность государства гарантировать право на защиту персональных данных ставит под угрозу нарушение других смежных прав и свобод, включая свободу мнений, убеждений и их свободного выражения, свободу собраний, свободу доступа к информации,

свободу вероисповедания, принцип равенства, а также стабильность конституционных демократий.

В условиях глобальной цифровой трансформации всех сфер жизнедеятельности персональные данные начинают рассматриваться как выгодный товар, а современные научно-технические достижения предоставляют невиданные ранее возможности для накопления и использования такой информации, превращения ее в орудие контроля и манипулирования человеческим поведением.

В текущих реалиях экспертное сообщество все чаще сходит к мнению о том, что данный вид информации является новой нефтью, поскольку владение персональными данными, как и владение нефтью, позволяет быстрее создавать прибавочный продукт и приумножать капиталы. Но так же, как и неосторожное обращение с нефтью, которое приводит к необратимому загрязнению окружающей среды, неосторожные и необдуманные действия с персональными данными могут приводить к всевозможным негативным последствиям, например, к хищению имущества и т. д.

Сложившаяся ситуация усложняется и тем, что люди крайне небрежно относятся к своим персональным данным: они охотно публикуют личную информацию в социальных сетях, используют огромное количество «бесплатных» интернет-сервисов, не понимая, что персональные данные, которые они добровольно предоставляют при использовании того или иного интернет-сервиса, могут в тот же момент быть переданы через национальные границы и даже континенты, быть в последующем связанными с другой информацией и использоваться в том числе для оказания влияния. В этой связи важно понимать, что не бывает бесплатных сервисов и за любые предложения, которые преподносятся нам «безвозмездно», мы расплачиваемся стоимостью наших персональных данных.

В такой ситуации в стране был принят Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» (далее – Закон № 99), основные положения которого вступили в силу с 15 ноября 2021 г.

До недавнего времени Республика Беларусь оставалась последней страной на постсоветском пространстве, которая не имела подобного специального закона (в России, например, был принят Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»). Вместе с тем в результате его разработки, которая началась еще в 2015 г., имелась возможность фундаментально пересмотреть

существующие подходы, заложенные в ряде нормативных правовых актов, и, оглядываясь на лучший международный опыт, прийти к необходимому балансу между необходимостью защиты личной информации и развитием информационно-коммуникационных технологий.

Анализ показывает, что Закон № 99 не направлен на ограничение обработки персональных данных, он нацелен на создание правовых рамок, определяющих возможные случаи ограничения такой обработки, предоставляющих конкретному человеку доступную информацию о том, кто, для каких целей и в течение какого срока будет обрабатывать его персональные данные, а также наделяющих этого человека целым комплексом инструментов в виде конкретных прав для осуществления контроля за такой обработкой, и др. Фактически, целью Закона № 99 видится создание условий для возврата персональных данных под контроль субъекта.

Следующим шагом в создании условий для защиты персональных данных можно определить издание Указа Президента Республики Беларусь от 28 октября 2021 г. № 422 «О мерах по совершенствованию защиты персональных данных», в соответствии с которым в стране был определен уполномоченный орган по защите прав субъектов персональных данных – Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь.

Создание в стране специального органа, отвечающего за обеспечение соблюдения требований законодательства в сфере обращения с персональными данными, является одной из наиболее важных мер по защите персональных данных. Такие органы созданы практически во всех государствах. В отдельных странах функции специального органа в сфере защиты персональных данных возлагаются на органы прокуратуры (Республика Казахстан) или исполнительной власти (Российская Федерация).

Стоит отметить, что вопросы защиты персональных данных нераздельно связаны с эффективной реализацией своих полномочий государственными органами, осуществляющими функции по контролю (надзору) в области соответствующих правоотношений. От правового статуса и объема полномочий указанных органов зависит то, насколько эффективно будет развиваться существующий механизм защиты персональных данных.

Очевидно, что принятие Закона № 99 явилось закономерной отправной точкой в формировании в нашей стране самостоятельного правового института защиты персональных данных. Вместе с тем уже на

текущем этапе усматривается ряд вопросов, которые еще предстоит решить белорусскому законодателю. Так, например, Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь не наделен полномочиями по ведению административного процесса, в отличие от, например, соответствующего уполномоченного органа Российской Федерации, функции которого возложены на Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Просвещение всех участников информационного взаимодействия в вопросах надлежащей обработки персональных данных и их защиты, безусловно, является приоритетной задачей уполномоченного органа, вместе с тем непосредственное наличие у него права на ведение административного процесса логично и вытекает из необходимости создания должного уровня превентивного влияния на потенциальных правонарушителей.

В завершение следует отметить, что уровень развития информационно-коммуникационных технологий сегодня диктует свои условия, ставя перед государством все новые задачи, главная из которых состоит в установлении оптимального баланса между развитием экономики, социальных отношений в обществе и обеспечением надежной защиты прав граждан, а также в его постоянном совершенствовании. В этой связи работа законодателя и уполномоченных органов по созданию соответствующих условий для защиты персональных данных должна быть продолжена.

УДК 378:34

А.А. Озеров

О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РАМКАХ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

Право человека на образование является одним из основополагающих прав человека, равно как и права на труд, на отдых и досуг, на медицинское и социальное обслуживание, а также другие права. Право человека на образование находит свое отражение во Всеобщей декларации прав человека, Конвенции о правах ребенка, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также иных международных документах.

В результате проведенного 27 февраля 2022 г. республиканского референдума в Основной Закон Республики Беларусь внесены изменения

и дополнения с целью сохранения основ суверенного государства, гарантирующего социальную защищенность граждан, укрепления единства народа, успешной самореализации каждого человека.

В ст. 49 обновленной Конституции Республики Беларусь закреплено право каждого на образование. Государством гарантируются доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования.

Одним из основных документов, регламентирующих деятельность в сфере образования и подготовки кадров в Республике Беларусь, является Кодекс Республики Беларусь об образовании, который также претерпел изменения и дополнения, вступившие в силу с 1 марта 2022 г. В соответствии со ст. 2 указанного закона, одним из принципов, на котором основывается государственная политика в сфере образования Республики Беларусь, является принцип интеграции в мировое образовательное пространство при сохранении и развитии традиций системы образования.

В настоящее время, принимая во внимание современные проблемы, включая вызовы и угрозы, возникающие в том числе непосредственно у границ Содружества Независимых Государств (далее – Содружество, СНГ), как никогда актуальным становится вопрос взаимодействия государств – участников СНГ в различных сферах, включая сферу образования и подготовки кадров. Целесообразно рассмотреть отдельные акты международного характера СНГ в указанной сфере.

Статья 8 Конституции Республики Беларусь предусматривает возможность регулирования международным правом сферы образования и подготовки кадров.

Основопологающим актом международного характера, включающим в себя основные положения образовательного сотрудничества, является Соглашение о сотрудничестве в сфере образования, подписанное и вступившее в силу 15 мая 1992 г. в г. Ташкенте Советом глав правительств СНГ. Указанный документ подписан исходя из права каждого человека на образование и ответственности государства за полное осуществление этого права, а также необходимости создания механизма реализации сотрудничества государств – участников СНГ в области образования, осуществления совместных программ и проектов.

Соглашением предусмотрены равные права на образование и его доступность всем лицам, проживающим на территории государств – участников СНГ; выражено стремление удовлетворять взаимные потребности в обучении граждан, подготовке, переподготовке и повышении

квалификации рабочих кадров и специалистов; обозначена поддержка проведения совместных научных исследований, обмена информацией и документацией по вопросам развития образования, создания объединенных информационных служб, банков данных и печатных изданий.

В дальнейшем, в рамках реализации положений Соглашения о сотрудничестве в сфере образования, 17 января 1997 г. в г. Москве Советом глав правительств СНГ принято Решение о Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства. Целью принятия указанного акта является определение основных принципов, направлений, условий и этапов формирования единого (общего) образовательного пространства, которое будет характеризоваться общностью принципов государственной политики в сфере образования, согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, стандартов и требований по подготовке и аттестации научных и научно-педагогических кадров и программ, равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в образовательном учреждении на территории государств – участников Содружества.

В рамках Содружества также подписан ряд документов о сотрудничестве в сфере образования по различным вопросам: взаимного признания и эквивалентности документов о среднем (общем) образовании, начальном профессиональном и среднем профессиональном (специальном) образовании; взаимного признания документов о высшем/высшем профессиональном образовании; повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов; координации работ в области лицензирования, аттестации и аккредитации образовательных учреждений; обмена информацией в сфере образования государств – участников СНГ; образования взрослых; порядка создания и функционирования филиалов вузов и др.

На практике реализация документов о международном сотрудничестве в сфере образования выглядит следующим образом. В 2019/2020 учебном году в учреждениях образования Республики Беларусь проходили обучение более 26 000 иностранных граждан из 102 стран мира. Из них около 25 000 – в учреждениях высшего образования, больше 1 000 – в учреждениях среднего специального и профессионально-технического образования. Кроме того, более 2 000 иностранных студентов проходят обучение на совместных факультетах и по программам белорусских учреждений высшего образования за рубежом. По информации Министерства образования Республики Беларусь, в 2021/2022 учебном году в учреждениях высшего образования Республики Беларусь обучаются

24 338 иностранных обучающихся при общем количестве студентов 242 969 человек. Соответственно 10 % обучающихся среди студентов в Республике Беларусь составляют иностранные граждане, что свидетельствует о качестве образования и привлекательности учреждений образования Республики Беларусь среди иностранных граждан. Активная работа по созданию совместных образовательных структур и программ с иностранными партнерами также ведется. Например, в 2019 г. созданы два совместных факультета в Республике Узбекистан и один в Республике Таджикистан.

Таким образом, в Содружестве сформирована система актов международного характера, которая обеспечивает реализацию права на образование на принципах независимости, равенства, обоюдной выгоды, взаимного уважения в соответствии с законодательством, ненападения ущерба суверенитету государств, их национальной безопасности и интересам личности, общества и государства. Однако необходима дальнейшая работа по гармонизации и унификации законодательства государств – участников СНГ в сфере образования и подготовки кадров.

УДК 342.4

В.И. Павлов

ДВА РАЗЛИЧНЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЯЗЫКА СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ВЕРХОВЕНСТВО ПРАВА

Конституционное право в либерально ориентированных правовых системах представляет собой предельное основание правопорядка, формой объективации которого выступает национальная Конституция, конституционные законы, а также акты толкования Конституции. По сравнению с любыми другими отраслями права эта отрасль в минимальной степени содержит в себе инструментально-догматический аспект правового регулирования, сосредотачиваясь на концептуальных основаниях правопорядка. Г. Кельзен, формулируя идею «Основной нормы» («Grundnorm») как логического основания правопорядка, неявно отождествлял ее с Конституцией как актом, содержащим в себе исчерпывающие аксиоматические положения конкретного национального права, которые в юридической практике могут быть всегда выведены и применены к определенному жизненному случаю. Основная проблема, однако, заключается в том, что способ действия Конституции, равно как

и работа по истолкованию ее правовых норм непосредственно связаны с языком, т. е. с понятиями, категориями, конструкциями, концепциями, теориями, лежащими в конституционном тексте. Именно поэтому важнейшее значение как для понимания Конституции, так и для применения ее положений имеет уяснение отраженных в ней культурно-исторических, юридико-доктринальных, политико-правовых и иных содержаний.

В строгом смысле конституционно-правовая доктрина представляет собой достаточно молодую отрасль научного знания эпохи Модерна, т. е. эпохи Нового времени, времени буржуазных революций в Западной Европе. С этой точки зрения, используя марксистский методологический язык (который во многих аспектах сохраняет свою адекватность), не будет ошибкой именовать новоевропейские конституционно-правовые концепции буржуазными и одновременно отождествлять их с либеральными, с позиции экономического анализа права – капиталистическими, с позиции культурно-исторических типов – концепциями модернистскими как принадлежащими эпохе Модерна.

Следует отметить, что на момент начала формирования конституционализма мировая юридическая традиция уже имела богатейший каталог концептуальных и инструментальных средств правового регулирования, прежде всего сформированный в рамках континентальной юридической догматики и школы «*Usus modernus Pandectarum*» на основе процесса рецепции римского права на Западе. Новые же конституционные политико-правовые идеи принадлежали совершенно другой – просветительской естественно-правовой идеологии с предложенными ею политическими, экономическими, антропологическими и иными принципами. В связи с этим является неточностью встречающееся в литературе отождествление этих нововременных политико-правовых концепций с античными, греко-римскими правовыми идеями: последние, несмотря на поверхностное сходство с буржуазными теориями, разрабатывались на совершенно иных методологических основаниях.

К новоевропейским политико-правовым концепциям, ставшим основой европейского конституционализма, относятся: учение о правах человека, общественном договоре, правовом государстве, разделении властей, верховенстве права, гражданском обществе и др. Разработка этих концепций была тесно связана с конкретными культурно-историческими условиями, в которых находилось западное общество в тот период времени и теми политико-правовыми и социокультурными задачами, которые решались путем формирования конституционализма.

Исследователь-конституционалист, законодатель, а также правовед-практик, связанный в своей профессиональной деятельности с вопросами применения и толкования конституционно-правовых положений, как правило, исходят из универсальности и аксиоматичности политико-правового содержания концептуальных конституционно-правовых положений и языка, на котором они сформулированы. Эти положения и язык действительно всегда отсылают к новоевропейским смысловым содержаниям исходя из своей изначальной правовой природы и концептуальной структуры даже несмотря на то, что могут быть встроены в совершенно иной политико-правовой контекст. Такому положению дел способствует господство европейской конституционно-правовой доктрины в науке и образовательной среде. Вместе с тем в практике правовых порядков, особенно незападного типа, определенное конституционно-правовое положение, концепция в тексте Конституции может наделяться другим правовым смыслом, нежели классический конституционный смысл, что связано со спецификой его представления в национальном правовом порядке. В таком случае первоочередное значение приобретают модифицирующая роль национального конституционного толкования, особое проявление в национальном праве наднациональной юрисдикции, программный характер концептуальных нормативных правовых актов в правовом порядке, детализирующих ценностно-правовые содержания, своего рода дополняющих и развивающих смысл национальных конституционно-правовых положений (Концепции правовой политики и т. д.). Вместе с тем стандарты современного конституционализма, безусловно, формируются западными правовыми порядками, что связано как с наличием у них развитых форм наднациональной юрисдикции (Европейский Суд Справедливости – далее Суд ЕС, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ)), так и с логическим развитием изначальных новоевропейских политико-правовых идей уже в европейских доктринах XXI столетия. Такие вопросы, как формирование четвертого и пятого поколения прав человека, интерпретация принципов разумности и соразмерности, балансировки ценностей, разработка новых интерпретаций принципов государственного суверенитета и др. разрабатываются в основном на Западе. Следует понимать, что в основе этих принципов лежит политика права, связанная с цивилизационно-культурной спецификой развития западного общества, его представлением о праве и нравственности, культуре, человеке, социуме и государстве. Конституционно-правовые смыслы извлекаются не из чистой правовой формы, а именно из цивилизационно-культурного содержания.

В этой связи в последние десятилетия политика права стала все больше проявляться в контексте расхождений между цивилизационно-культурными содержаниями западных и незападных правовых порядков. Если государства мусульманского права (Иран, Египет, Пакистан, Сирия, Саудовская Аравия и др.) строят свои конституционно-правовые модели с учетом религиозного фактора (при вынужденном и подразумеваемом согласии западных стран), то постсоветские республики, полностью сориентировавшиеся на новоевропейский конституционализм в 1991 г., находятся в более уязвимом положении. Доктринальным ответом на эти тенденции стала разработка начал альтернативной в методологическом плане модели конституционализма, которая была представлена теорией конституционной идентичности и близкой ей концепцией конституционного суверенитета. Сам этап, связанный с началом формирования этой модели на постсоветском пространстве, В.Д. Зорькин назвал «эпохой Метамодерна». Следует, однако, отметить, что в методологии правовой науки, разрабатываемой в общей теории и философии права, о кризисе классической правовой рациональности и выделении классического и постклассического этапов правоведения речь шла еще в первой половине 2000-х гг., но науки конституционного права в тот период это практически не коснулось.

В чем смысл концепции конституционной идентичности? По сути, это альтернатива концепции верховенства права как единому, универсальному, а значит, наднациональному способу правового регулирования, понимания базовых, фундаментальных для правового порядка правовых норм, а значит и ценностей этого общества. Разумеется, в логике конституционализма Европейского союза и наднационального регулирования Совета Европы универсальность рассматривается исключительно в западнцентристском значении. Идея конституционной идентичности, напротив, состоит в блокировке размывания национально-государственного понимания фундаментальных конституционно-правовых ценностей со стороны наднациональных судов, использующих эволютивное и динамическое толкования права, а также применяющих унифицированный западноевропейский, т. е. региональный подход к пониманию фундаментальных правовых ценностей, лежащих в основе национальных конституций. В последние годы конфликт между верховенством права и конституционной идентичностью в рамках европейских наднациональных юрисдикций особенно проявился в связи с принципиальными позициями России, Венгрии, Польши.

Очевидно, что проблематика конституционной идентичности связана не с юрисдикционными и процедурными моментами, а с аксиологией права, опирающейся на цивилизационно-культурные основания конкретных обществ. В этой связи идея ценностных оснований национального права перекликается со ст. 4 (п. 2) Договора о Европейском союзе, предусматривающей «уважение национальной идентичности государств-членов», что однозначно указывает на идею признания цивилизационно-культурной идентичности правопорядков. Вместе с тем модель новоевропейского конституционализма, в чем и состоит ее особенность, исключает возможное присутствие внеправовых ценностей в их влиянии на правопорядок и жизнь общества в целом. Кантовская идея о том, что именно право, а не нравственность, религия, обычай, традиция, корпоративные нормы и т. д. выступают в качестве главной социальной ценности, лежит в основе европейской модели конституционализма.

Следует отметить, что конфликт Суда ЕС, ЕСПЧ с западноевропейскими национальными конституционными судами отличается от аналогичного конфликта с национальными судами незападных государств. В последнем случае речь, как правило, всегда идет о фундаментальных цивилизационно-культурных разногласиях и различиях, лежащих в основе разрешения тех или иных правовых вопросов, – это понимание добра и зла, приемлемого и неприемлемого с исключительно ценностных позиций, по своей природе не поддающихся правовому анализу. К ним относятся вопросы понимания человека и его природы, сущности и назначения семьи, материнства, отцовства, воспитания детей, образования, места религии как антропологической практики в структуре общества, соотношение частных и публичных интересов в обществе и многие другие. Поэтому позиции сторонников или противников идеи конституционной идентичности применительно к русскоязычному правовому дискурсу с определенными оговорками можно отнести к славянофилам и западникам, проводя прямые параллели с формированием правовой доктрины XIX в. Это два разных методологических языка и, по сути, две разные модели конституционализма и правовой аксиологии.

Концепция конституционной, а шире – правовой идентичности выражает принцип диалогичности и взаимного признания, консенсуса правопорядков, названных К.Н. Леонтьевым «принципом цветущей сложности». Неявно она содержит в себе идею отказа от новоевропейской идеи рассмотрения права в качестве самодостаточного высшего метафизического начала в жизни социума, замещающего нравственность

(верховенство права). Вместо этого она предлагает не только запрет на наднациональное изменение конституционного ядра, но и корреспондирование этого ядра цивилизационно-культурным основаниям и социокультурным ценностям конкретного общества, народа. В этой связи наличие в Конституции «оговорки вечности» («eternity clause») как невозможности национальному правопорядку изменить «абсолютные конституционные нормы и принципы» в их новоевропейском варианте – есть элемент новоевропейской доктрины, противоречащий идее конституционной идентичности. И напротив, как считает С.П. Чигринов, рассматривая конституционную идентичность в контексте Евразийского экономического союза, «оговоркой вечности» является «незыблемость наиболее важных национальных конституционных ценностей».

Рассмотрение конституционной идентичности только в рамках «политико-правовых и мировоззренческих ценностей, зафиксированных в конституционных текстах... в пределах права и правовой культуры» при запрете на апелляцию к традиции «доконституционных эпох» (Е.А. Лукьянова) противоречит самой идее идентичности, как и преамбулам многих национальных конституций, отсылающих к правовому наследию. Ведь весь вопрос как раз и состоит в том, откуда будут извлекаться правовые смыслы при толковании фундаментальных положений Конституции: либо из каталога унифицированных западноевропейских правовых принципов и стандартов, либо из конституционной идентичности, трактуемой в качестве координированности норм Конституции социокультурным ценностям? То, что иногда с либерально ориентированных позиций именуют «оборонительным конституционализмом» (Т.А. Васильева), «агрессивными проявлениями конституционной идентичности», «манипуляцией конституционной идентичностью» (Е.А. Лукьянова) и т. д. – на самом деле может являться как раз настоящей конституционно-правовой защитой социальной ценностной среды от экспансии новоевропейского конституционализма, проявляющегося, например, в признании дискриминирующей конституционной нормы о традиционном понимании семьи как союзе мужчины и женщины. Проблематичным является только определение ценностного конституционного ядра, ведь не все наднациональные решения в рамках юрисдикции ЕСПЧ либо юрисдикционных органов Европейского союза касаются этого ядра. Многие наднациональные правовые решения могут содержать и содержат вполне разумные и эффективные юридические решения, которые следует включать в национальную юрисдикционную практику.

Таким образом, задача заключается в том, чтобы сформулировать каталог конституционно-правовых ценностей ядра правопорядка в его координированности с актуальными социокультурными ценностями, при этом обеспечивая обновление правовой системы за счет включения наднационального опыта при сохранении этого ядра. Такой подход, конечно, не будет соответствовать принципу верховенства права в его классической новоевропейской версии «rule of law», однако он не означает юридического изоляционизма и предлагает разумный баланс между конституционной идентичностью и верховенством права.

УДК 342

А.А. Подупейко

КОНСТИТУЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ БЕЛАРУСИ – В ИНТЕРЕСАХ ВСЕГО ОБЩЕСТВА

История конституционного законодательства Беларуси во многом неразрывно связана с историей советского общества и государства, прошедших в своем развитии ряд ярко выраженных этапов. Каждый из этапов характеризовался новыми явлениями в отношениях между классами и социальными группами, уровнем экономики, распределении компетенции между Союзом и республиками, полномочиях и направлениях работы государственных органов и т. д. Эти важнейшие изменения, происходившие в общественной жизни, требовали конституционного закрепления.

Все предыдущие Конституции Беларуси, безусловно, сыграли свою роль в развитии конституционного законодательства в целом и оказали значительное влияние на современную Конституцию Республики Беларусь. Преемственность выразилась в формулировании принципов конституционного строя, регулировании политических, экономических и социальных отношений, определении правового статуса человека и гражданина, а также установлении системы органов государственной власти.

Конституция Республики Беларусь принята белорусским Парламентом 15 марта 1994 г. В последующем в нее вносились изменения и дополнения решениями республиканских референдумов от 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г., а также в соответствии с Законом Республики Беларусь от 12 октября 2021 г. № 124-3 «Об изменении Конституции Республики Беларусь».

Принятие и внесение изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь обусловлено выходом белорусского общества на новый этап своего исторического развития. Модернизация белорусского общества и национальных интересов, закрепление суверенитета и независимости, новые потребности людей, необходимость обновления функционирования политической системы и государственного аппарата и т. д. – это объективные предпосылки необходимости совершенствования Конституции Республики Беларусь.

Конституция как продукт государства отражает уровень развития всего общества, характер сложившихся на момент ее принятия и действия общественных отношений. Основной Закон ориентирован на государственную и общественную действительность, он формирует государство, но в свою очередь государство создает Конституцию. Государство определяет содержание и границы действия Конституции.

Последние изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь коснулись практически всех разделов. Основой этих изменений и дополнений явилось укрепление белорусской государственности. Например, Преамбула дополнена положениями о сохранении национальной самобытности и суверенитета, культурных и духовных традиций, обеспечении социальной справедливости, независимости и процветания Республики Беларусь. Важно сохранить способность государства самостоятельно и независимо от других государств осуществлять свои функции на своей территории и за ее пределами.

Согласно ст. 18 Конституции Республика Беларусь в своей внешней политике исходит из принципов равенства государств, неприменения силы или угрозы силой, нерушимости границ, мирного урегулирования споров, невмешательства во внутренние дела и других общепризнанных принципов и норм международного права. Более того, Беларусь сегодня как суверенное европейское государство, осуществляющее самостоятельную, миролюбивую внешнюю политику, закрепила в Основном Законе дополнительную гарантию, которая исключает военную агрессию со своей территории в отношении других государств. Включение таких положений обусловлено необходимостью противостоять отдельным деструктивным силам, которые вынашивают идеи разрушения белорусского государства. Подтверждением важности для белорусского народа сохранения Республики Беларусь как самостоятельного, независимого государства является то большинство граждан, которые приняли участие в республиканском референдуме по внесению изменений и дополнений в Конституцию.

Последние изменения в Конституции Республики Беларусь направлены на усиление и укрепление взаимоотношений личности и государства в области прав и свобод человека и гражданина. С одной стороны, государство создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании (ст. 28 Конституции); оказывает поддержку семьям с детьми, детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей (ст. 32); способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества (ст. 32¹); инвалидам обеспечиваются равные возможности для осуществления прав и свобод человека и гражданина... (ст. 47). С другой стороны, на граждан возлагаются дополнительные обязанности: каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства (ст. 21); родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, прививать культуру и уважение к законам, историческим и национальным традициям Беларуси (ст. 32); граждане обязаны принимать меры по сохранению и укреплению собственного здоровья (ст. 45); сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ст. 54).

Ряд изменений и дополнений Конституции Республики Беларусь коснулись системы органов государственной власти, их организации и деятельности. Так, повышены требования к кандидатам в Президенты Республики Беларусь. Минимальный возраст для избрания Президентом – 40 лет и срок постоянного проживания в Республике Беларусь предлагается установить не менее 20 лет. Кроме того, кандидат не должен иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества, как на момент выдвижения, так и в прошлом. Уточнено количество сроков пребывания в должности – не более двух.

Стабилизирующая роль в общественной жизни отведена Всебелорусскому народному собранию, как высшему представительному органу народовластия Республики Беларусь, определяющему стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающему неизменность конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. К полномочиям Всебелорусского народного собрания отнесены:

утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности, программы социально-экономического развития Республики Беларусь и др.

Повышается роль Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и Совета Безопасности. Так, в случае вакансии должности Президента или невозможности исполнения им своих обязанностей по основаниям, предусмотренным Конституцией Республики Беларусь, его полномочия до принесения Присяги вновь избранным Президентом переходят к Председателю Совета Республики (ст. 88¹). А в случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, военной агрессии, вследствие иных действий насильственного характера: заседания Совета Безопасности проводятся под руководством Председателя Совета Республики; незамедлительно на основании решения Совета Безопасности в установленном порядке на территории Республики Беларусь вводится чрезвычайное или военное положение и государственные органы и должностные лица действуют в соответствии с решениями Совета Безопасности.

Таким образом, последние изменения и дополнения в Конституцию Республики Беларусь призваны сыграть важнейшую стабилизирующую роль в общественно-политической жизни страны, укрепить независимость и самостоятельность белорусского государства, установить более тесную связь гражданина с государством, а также определяют основные подходы и принципы воспитания патриотов своего Отечества. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь указывается, что укрепление и развитие в обществе патриотизма относится к национальным интересам страны, а воспитание патриотизма является одной из форм участия граждан в обеспечении национальной безопасности. И напротив, ослабление патриотизма рассматривается как одна из основных внутренних угроз.

УДК 34.342

Н.И. Рудович

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Действующая Конституция Республики Беларусь в качестве основополагающих начал развития белорусского государства содержит общечеловеческие ценности, права, свободы и законные интересы личности.

Опыт развитых государств показывает, что последовательное развитие указанных общественных отношений обеспечивается не только активным участием государства в управлении обществом, но и формированием у граждан позитивно ориентированного мышления. Как нам представляется, система ценностей не может оставаться постоянной все время, она подвержена изменениям в зависимости от складывающихся в современном обществе отношений. Социально-экономическая стабильность в стране, улучшение условий жизни граждан, эффективности работы органов государственного управления и общественных институтов создают необходимые предпосылки для их реформирования.

Вышеперечисленные факторы обусловили необходимость последовательной модернизации действующих конституционных норм нашего государства, обеспечивающих, в первую очередь, эффективную реализацию правовых мер обеспечения и защиты прав, свобод и законных интересов граждан. Логическим завершением всех дискуссий о необходимости реформирования Основного Закона белорусского государства стал республиканский референдум по вопросу внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь, состоявшийся 27 февраля 2022 г.

Открытое (публичное) обсуждение проекта конституционных изменений и дополнений белорусской общественностью показало, что основной целью и ценностью нашего государства, как и прежде, остается идея построения сильной и процветающей Беларуси, забота о независимости и безопасности страны, благополучии народа.

Активное участие в работе диалоговых площадок, встречах с высшими должностными лицами государства принимала студенческая молодежь, поскольку проводимая сегодня в нашей стране молодежная политика уделяет много внимания воспитанию подрастающего поколения. Так, на пятом Всебелорусском народном собрании Главой государства была четко определена одна из основных задач государственной молодежной политики – воспитание гражданина, патриота, одухотворенного идеалами добра и социальной справедливости, способного творить и созидать во имя своего Отечества.

В научной литературе гражданственность рассматривается через призму взаимных прав и обязанностей гражданина и государства, которые могут быть реализованы как в личных интересах, так и на благо общества. Обладание качествами гражданственности сопряжено с чувством патриотизма, которое выражает любовь и преданность Ро-

дине, способствует ее успехам во всех сферах внутренней жизни и на международной арене. Патриотизм сегодня следует рассматривать как осознание общности ценностей нашего народа, предусматривающие уважение к историческому прошлому, гордость за его достижения, обиды за неудачи, а также активную деятельность граждан, направленную на созидание и процветание белорусского государства во всех сферах жизнедеятельности.

Формирование гражданственности и патриотизма в современных условиях составляют одно из основных направлений идеологической и воспитательной работы со студенческой молодежью в учреждениях высшего образования. Здесь работа строится на принципе взаимного сотрудничества руководства и студенческого актива. Основной целью такого взаимодействия является создание необходимых условий для всестороннего развития молодежи, раскрытия ее духовного, творческого и интеллектуального потенциала.

Важную роль в обеспечении такого взаимодействия играет студенческое самоуправление, которое осуществляет организацию мероприятий, студенческих проектов, досуг студентов, укрепляет заинтересованность студентов в общественной жизни факультета. Ценности, разделяемые студенческим самоуправлением, являются одним из ключевых элементов корпоративной культуры студенческого сообщества. Они определяют сплоченность коллектива, содействуют формированию единства взглядов, общности действий.

Неоценимую помощь в реализации указанной политики оказывают студенческие общественные организации, которые посредством проведения различных культурно-массовых акций, спортивных мероприятий, волонтерской работы и т. д. последовательно повышают уровень социальной активности студентов, популяризируют здоровый образ жизни, формируют социально приемлемые нормы поведения.

Действующее законодательство Республики Беларусь рассматривает образовательный процесс как процесс воспитания и обучения. Поэтому воспитание осуществляется в неразрывной связи с процессом обучения, хотя и имеет немного другие цели – стать в будущем «человеком с высокими моральными качествами». Одновременно преподавание учебных дисциплин юридической направленности обеспечит формирование у обучающихся важных для общества ценностных ориентиров (свобода, справедливость, равенство, порядок, безопасность, общее благо), имплементация которых в современные общественные отношения мини-

мизирует в студенческой среде проявление таких негативных явлений, как правонарушения, преступления, правовой нигилизм и др.

Отдельно следует отметить необходимость постоянного проведения профессионально-ориентационной работы. Именно в рамках проводимых мероприятий идет постоянное информирование студенческой молодежи о возможностях построения карьеры, самореализации и саморазвития в Республике Беларусь. Встречи с представителями правоохранительных органов, органов государственного управления, коммерческих предприятий дают возможность студентам приобретать конкретные знания и навыки в избранной ими профессиональной деятельности, формируют к ней интерес и уважение.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно отметить следующее.

1. Действующая Конституция Республики Беларусь провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защиту – обязанностью государства. В этой связи органами государственного управления ведется непрерывная работа по совершенствованию белорусского законодательства в области прав человека, идет всестороннее информирование граждан о формах и методах их защиты.

2. Гражданское и патриотическое воспитание молодежи сегодня направлено, в первую очередь, на усвоение общечеловеческих гуманистических ценностей, культурных и духовных традиций нашего народа, формирование готовности к исполнению гражданского долга, правовой ответственности. При этом обязательной стороной патриотизма является уважение к другим народам, их языку, культуре, истории.

3. Существующая в студенческой среде так называемая корпоративная культура обеспечивает консолидацию и сплоченность студентов на основе общих ценностей. Именно она способствует формированию благоприятного эмоционально-психологического климата, предоставляя при этом студентам возможности для саморазвития, получения морального и материального удовлетворения от своей учебы, работы, поступков. При этом роль корпоративной культуры состоит не только в определении и обобщении ценностных ориентиров, норм поведения, обычаев и традиций, но и в принятии этих правил как личных всем студенческим социумом.

УДК 342.4

К.Д. Сазон

ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Проведение республиканского референдума 27 февраля 2022 г. и принятие решения по вопросу об изменениях и дополнениях Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция) знаменуют собой качественно новый этап развития не только правовой, но политической сферы жизнедеятельности общества и государства. Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575, к числу национальных интересов в политической сфере относятся: устойчивое развитие демократического, правового, социально ответственного государства; обеспечение эффективного функционирования государственных институтов в интересах общества; достижение сбалансированности политических интересов граждан, общественных объединений и государства, общественного консенсуса по ключевым вопросам развития Республики Беларусь; развитие гражданского общества с учетом национальных традиций и особенностей и др. В связи с этим отметим, что дополнительной конституционализации были подвергнуты отдельные правовые положения, закрепляющие контуры и ценностные основания белорусской модели политической системы. При этом совершенствование подходов к построению системы государственных органов в сочетании с повышением конституционной роли институтов непосредственной демократии, исторически сложившихся и получивших должную апробацию и признание на практике, позволяет обеспечить преемственность государственно-правового развития Республики Беларусь. Вместе с тем новеллизация Основного Закона указывает на необходимость научно-теоретического, нормотворческого и правореализационного обеспечения национальных интересов в политической сфере, нейтрализации рисков стабильного и эффективного функционирования политической системы.

С точки зрения развития правовых основ политической системы важно обратить внимание на то, что Конституция уточняет содержание принципа демократического плюрализма, закрепляя следующее положение: демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политиче-

ских институтов и мнений (ст. 4). По этому поводу Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на торжественной церемонии в день подписания Решения республиканского референдума по изменениям и дополнениям Конституции отметил, что «Конституция Республики Беларусь и есть наша идеология». В указанном контексте полагаем, что взаимодействие различных субъектов властеотношений на основе и в соответствии с конституционными принципами и нормами представляет собой практическое воплощение конституционно формализованной сущности политической системы белорусского государства.

К числу национальных интересов в политической сфере относится обеспечение эффективного функционирования государственных институтов в интересах общества. Это потребовало внесения соответствующих корректировок в Основной Закон в части детализации требований, предъявляемых к лицам, избираемым на государственные должности. На наш взгляд, не вызывает сомнений целесообразность повышения конституционных требований к кандидатам на должность Президента Республики Беларусь, связанных с увеличением возрастного ценза с 35 до 40 лет, и так называемого «ценза оседлости», предполагающего необходимость постоянного проживания в Республике Беларусь непосредственно перед выборами не менее 20 лет вместо 10 лет. Существенным конституционным дополнением, способствующим обеспечению рассматриваемых национальных интересов, являются положения, допускающие возможность избрания Президентом Республики Беларусь только гражданина Республики Беларусь по рождению, не имеющего и не имевшего ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества (ст. 80 Конституции).

Результаты системного анализа положений Конституции указывают на необходимость дальнейшей отраслевой юридикации новых конституционных положений в рамках приведения законов и актов Президента Республики Беларусь в соответствие Конституции. Прежде всего речь идет о сохранении национальной самобытности и суверенитета, обеспечении незыблемости народовластия, независимости и процветания Республики Беларусь (Преамбула Конституции) в контексте модернизации политической системы. В связи с этим считаем целесообразным высказать собственные предложения по дальнейшему совершенствованию отраслевого законодательства с учетом изменения конституционных основ деятельности высших органов государственной власти.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают положения ст. 88¹ Конституции, согласно которым «в случае вакансии должности Пре-

зидента или невозможности исполнения им своих обязанностей по основаниям, предусмотренным Конституцией, его полномочия до принесения Присяги вновь избранным Президентом переходят к Председателю Совета Республики». Поскольку Президент Республики Беларусь является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина, обладает обширными полномочиями, реализация которых обеспечивает политическую и экономическую стабильность, национальную безопасность и территориальную целостность страны, постольку целесообразным представляется при корректировке Закона Республики Беларусь от 8 июля 2008 г. № 370-З «О Национальном собрании Республики Беларусь», а также регламента Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь (далее – Совет Республики) закрепить положения о том, что Председателем Совета Республики может быть избрано лицо, не имеющее и не имевшее ранее гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества. Реализация такой инициативы, на наш взгляд, не противоречит части третьей ст. 64 Конституции, закрепляющей возможность определения соответствующим законом возрастного и иных цензов для депутатов и других лиц, избираемых на государственные должности, если иное не предусмотрено Конституцией. Полагаем, что «иное» Конституция не запрещает с учетом целей и принципов конституционного регулирования.

Далее отметим, что в ст. 88¹ Конституции уточняется порядок деятельности государственных органов в случае гибели Президента в результате покушения на его жизнь, совершения акта терроризма, военной агрессии, вследствие иных действий насильственного характера. Конституцией устанавливается, что «заседания Совета Безопасности проводятся под руководством Председателя Совета Республики; незамедлительно на основании решения Совета Безопасности в установленном порядке на территории Республики Беларусь вводится чрезвычайное или военное положение; государственные органы и должностные лица действуют в соответствии с решениями Совета Безопасности.»

Из процитированных положений следует, что достижение конституционно установленных целей развития белорусского государства обеспечивается специальными правовыми механизмами, предусматривающими особый режим функционирования государственного аппарата, повышение конституционного статуса отдельных государственных органов и должностных лиц. Так, Конституция предусматривает временное осуществление конституционных полномочий Президента Респу-

блики Беларусь по введению чрезвычайного или военного положения не лицом, исполняющим его полномочия (Председатель Совета Республики), а коллегиальным органом – Советом Безопасности Республики Беларусь. В связи с этим считаем необходимым по аналогии внесение изменений в акты отраслевого законодательства в части закрепления дополнительных требований к членам Совета Безопасности Республики Беларусь о недопустимости наличия гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества.

Принимая во внимание конституционно обусловленную трансформацию правовой пирамиды источников внутригосударственного права (часть вторая ст. 85, абзац 8 ст. 107, абзац 3 ст. 116¹, исключение ст. 101 и 137) и сложившуюся практику каталогизации полномочий Президента Республики Беларусь и правовой регламентации порядка их реализации на уровне Конституции и закона, считаем возможным с учетом ст. 84 (п. 22, 27, 29, 30), 89³ (п. 1), 97 (п. 2) и 98 (п. 8) разработать и принять Закон Республики Беларусь «О Совете Безопасности Республики Беларусь» с целью согласования уровня правового регулирования и конституционно модифицированного статуса Совета Безопасности Республики Беларусь.

Изложенное позволяет заключить, что корректировка отраслевого законодательства, разработка новых законодательных актов позволит обеспечить эффективное функционирование государственных институтов и реализацию конституционно артикулированной ценности государственного служения государственных органов и должностных лиц в интересах белорусского народа.

УДК 342.3

Е.В. Семашко

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ ТЕОРИИ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

В связи с принятием изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь республиканским референдумом 27 февраля 2022 г., приданием Всебелорусскому народному собранию статуса высшего представительного органа народовластия в белорусской правовой науке и политической повестке активизировалось обсуждение сущности и субъектов народного представительства, которое открывает в данной теории все новые грани.

Следует отметить, что и в своем классическом варианте доктрина народного представительства не выглядела полностью сформированной. Известный российский ученый С.А. Авакьян в публикации 2018 г. отметил, что теория народного представительства является «довольно запущенной сферой» конституционно-правовой науки. Многолетнее изучение темы народного представительства не внесло абсолютной определенности в понимание многих вопросов. Как пишет С.А. Авакьян, «оперируя широким понятийным рядом – «народное представительство», «представительная демократия», «органы народного представительства», «представительный орган» и еще многими проистекающими отсюда понятиями и словосочетаниями, – мы далеко не всегда можем объяснить себе, нашим слушателям и читателям всю полноту смысла представительства, воплощаемого словарем конституционного лексикона».

Существует потребность в выработке теоретических положений, которые дополняют и актуализируют теорию народного представительства, позволят повысить эффективность деятельности субъектов народного представительства, обеспечат взаимодействие данных субъектов между собой, с институтами гражданского общества и гражданами, а также будут способствовать системной конституционализации действующего законодательства Республики Беларусь.

В основе теории народного представительства, как известно, лежат доктрины общественного договора и народного суверенитета Ж.Ж. Руссо, по мнению которого, соединенная на основе общественного договора воля отдельных индивидов составляет верховную власть в государстве. Общественная воля неотчуждаема. Поэтому, согласно принципу народного суверенитета, единственным источником государственной власти является народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через представительные и иные органы. Власть народа осуществляется в формах и пределах, определенных законодательством. В этом кратком и хорошо известном современному конституционализму постулате отражена идея о самоограничении любой власти, в том числе и власти народа, что имеет важное значение для научного осознания теории народного представительства. Как полагал основатель теории народного представительства Дж.Ст. Милль, при демократии должен существовать центр сопротивления ее преобладающему влиянию. По мнению философа, главными элементами системы сдержки демократии являются должное соотношение двух палат – верхней и нижней, а также разделение властей и наличие исполнительной власти. Таким образом, принцип народного суверенитета, который требует непосредственного участия

граждан в принятии важных решений, на практике легко уживается с идеей о представительном способе правления. Более того, на практике в большинстве современных государств именно представительство воли народа и его суверенитет возводятся в абсолюты при распределении законодательных функций.

Народное представительство в своем институциональном измерении выступает как способ выражения интересов народа в форме выполнения по его поручению и от его имени функций государственных органов по осуществлению публичной власти. Как ни парадоксально, но именно представительные органы реально осуществляют функции прямого народного представительства, обеспечивая на своем уровне представительства с наибольшей полнотой выражение воли избирателей при принятии важнейших решений, отнесенных к их ведению, обеспечивая защиту интересов населения, поддерживая постоянную связь с ним. Теория народного представительства определяет приоритетное значение и высшую юридическую силу актов, издаваемых представительными органами государственной власти. Сама природа представительного органа обосновывает сосредоточение в нем основных потоков идеологического и политического плюрализма.

Представительные органы власти, их порядок формирования, компетенция, а также ответственность составляют ядро системы народного представительства государства. Вместе с тем сегодня в науке конституционного права в систему отношений народного представительства все чаще включают деятельность иных органов публичной власти, основываясь прежде всего на выборном порядке их формирования, а также на представительном характере их отдельных полномочий.

Весьма распространенным в российской правовой науке (С.А. Авакьян и др.) является мнение о том, что понятием «представительные» охватывается также Президент, а также иные избираемые должностные лица местных органов исполнительной власти. При таком взгляде исходным фактором народного представительства предлагается считать организационный фактор – производность соответствующих лиц от народа, их выборность.

В Конституции Республики Беларусь термин «представительные» употребляется в отношении Парламента, местных представительных органов и Всебелорусского народного собрания.

Делегатами Всебелорусского народного собрания в соответствии с Конституцией Республики Беларусь являются как единоличные избираемые должностные лица, так и назначаемые (представители исполнительной и судебной власти).

С одной стороны, такой состав делегатов свидетельствует о расширительном толковании содержания понятия «представительный орган». С другой стороны, по своей природе представитель народа должен не просто быть избранным народом на периодических выборах. Только совокупность определенных качеств позволяет характеризовать органы государства как представительные. Это не только выборность, но и коллегиальность, способность выступать от имени народа, наличие механизма влияния на деятельность народных представителей со стороны граждан. Наличие только некоторых из перечисленных свойств приносит лишь отдельные признаки представительства в политико-правовую природу того или иного органа. Отношения между единоличным избираемым должностным лицом и гражданами другие, по сравнению с теми, что присущи сформированной путем выборов коллегии. Роль коллегиального органа предопределяется особыми социальными функциями, связанными с представительством различных интересов, носителями которых являются депутаты или делегаты. Только в коллегиальном представительном органе происходит выявление интересов отдельных социальных групп и согласование их с интересами государства и общества в целом, что и дает ему право на принятие решений, которые являются обязательными, и даже обладают высшей юридической силой.

Таким образом, Всебелорусское народное собрание как высший представительный орган народовластия – это новая страница в теории народного представительства, которая находится в процессе своего написания. Конституционное закрепление данного органа показывает, что содержание классической теории народного представительства расширяется. Российские конституционалисты (И.А. Кравец и др.) обосновывают развитие такого института, как публичное (политическое) представительство или конституционная репрезентация. Несмотря на то что данный термин еще не занял самостоятельного исследовательского положения в научных работах, даже его этимологическое и социологическое значения показывают, что он вполне может быть использован по отношению к новым способам осуществления народного представительства, которые будут в наибольшей степени убедительно и полно отражать мнение различных социальных групп и совмещать их с интересами всего общества и государства, максимально расширять возможности для реального демократического участия.

ПРЯМОЕ ДЕЙСТВИЕ КОНСТИТУЦИИ: СУЩНОСТЬ, ТОЛКОВАНИЕ, ПРИМЕНЕНИЕ

Вопрос о прямом действии Конституции Республики Беларусь и ранее неоднократно поднимался как учеными, так и юристами-практиками. В настоящее время он особо актуален в связи с процессом конституционного реформирования и закреплением прямого действия в ст. 7 Конституции Республики Беларусь, изменения и дополнения к которой вступили в силу 15 марта 2022 г. В этой связи интерес вызывает не только толкование нормативно закрепленного свойства прямого действия Конституции Республики Беларусь, но и его практическая реализация.

В юридической науке сформированы достаточно устойчивые представления о свойствах Конституции государства как Основного Закона, которые характеризуют ее юридическую сущность и являются специфическими, отличающими Конституцию Республики Беларусь от других нормативных правовых актов, а также позволяют обозначить роль и место Конституции в регулировании общественных отношений. К таким свойствам, как правило, относят: верховенство и высшую юридическую силу, стабильность, прямое действие. Не все указанные признаки Конституции Республики Беларусь закрепляются на законодательном уровне. Следует отметить, что отсутствие нормативного закрепления того или иного признака, характеризующего Конституцию Республики Беларусь, безусловно, не может свидетельствовать о непризнании ее особого статуса в силу устоявшегося теоретико-правового и правоприменительного понимания сущности и значимости Основного Закона.

Так, например, в Конституции Республики Беларусь буквально не закреплён признак стабильности. Но стабильность, устойчивость положений Конституции Республики Беларусь обеспечивается усложненной процедурой внесения изменений и дополнений по сравнению с текущим законом.

Большое значение для правильного понимания и применения на практике положений Конституции Республики Беларусь имеет ее толкование. Пожалуй, самыми дискуссионными являются представления о прямом действии Конституции Республики Беларусь. Прямое действие Конституции закреплено в Российской Федерации, Казахстане, Кыргызстане, Армении, Литве, Польше и в других государствах. В зарубежном

законодательстве принцип прямого действия Конституции может формулироваться по-разному, как возможность защищать права на основе Конституции, через формулировку о непосредственном или прямом действии Конституции. Прямое действие Конституции часто связывается с ее непосредственным применением на всей территории государства.

Как правило, прямое действие Конституции означает возможность субъектов права при защите прав и законных интересов, а также при принятии решений государственными органами руководствоваться только положениями Конституции. Вместе с тем следует помнить, что Конституция любого государства, закладывая основы формирования правовой системы и текущего законодательства, не в состоянии детально урегулировать все необходимые общественные отношения. Многие нормы Конституции не могут быть реализованы напрямую в связи с их обобщенностью и краткостью, а также в связи с наличием в Конституции любого государства большого количества норм, отсылающих к законодательству. Конкретизация положений Конституции в текущем законодательстве является естественным процессом и необходимым механизмом, позволяющим реализовать на практике конституционные нормы. По этой причине свойство прямого действия Конституции не стоит абсолютизировать и толковать буквально. В связи с изложенным суды и другие государственные органы при принятии решений обязаны руководствоваться действующим законодательством в случае, когда норма Конституции является отсылочной. Такая практика оправдана, так как позволяет принять объективное, обоснованное решение.

Но с другой стороны, развитость отраслевого законодательства также является препятствием непосредственной реализации норм Конституции. Многие ее положения дублируются, получают детализацию в текущем законодательстве, развиваются как отраслевые институты. Применение конституционных норм в правоприменительной практике воспринимается как излишнее.

Однако необходимо отметить, что существует достаточно норм, в том числе и в Конституции Республики Беларусь, свидетельствующих о прямом ее действии независимо от конкретизации в текущем законодательстве. Например, это положения Конституции Республики Беларусь, провозглашающие равенство перед законом и право на равную защиту прав и законных интересов, презумпцию невиновности, право на судебную защиту, на юридическую помощь и др. Также до внесения изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь о возможности ее непосредственного применения свидетельствовала ст. 112, в соответ-

ствии с которой суд должен был принимать решение в соответствии с Конституцией, если при рассмотрении конкретного дела приходил к выводу о несоответствии нормативного правового акта Конституции.

Прямое действие Конституции Республики Беларусь может быть усложнено закреплением в ней норм-принципов, например, принципа верховенства права, общепризнанных принципов международного права и других, а также учредительных норм.

Конституционный Суд Республики Беларусь в своих решениях неоднократно заявлял о прямом действии Конституции. Так, в Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 11 марта 2021 г. № р-1256/2021 говорится о верховенстве и прямом действии Конституции в нормотворчестве и правоприменении. Полагаем, что в связи с появившейся у Конституционного Суда Республики Беларусь возможностью давать заключения о толковании Конституции Конституционный Суд в ближайшее время разъяснит ряд положений Конституции, в том числе о ее прямом действии.

В этой связи положительным представляется опыт Российской Федерации. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 разъяснены случаи прямого действия Конституции Российской Федерации. Так, суд при разрешении дела применяет непосредственно Конституцию Российской Федерации, если положения Конституции не требуют дополнительной регламентации, не содержат отсылочных норм, в случае противоречия Конституции и федерального закона, а также противоречия закона либо иного нормативного правового акта Конституции, принятого субъектом Российской Федерации, в случае отсутствия федерального закона.

В заключение отметим, что свойство прямого действия присуще любой Конституции независимо от правового закрепления. Нормы Конституции подлежат прямой или опосредованной реализации в зависимости от вида и способа их закрепления. Закрепление в ст. 7 Конституции Республики Беларусь прямого действия будет способствовать ее восприятию как реального документа. Прямое действие Конституции обеспечивает эффективную реализацию многих прав и свобод. Представляется, что определяющая роль в непосредственной реализации норм Конституции должна быть возложена на Конституционный Суд Республики Беларусь, который в пределах компетенции должен дать разъяснение положений Конституции и рекомендации правоприменителю об обеспечении ее верховенства и прямого действия. Необходимы четкие рекомендации, которые будут способствовать формированию

единообразной правоприменительной практики по вопросу прямого действия положений Конституции и позволят преодолеть обесценивание конституционных норм. Полагаем, что обеспечению высшей юридической силы и прямого действия Конституции будет способствовать также институт конституционной жалобы, позволяющий гражданам напрямую обращаться в Конституционный Суд Республики Беларусь.

УДК 342.843.5

Р.А. Серада

РАСПРЕДЕЛЕННЫЙ РЕЕСТР (БЛОКЧЕЙН) КАК СОВРЕМЕННЫЙ ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТОВ НАРОДОВЛАСТИЯ

На современном этапе цивилизационного развития сложно переоценить значение информации, как ключевого компонента функционирования всех сфер человека, общества и государства. Причем по мере роста объемов передаваемой информации пропорционально обостряется проблема ее достоверности, точности и актуальности. За последние годы мы стали свидетелями того, как неконтролируемые и противоречивые информационные потоки, подкрепленные сфабрикованными и лживыми фактами, способны поколебать практически любые убеждения и вызвать недоверие к информации, отражающей реальную действительность. Например, в условиях пандемии COVID-19 во многих зарубежных странах выросло недоверие общественности к официальной статистике заболевших и умерших. Представленные властями цифры оспаривались в соцсетях, что заставляло усомниться в их достоверности и подрывало авторитет государства, как источника актуальной информации.

Особый вред подобные явления причиняют существующим демократическим институтам, которые должны строиться на взаимном доверии участников политического процесса и убежденности в добросовестности принимаемых решений. При этом малейшее подозрение в искажении либо сокрытии информации может в корне подорвать уверенность гражданина в эффективности институтов народовластия, что в свою очередь является причиной как политической апатии граждан, так и социальных конфликтов в обществе.

Таким образом, в современном информационном обществе назрел острый спрос на инструментарий, позволяющий достичь максимальной прозрачности процессов, связанных с реализацией народовластия, а

также минимизировать риски искажения их результатов, допускающих оспаривание. В этой связи целесообразно присоединиться к мнению значительного числа ученых, рассматривающих перспективы использования технологии блокчейн для реализации указанных задач.

Данная технология, получившая широкую известность благодаря криптовалютам и майнингу, представляет собой электронный реестр последовательных записей, который распределен по децентрализованной компьютерной сети. Децентрализация обеспечивается тем, что на каждом узле сети хранится копия всего реестра, изменения в которую возможны только при достижении согласия (верификации) всех узлов сети. Каждый блок-запись реестра содержит зашифрованную информацию обо всех предыдущих блоках-записях, что практически исключает локальное внесение изменений в реестр. При этом сам реестр, последовательность и количество проведенных в него записей являются открытыми для всех участников сети.

Таким образом, рассматриваемая технология обладает рядом уникальных признаков: прозрачность, верифицируемость, устойчивость к искажениям, сохранность информации. На наш взгляд, благодаря данным свойствам, технология блокчейн позволит вывести реализацию институтов непосредственного народовластия на новый уровень.

В частности, наиболее часто обсуждается возможность использования технологии блокчейн в избирательном процессе. Следует отметить, что сама идея использования электронных автоматизированных систем при голосовании уже активно применяется в ряде государств (США, Эстония, Швейцария, Российская Федерация), что позволяет значительно ускорить процесс сбора и подсчета голосов. Вместе с тем используемые системы, представляя собой классические централизованные базы данных, являются лишь технической заменой бумажных бюллетеней для голосования их электронной версией, что не избавляет избирательные системы от традиционных рисков искажения электоральной информации. При этом возрастают угрозы информационной безопасности таких систем, которые подвержены кибератакам. Технология блокчейн во многом лишена указанных недостатков.

Обобщенно, использование данной технологии в процедуре голосования можно смоделировать следующим образом: в созданной блокчейн-сети генерируется необходимое количество токенов (электронных жетонов), соответствующее числу избирателей, внесенных в списки для голосования. В процессе голосования каждый избиратель получает свой токен и передает его в электронный кошелек соответствующего канди-

дата. При этом как сам процесс получения токенов, так и все электронные кошельки будут прозрачны для участников данной сети, поскольку записи в реестре будут синхронизированы на всех узлах, что не допустит искажения как результатов явки избирателей, так и результатов голосования.

Востребованность описанных возможностей рассматриваемой технологии подтверждается практикой зарубежных государств, которые в последние годы все активнее используют блокчейн в избирательном процессе. Так, в марте 2018 г. первые выборы с использованием блокчейн-технологии прошли в Сьерра-Леоне, в ноябре 2018 г. в штате Западная Вирджиния (США) был проведен эксперимент по использованию удаленного онлайн-голосования на основе технологии блокчейн, в Российской Федерации в 2019 г. при выборах в Московскую городскую думу также было проведено интернет-голосование, основанное на технологии блокчейн.

Также перспективным видится возможность использования возможностей распределенного реестра при реализации иных институтов непосредственного народовластия: проведение референдумов, сбор подписей при выдвижении кандидатов и реализации законодательной инициативы, проведение опросов граждан органами местного управления и самоуправления.

Так, в Москве была реализована электронная площадка «Активный гражданин» для вовлечения жителей Москвы в решение важных вопросов городского развития. Для обеспечения прозрачности принимаемых решений на платформе используется технология блокчейн, что позволяет каждому участнику платформы проверить правильность учета своего голоса, отслеживать динамику и хронологию голосования по вопросам.

Вместе с тем следует признать, что широкому и повсеместному использованию данной технологии пока еще препятствует целый ряд факторов, среди которых высокая затратность организации и поддержки распределенного реестра, низкая компьютерная грамотность части населения, нерешенный до конца вопрос защиты персональных данных участников голосования.

Однако полагаем, что описанные преимущества блокчейн-технологии способны значительно повысить степень доверия граждан к публичной власти, повысить эффективность институтов народовластия и исключить необоснованные обвинения и критику проводимых в государстве демократических процессов.

О СПОРТИВНОМ ПРАВЕ

Спорт – одна из важнейших сфер общественной жизни. Данный факт исходит из того, что ежегодно во всем мире увеличивается количество людей, которые занимаются спортом как на профессиональном уровне, так и на любительском. В спортивную сферу вкладываются большие денежные средства, что в последующем делает спорт бизнесом. В связи с этим для регулирования процессов в профессиональном спорте создаются организации, государственно-общественные и иные объединения, деятельность которых направлена на кооперацию спортсменов, тренеров, судей, а в некоторых случаях и болельщиков. Исходя из вышеизложенного, появляется необходимость в наиболее эффективном правовом регулировании общественных отношений в спортивной сфере.

В соответствии со ст. 45 Конституции Республики Беларусь право граждан на охрану здоровья обеспечивается также развитием физической культуры и спорта. Данный факт свидетельствует о том, что в Республике Беларусь сфере физической культуры и спорта уделяется большое внимание. В ежегодных обращениях Президента Республики Беларусь с Посланием к белорусскому народу и Парламенту отмечается необходимость поиска путей по формированию и сохранению здоровья граждан. «В регионах страны вводятся современные спортивные объекты, развернута широкомасштабная работа по укреплению их материальной базы. Развивается отечественная физкультурно-спортивная индустрия. Мы по праву гордимся победами отдельных наших спортсменов на Олимпийских играх, в других престижных чемпионатах. Спорт – это дух нации, и его надо всячески поддерживать на высочайшем уровне». Взяв за основу положения Конституции Республики Беларусь, также следует отметить, что право граждан на занятия физической культурой и спортом обеспечивается государственными органами, организациями физической культуры и спорта, другими организациями, работающими в области физической культуры и спорта, путем осуществления различных мероприятий в данной сфере.

Учитывая вышеизложенное, значимость рассматриваемого права для каждого гражданина и государства в целом (исходя из роли, задач и функций охраны здоровья), а также его правовое закрепление нашло свое отражение в нормативном правовом регулировании отечественно-

го спорта: 22 июля 2014 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 125-З «О физической культуре и спорте», 25 июля 2014 г. – гл. 26.1 «Особенности регулирования труда работников, осуществляющих деятельность в сфере профессионального спорта» Трудового кодекса Республики Беларусь. Данные изменения в законодательном обеспечении белорусского спорта, безусловно, оказали качественное влияние и положительный эффект на состояние всего нормативного массива, который по своей сути и можно называть спортивным правом. В свою очередь, в сфере физической культуры и спорта широко используются локальные нормативные правовые акты, корпоративные нормы. Обширность источников правового регулирования общественных отношений в сфере спорта позволяет ученым объединять этот правовой инструментарий в отдельное нормативное образование – отрасль спортивного права.

В.С. Каменков отмечает, «спортивное право – это специализированная комплексная отрасль права, которая представляет собой систему взаимосвязанных правовых норм, устанавливающих основные принципы, формы и процедуры осуществления деятельности в рамках физической культуры и занятий спортом, в том числе комплекса общественных отношений».

Нормы спортивного права распределены по следующим основным отраслям права: трудовое, гражданское, административное, финансовое, уголовное, международное, процессуальное. С позиции построения отечественной системы права о спортивном праве можно рассуждать как о комплексной отрасли. Это связано с тем, что данная отрасль объединяет нормы отдельных самостоятельных отраслей права, что в свою очередь объясняется спецификой общественных отношений, которые регулируются спортивным правом.

Можно сказать, что спортивное право сформировалось на основе конституционного права, так как данная отрасль представляет собой своеобразный стержень правовой системы каждого государства, поскольку именно из конституционного права берут начало все остальные отрасли права.

Следует отметить, что, в отличие от спортивного права как отрасли, которая регулирует общественные отношения, складывающиеся в рамках физической культуры и спорта, наука спортивного права занимается изучением закономерностей, складывающихся в области правового регулирования физкультурно-спортивных отношений. Она занимается изучением содержания и толкованием норм спортивного права, необхо-

димых для их единообразного понимания и применения, а также анализом практики их применения различными организациями и судебными органами.

Таким образом, на сегодня наука спортивного права в Республике Беларусь находится на стадии становления и развития, что требует участия специалистов в сфере физической культуры и спорта и, безусловно, юристов. В Беларуси имеется достаточное количество научных доктрин, источников и разработок, которые касаются непосредственно правового регулирования общественных отношений в отрасли физической культуры и спорта, а также регламентирующих вопросы развития данной отрасли права.

УДК 342.417

О.Г. Станкевич

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА – НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Динамичное развитие экономических отношений, имеющие глобальный характер кризисные явления в экономике, а также осуществляемые в Республике Беларусь конституционные преобразования вновь актуализируют вопросы конституционализации экономических отношений, проблемные аспекты адекватного обновления содержания экономических функций государства.

Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция), принятые на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г., не коснулись напрямую положений, отражающих конституционные основы экономических отношений. Это свидетельствует о том, что соответствующие конституционные ценности и цели в сфере экономики неизменно остаются правовыми стандартами и сохранили свое значение в качестве главных ориентиров в законодательной деятельности. Вместе с тем «реформаторский» потенциал обновленного Основного Закона позволяет преобразовать все сферы жизнедеятельности общества и государства. И поскольку измененные конституционные положения затронули основы конституционного строя, дальнейшая конституционализация экономических отношений должна осуществляться прежде всего с учетом актуальных целей национального права.

Исследование особенностей современной конституционной реформы в контексте ее влияния на экономику, на совершенствование законодательства, регулирующего экономическую деятельность, требует использования комплексного, междисциплинарного подхода, многогранного методологического инструментария, позволяющего глубоко изучить современные экономические процессы, их влияние на правотворчество и правореализацию.

В юридической науке одним из сравнительно новых междисциплинарных направлений, базирующихся на комплексном конституционно-правовом и экономическом анализе вопросов развития экономики, является конституционная экономика. Данное научное направление (активно разрабатываемое в течение последних 20 лет в российской юридической науке Г.А. Гаджиевым, П.Д. Баренбоймом, В.И. Лафитским и др.) основано на идее о том, что конституционные принципы и институты имеют высшую ценность и должны учитываться экономическими агентами, законодателем, правоприменителем. В рамках направления конституционной экономики особо акцентируется внимание на вопросах о месте, роли и функциях государства в современной экономической системе, исследуется влияние конституционных ценностей на экономические процессы, а также влияние экономических закономерностей на формирование и толкование конституционных принципов. Как отмечает Г.А. Гаджиев, «концепция конституционной экономики хороша прежде всего тем, что она поднимает планку требовательности общества к нормативным решениям, относящимся к регулированию экономических отношений, требуя подумать об отдаленных последствиях их принятия».

Актуальность изучения теоретических разработок, представленных в рамках указанного направления, обусловлена тем, что Конституционный Суд Республики Беларусь (далее – Конституционный Суд), обеспечивая правовую защиту Конституции, активно использует концепцию конституционной экономики, раскрывая и развивая ее содержание через формирование правовых позиций по вопросам конституционности законов экономического содержания. В целом ряде решений Конституционного Суда, принятых им в порядке обязательного предварительного контроля конституционности законов экономического содержания, а также в его посланиях о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь понятие «конституционная экономика» фигурирует в качестве одного из ключевых критериев конституционности соответствующих правовых актов.

Изучение правовых позиций Конституционного Суда позволяет выделить два основных аспекта использования понятия «конституционная экономика»: во-первых, конституционная экономика – это *конституционная ценность*; во-вторых, конституционная экономика – это важнейшая *составляющая социального правового государства*. Оба аспекта могут быть раскрыты с учетом их фундаментального значения в контексте конкретных решений Конституционного Суда.

Таким образом, конституционная экономика признается одной из конституционных ценностей, через призму которых Конституционный Суд формулирует свои правовые позиции. Соответствующие концептуальные положения нашли отражение в посланиях Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2010 и 2012 годах. В них показаны место конституционной экономики в системе конституционных ценностей и ее роль в демократическом развитии общества и государства.

Конституционная экономика как важнейшая составляющая социального правового государства – концептуальное положение, лежащее в основе ряда решений Конституционного Суда по вопросам проверки законов о внесении изменений и дополнений в Налоговый кодекс Республики Беларусь, в которых, в частности, Конституционный Суд обращает внимание на нормы, направленные на снижение налоговой нагрузки и упрощение налогообложения, что согласуется с конституционным положением о государственном регулировании экономической деятельности в интересах человека и общества.

Содержание концепции конституционной экономики также раскрывается Конституционным Судом через ее составляющие элементы. Достаточно детально вопрос о составляющих конституционной экономики раскрыт в Решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 декабря 2017 г. № Р-1117/2017 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции»».

Одна из уточняющих характеристик конституционной экономики, используемых в решениях Конституционного Суда, – конституционная ценность, *определяющая стратегию экономического развития* (решение Конституционного Суда от 10 июля 2018 г. № Р-1140/2018).

В ряде решений Конституционного Суда говорится о достижении (посредством положений соответствующего закона) *целей* конституционной экономики. Следует также обратить внимание на то, что в ре-

шениях Конституционного Суда сформулированы правовые позиции, констатирующие, что положения соответствующих законов направлены на создание *условий и механизмов* формирования конституционной экономики. При этом прямое указание на отдельные условия (механизмы) функционирования конституционной экономики в решениях Конституционного Суда по конкретным делам не позволяет четко уяснить их правовую природу и виды.

Активное использование Конституционным Судом концепции конституционной экономики, ее сущностных характеристик и условий функционирования при рассмотрении конкретных дел с целью всесторонней проверки конституционности проектов законов дает основание считать конституционную экономику научно-практической основой правотворческой и правоприменительной деятельности в Республике Беларусь. Вместе с тем данная концепция требует уточнения и конкретизации в части понимания сути конституционной экономики, ее целей, условий и механизмов формирования. Это позволит создать более четкие ориентиры законодательной и правоприменительной деятельности, будет способствовать должной конституционализации экономических отношений, конституционной гармонизации различных отраслей права, регулирующих данные отношения.

УДК 342.41

В.Г. Тихиня

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 1994 ГОДА (ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ)

Конституция Республики Беларусь, принятая 15 марта 1994 г., – это первая в истории белорусского государства Конституция, в которой на высшем законодательном уровне закреплена идея правового государства как базовая ценность нашего общества. Вместе с тем нам следует помнить, что правовое государство в Беларуси – это благородная цель, к достижению которой необходимо стремиться.

Работа над проектом данной Конституции началась в Беларуси в июне 1990 г. Верховным Советом БССР XII созыва, в котором депутатом являлся и автор данной статьи, было принято постановление о создании Конституционной комиссии для разработки проекта Основного Закона Республики Беларусь.

Над разработкой данного законопроекта работали параллельно две рабочие группы: первая – во главе с В. Шолодоновым (Генеральный прокурор Республики Беларусь), вторая группа – во главе с В. Гончаром (депутат Верховного Совета БССР).

В состав первой группы вошли В. Боровцов, Г. Василевич, В. Годунов, Н. Кудинов, В. Тихиня, И. Юхо. Членами второй группы были утверждены Е. Глушкевич, Л. Зданевич, В. Коковка, Н. Крыжановский, Н. Толстик.

В июле 1991 г. на базе этих двух групп парламентом была сформирована единая рабочая группа под руководством В. Шолодонова.

В феврале 1991 г. в Минске прошла Республиканская научно-практическая конференция на тему «Концепция Конституции БССР и формирование правовых основ гражданского общества и государства».

В ходе напряженной работы в феврале 1992 г. был разработан первый вариант проекта Конституции, который после опубликования в средствах массовой информации вызвал огромный резонанс. Полагаем, следует отметить, что в адрес Конституционной комиссии поступило около 10 тыс. замечаний и предложений на данный проект закона от граждан, общественных объединений и государственных учреждений. Ряд из них были учтены в дальнейшем разработчиками проекта Конституции.

Второй (доработанный) проект данной Конституции был представлен в Конституционную комиссию в августе 1992 г.

В процессе обсуждения законопроекта на пленарном заседании Верховного Совета некоторые статьи принимались с первого раза, другие (таких, к сожалению, было большинство) – со второй-третьей попытки... Например, не получило поддержки предложение одного из депутатов вернуть столице Беларуси ее старое название – «Менск».

Иногда удачно вставленное в текст законопроекта слово или предложение помогало депутатам найти разумный компромисс. Некоторые (наиболее спорные) статьи конституционного законопроекта предлагались для обсуждения в парламенте в двух-трех вариантах...

При обсуждении проекта Конституции развернулась острая борьба в Верховном Совете по институту президентства. По этому вопросу у депутатов сформировалось три варианта:

Президент – глава государства и глава исполнительной власти;

Президент глава государства, но не глава исполнительной власти;

Беларусь – парламентская, но не президентская республика.

В результате длительных дебатов большинством голосов был утвержден первый вариант. Необходимо признать, что серьезные дебаты в Овальном зале вызвало название белорусского парламента – «Вер-

ховный Совет». Депутаты от оппозиционной фракции БНФ настойчиво предлагали дать иное название парламента – «Рада». Мотивировалось это тем, что на белорусский язык слово «советоваться» переводится как «раіцца». Следовательно, законодательный орган Беларуси должен называться Радой. При повторном голосовании за название парламента «Верховный Совет» проголосовали 236 депутатов (при необходимом кворуме для принятия решения – 230 голосов).

Можно привести такой курьезный случай, который в парламенте имел место при обсуждении ст. 23 проекта Конституции. Данная статья предусматривала при определенных обстоятельствах возможные случаи ограничения прав и свобод граждан. Названная статья проекта Конституции в Верховном Совете при голосовании была «провалена». Автору данной статьи и некоторым другим депутатам пришлось разъяснить своим коллегам, что указанная норма ст. 23 проекта Конституции, по существу, повторяет аналогичную норму из Всеобщей декларации прав человека 1948 г., которая в свое время была ратифицирована Республикой Беларусь. Лишь после этого данная статья законопроекта при повторном голосовании получила (за ее принятие) необходимое количество голосов «за» в парламенте.

В Верховном Совете складывалась патовая ситуация. И все же общими усилиями депутатов позитивный выход в данной критической ситуации был найден. Регламент Верховного Совета позволял депутатам проводить в особых случаях голосование посредством именных бюллетеней. Это было поддержано большинством депутатов. Депутатским корпусом С. Шушкевич в установленном порядке был освобожден с поста Председателя Верховного Совета. Новым руководителем парламента был избран депутатами М. Гриб.

В общей сложности законотворческая деятельность в парламенте над разработкой и принятием Конституции продолжалась около четырех лет.

15 марта 1994 г. в 12 часов 35 минут (это время автор статьи зафиксировал на своих часах) – Основной Закон Республики Беларусь в Верховном Совете был принят: из 254 депутатов, участвовавших в голосовании, 237 депутатов высказались «за», 4 депутата – «против». 13 депутатов воздержались от голосования.

В заключение, полагаем, следует отметить, что Конституция Республики Беларусь 1994 г. и по форме, и по содержанию в целом соответствует международным стандартам, отвечает потребностям и реалиям нашего общества. Обновленная в 2022 г. Конституция Республики Беларусь 1994 г. является тому подтверждением.

По нашему убеждению, идею правового государства, как базовую ценность белорусского общества, следовало бы провозгласить в Республике Беларусь на официальном уровне в качестве общенациональной идеи.

УДК 342(476 + 100)

А.А. Тринузова

ПРЕИМУЩЕСТВА, ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ

Конституция Республики Беларусь формирует правовой фундамент экономики и является ориентиром любых преобразований в данной сфере, в числе цифровых. Основной Закон, гарантируя регулирование государством экономической деятельности в интересах человека и общества, равенство различных форм собственности, свободу предпринимательства, защиту экономических прав и свобод (ст. 13), тем самым определяет правовые основы противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции.

Эти конституционные нормы, направленные на защиту конкуренции от монопольных посягательств и антиконкурентных действий, получили реализацию в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» и его новой редакции от 8 января 2018 г.

Однако цифровизация экономических отношений актуализирует вопросы совершенствования конституционно-правовых мер защиты и развития конкуренции, отвечающих цифровым возможностям и вызовам, а также условиям экономических санкций.

В цифровую эпоху усложняются общественные отношения, конституционные ценности приобретают свои «цифровые особенности», изменяются условия их охраны и защиты, требуют коррективов механизмы и способы реализации конституционных экономических прав и свобод граждан.

Так, Конституционным Судом Республики Беларусь обращено внимание на необходимость своевременного законодательного регулирования реализации прав нового поколения, цифровых правоотношений. Как отмечает Конституционный Суд Республики Беларусь, информационное измерение изменяет также роль права собственности, интеллектуальных и иных прав, порядок и способы их защиты; правовое регули-

рование должно оперативно учитывать созидательные и стимулирующие возможности права собственности, быть адаптировано к цифровым технологиям и инновациям. В качестве приоритетного направления названо организационно-правовое обеспечение цифровой экономики для использования преимуществ новых информационно-технологических решений в экономической деятельности (послания Конституционного Суда Республики Беларусь о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь 2019 и 2020 годов).

Цифровая трансформация дает возможность оптимизировать затраты и сделать товары (услуги) конкурентоспособными, создает новые условия для обеспечения экономических прав граждан, эффективной реализации государством своей экономической функции.

Однако применение в экономике цифровых технологий наряду с безусловными преимуществами влечет серьезные вызовы и угрозы, например, монополизация рынков с использованием «цифровых картелей», злоупотребление доминирующим положением новыми цифровыми компаниями, риски сговоров на торгах с использованием аукционных роботов, злоупотребление ценовыми алгоритмами, манипулирование поисковой выдачей и концентрация цифровых экосистем на смежных рынках.

Стратегией экономического развития Содружества Независимых Государств на период до 2030 года в качестве одного из направлений сотрудничества государств – участников СНГ в области антимонопольной политики предусмотрены разработка и реализация подходов, обеспечивающих развитие добросовестной конкуренции в условиях цифровой экономики.

Приоритетным направлением в данной сфере является выработка единой согласованной системы правовых норм разных уровней, способных эффективно регулировать конкурентные отношения и законную деятельность хозяйствующих субъектов, обеспечить переход к «умному» («smart») антимонопольному регулированию в условиях цифровизации.

При этом, как подчеркивает Конституционный Суд Республики Беларусь, следует вырабатывать действенные правовые механизмы обеспечения в цифровом пространстве баланса национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, конституционных основ государственного устройства, суверенитета Республики Беларусь.

Создание единых антимонопольных правовых механизмов, обеспечивающих получение равных конкурентных условий и формирование

прозрачной конкурентной среды в рамках Союзного государства и в целом на общих рынках ЕАЭС, – одна из важных мер по укреплению интеграции.

Управление цифровыми антиконкурентными рисками и угрозами – перспективное направление и в условиях экономической интеграции.

На программные вызовы и угрозы необходимы системные программные ответы. В числе вопросов, требующих дальнейшей конституционализации и правового урегулирования: адаптация антимонопольного законодательства к цифровым инновациям, разработка действенных правовых механизмов реагирования на «цифровые» посягательства на конкуренцию, ценовые сговоры и новые способы экономических преступлений в цифровом пространстве.

В частности, внедрению инновационных подходов и переходу к «умному» антимонопольному регулированию могут способствовать:

формирование современных правовых подходов к анализу рынков и рыночной власти с учетом особенностей развития цифровой экономики;

введение в антимонопольное законодательство понятия ценового алгоритма, анализирующего рынок и подстраивающего цену под потребности хозяйствующего субъекта;

адаптация организационно-правовых инструментов контроля экономической концентрации к условиям цифровой экономики, в том числе концентрации больших массивов данных как средства монополизации и учета сетевых эффектов цифровых платформ;

выработка правового инструментария противодействия антиконкурентному поведению на инновационных рынках, обеспечению условий формирования единой среды цифрового доверия, в том числе в рамках интеграционных объединений.

Для практической реализации этих задач представляется необходимым расширить «цифровые возможности» антимонопольного органа. Для этого нужны разработка и использование технологии дистанционного выявления ценовых сговоров, создание платформ-агрегаторов, обеспечивающих в перспективе бенчмаркинг, более эффективное противодействие картелями ценовым сговорам на электронных аукционах.

Эффективным применением цифровых технологий как на национальном, так и наднациональном уровнях может стать создание цифровых реестров нарушителей антимонопольного законодательства и принятых мер реагирования, административной практики, а также примерного перечня конкретных действий, способных негативно по-

влиять на состояние конкуренции, в том числе в рамках интеграционных объединений.

В глобальном масштабе представляется целесообразным оперативное создание блокчейн-платформы в рамках Союзного государства, а в последующем со странами ЕАЭС и СНГ, в сфере обращения социально значимых товаров, лекарств, а также в сфере государственных закупок, что минимизирует возможные ценовые сговоры и манипуляции на товарных рынках.

В свою очередь, это требует разработки специальных конституционно-правовых механизмов защиты конкуренции, в том числе обеспечивающих информационную безопасность и организационно-правовые условия для осуществления процедур сделок и закупок, сведения о которых составляют информацию, распространение и (или) предоставление которой ограничено, или составляют государственные секреты.

Активно формирующиеся рынки цифровой экономики – это возможности и вызов, которые требуют конституционализации отношений в этой сфере и гармонизации правовых норм в целях защиты конкуренции на глобальных цифровых рынках.

УДК 342

Н.С. Чернецкая

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В условиях цифровизации права человека, их реализация и защита подвергаются новым беспрецедентным рискам и угрозам. Как точно отмечает российский исследователь В.Б. Наумов в диссертации «Институт идентификации в информационном праве», что в развивающуюся цифровую эпоху технологии служат «флагом» и средством развития человечества. Их удобство и новые горизонты, которые раскрывают большие данные, искусственный интеллект, беспилотный транспорт, аддитивные технологии трехмерной печати и многое другое, меняют жизнь общества. Однако многие технологии могут не только использоваться ради блага и на пользу человека, но и нести в себе угрозы и риски.

Например, особую актуальность приобретает угроза тотального контроля и принудительной публичности. В цифровом пространстве любая активность человека оставляет цифровой след и становится объектом анализа больших данных (BigData). Поведенческие проявления челове-

ка, его пользовательские реакции и виртуальные предпочтения, поисковые запросы в сети Интернет, банковские и банкоматные транзакции, данные системы онлайн-банкинга и камер видеонаблюдения, аккаунты в социальных сетях Instagram, Facebook, «ВКонтакте» и т. д., мессенджерах Viber, Twitter, Telegram и т. п., геолокация с точностью до нескольких метров и многое другое становятся неотъемлемой частью огромнейших цифровых массивов данных, которые могут использоваться для тотального контроля над человеком либо являться способом воздействия на него. Это, в свою очередь, может породить систему «цифрового рабства», в которой данные смогут использовать для управления людьми в интересах какой-либо отдельной группы лиц. При этом не обязательно, чтобы цели такой группы отвечали социальным запросам общества. Необходимо отметить, что история человечества, благодаря возможностям цифровых технологий, впервые сталкивается с таким сильным размыванием границ частного и публичного, что, несомненно, влечет переосмысление прав человека.

Не менее остро стоит вопрос о соотношении прав человека с правами его цифрового образа (цифрового двойника, цифровой личности). В этом аспекте доктор философских наук, профессор В.Н. Назаров отмечает, что человек может способствовать созданию своего адекватного «реального» двойника, сообщая только достоверную информацию о своих предпочтениях, интересах и ценностных приоритетах. Но он может поставлять в сеть и недостоверную информацию, создавая «воображаемого» или «подставного» двойника. Поэтому представляется важным определить верный баланс между цифровым образом человека и конституционной защитой прав реального человека, ведь от этого будет зависеть будущее общества. Следует признать, что такого рода общественные отношения раньше не существовали и объективно не требовали правового регулирования.

Цифровой образ (двойник, личность) – это новый объект конституционного регулирования, и его признание порождает цифровые альтернативы существующих конституционных прав человека. Так, применительно к цифровому образу (двойнику, личности) конституционное право человека на жизнь можно интерпретировать как право на цифровую жизнь (право на создание цифрового образа (двойника, личности)), что, в свою очередь, приводит к дискуссии о признании права на цифровую смерть.

При этом цифровая трансформация общественных отношений порождает и другие неизвестные традиционному конституционному пра-

ву объекты: цифровой суверенитет, цифровая Конституция, цифровая демократия, цифровое государство, цифровая экономика и пр. Все это требует детального доктринального анализа и обоснованного правового регулирования.

Внедрение цифровых технологий, несомненно, затрагивает и одну из наиболее распространенных форм нарушений прав человека – дискриминацию. Заменяя цифровыми технологиями процессы, которые на сегодня выполняются вручную, мировое сообщество ждет технологическая безработица, так как некоторые профессии станут ненужными. Эту угрозу справедливо относить к экономическим, но мы ее рассмотрим с точки зрения защиты конституционных прав человека. Технологическая безработица обернется ухудшением материального положения граждан и снижением их социального статуса, что для всего общества повлечет усиление социального неравенства. В научной среде этот эффект уже получил название «прекаризация», а тех работников, которые стали невостребованными на рынке труда в новых условиях, именуют прекариатами («ненужными людьми»).

Нет сомнения, что повсеместное распространение цифровых технологий приведет к возникновению новых специальностей и профессий. В качестве таковых можно назвать дизайнера виртуальной реальности, разработчиков робозтики, адвокатов по робозтике, биохакеров, аналитиков Интернета вещей, космических гидов, кураторов персональных данных, специалистов по восстановлению экосистем, инженеров по разработке устройств постоянного питания, IT-генетиков, VR-редакторов, UX-дизайнеров, DATA-аналитиков, инженеров-робототехников, консультантов по автоматизации процессов.

Однако это не решает до конца угрозу цифровой дискриминации в форме прекаризации. Дело в том, что цифровая трансформация как процесс охватывает только ту активную часть населения, которая готова физически и материально осваивать и пользоваться цифровыми технологиями. В итоге возникает новая угроза – «цифровая сегрегация» («цифровой разрыв») – дискриминационное положение наиболее незащищенных слоев населения (лиц преклонного возраста, малообеспеченных граждан и т. д.) по критерию доступности к цифровой среде. Такое неравенство явно выходит за рамки социального. По мнению немецкого экономиста К. Шбабса, это онтологическое неравенство разделяет тех, кто приспособился, и тех, кто сопротивляется переменам, превратив их, по сути, в победителей и неудачников. Победители могут даже получить выгоду от некоторых проявлений радикального улуч-

шения человека, возникших в результате деятельности определенных секторов четвертой промышленной революции (например, генной инженерии), тогда как неудачники таких возможностей будут лишены. Существует риск, что в результате этого возникнут классовые конфликты и другие столкновения интересов.

Вызовы, угрозы и риски, связанные с цифровой трансформацией общественных отношений, далеко не ограничиваются указанными и, несомненно, будут пополняться в ходе цифрового прогресса. Именно поэтому мы считаем, что цифровые права человека уже сейчас требуют осмысления и адекватного формулирования правового механизма регулирования, реализации и защиты как уже существующих, так и вновь формирующихся прав человека в целях устойчивого социально-экономического развития.

УДК 342.9

В.Ю. Чешко

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Административная ответственность, являясь мерой административно-правового принуждения, безусловно, должна соответствовать правовым основам, закрепленным в Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция).

К основам административной ответственности можно отнести институты административно-деликтного права, содержащиеся в общей части Кодекса Республики Беларусь об административной ответственности (КоАП). Среди них можно выделить задачи и принципы КоАП, на которых строится все законодательство об административной ответственности.

Задачами КоАП являются защита жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов физических лиц, интересов общества и государства, прав и законных интересов юридических лиц, а также предупреждение административных правонарушений. Данные задачи развивают положения ст. 2 Конституции в сфере административно-деликтного законодательства и устанавливают, что главными ценностями общества и государства являются человек, его права, свободы и гарантии их реализации.

Принципы права, являясь основополагающим элементом системы права, влияют на построение структуры отраслей права. Под принци-

пами права понимают исходные, непререкаемые положения, наиболее характерно выражающие его сущность, непосредственно предопределяющие его содержание (нормы), юридически закрепляющие реальные устои регулируемых сфер общественных отношений.

В сфере административного права, из которого собственно и выкристаллизовалось административно-деликтное право, принципы играют роль руководящего начала и являются основой административного права, имеют важное практическое значение и служат началами данной отрасли.

С вступлением в силу новой редакции КоАП от 6 января 2021 г. изменился подход по определению принципов административно-деликтного права, что, на наш взгляд, имеет существенное значение для данной отрасли. Так, законодатель в ч. 3 ст. 1.2 КоАП закрепил принципы законности, справедливости, гуманизма, равенства перед законом, а также виновной ответственности физических лиц, на которых основывается данный Кодекс. В ст. 1.3–1.7 КоАП указанные принципы раскрываются в соответствии со спецификой административно-деликтного права.

Обратим внимание на то, что в предыдущей редакции КоАП (далее – КоАП 2003 г.) принципы соотносились только с административной ответственностью, что ограничивало их восприятие и построение системы административно-деликтного права. Данное нововведение, по нашему мнению, имеет исключительно положительную методологическую коннотацию для этой отрасли и в последующем послужит развитию административно-деликтного права как в теоретическом, так и в практическом плане.

Далее перейдем к рассмотрению самих принципов и их конституционных истоков, а также каким образом они реализованы.

Принцип законности находит свое отражение в ст. 1.3 КоАП. Являясь универсальным принципом, законность развивает положения Конституции. В частности, принцип верховенства права, положения ст. 23 Конституции о том, что ограничения прав и свобод личности допускаются только в случаях, предусмотренных законом, в интересах национальной безопасности общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Принцип справедливости, закрепленный в ст. 1.4 КоАП, основывается на общих положениях Конституции (ст. 1, 2, 22, 23). Данный принцип устанавливает справедливый характер административной ответственности и определяет, что административные взыскания, профилактические меры воздействия должны устанавливаться и применяться

с учетом характера и вредных последствий совершенного административного правонарушения, а также обстоятельств его совершения.

Принцип гуманизма подчеркивает необходимость обеспечения гуманности административной ответственности. Конституционной основой этого принципа является ст. 2 Конституции, о чем также указывает Конституционный Суд Республики Беларусь в своем Решении от 28 декабря 2020 г. № Р-1247/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях». Гуманизм административной ответственности заключается в том, что ее цель не заключается в унижении достоинства или причинении физических или нравственных страданий.

Принцип равенства перед законом развивает положения, закрепленные в ст. 22, 23 Конституции. Безусловно, что отдельные исключения из этого порядка имеются, но они касаются отдельных категорий субъектов, к которым необходим особый подход. К такой категории отнесены несовершеннолетние. К данной категории субъектов могут быть применены более мягкие меры воздействия по сравнению с лицами, достигшими совершеннолетия.

Принцип виновности физического лица находит отражение в ст. 1.7 КоАП. По сравнению с КоАП 2003 г., в котором этот принцип звучал как «виновной ответственности», в новом КоАП справедливо уточняется, что вина может быть присуща только юридическому лицу. Конституционный Суд Республики Беларусь в своем Решении от 28 декабря 2020 г. № Р-1247/2020 по данному вопросу обращает внимание на то, что юридическое лицо не является одушевленным субъектом права, и по этой причине указывает, что вина юридического лица не должна пониматься как психическое отношение к содеянному в виде умысла либо неосторожности, в связи с чем не является обязательным составообразующим признаком административного правонарушения. Полагаем, что в новом КоАП вопрос «объективного вменения» на уровне принципов не в полной мере раскрыт.

Отдельно остановимся на исключенном из КоАП принципе неотвратимости ответственности. Принцип неотвратимости является неотъемлемой частью публичных отраслей права, связанных с применением мер ответственности. Заключается неотвратимость в обязательной реакции государства в лице своих уполномоченных органов и должностных лиц на противоправное поведение субъекта. С учетом внедрения в новый КоАП концепции профилактических мер воздействия данный принцип обоснованно исключен. Причиной этому видится нацеленность законо-

дателя на либерализацию административной ответственности. Однако, по нашему мнению, оставлен без достаточного внимания именно публичный характер административно-деликтного права. В теории административного и административно-деликтного права взыскания и меры воздействия вполне обоснованно разделяются, но полагаем, что понятие мер воздействия в широком смысле включает в себя как взыскания, так и иные меры воздействия.

Восприятие административно-деликтного права сквозь призму публичности позволяет сделать вывод, что данная отрасль нацелена на обеспечение защиты жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов физических лиц, интересов общества и государства, прав и законных интересов юридических лиц, а также предупреждение административных правонарушений (это является задачами КоАП). На обеспечение публичного интереса обращает внимание и Конституционный Суд Республики Беларусь в своих решениях от 28 декабря 2020 г. № Р-1247/2020 и № Р-1248/2020 о соответствии КоАП и ПИКоАП Конституции Республики Беларусь.

УДК 342.534

О.В. Чмыга

ПРАВО НА ЗАПРОС В СИСТЕМЕ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ДЕПУТАТА МЕСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ В БЕЛАРУСИ

В рамках контрольных полномочий депутата местного Совета депутатов (далее – местный Совет) нельзя не обратить особое внимание на такую важнейшую демократическую форму его деятельности, как запрос. Примечательно, что данное значимое контрольное правомочие депутата местного Совета как представителя местной власти имеет много общего с соответствующими правами членов Парламента Беларуси.

По форме запрос в соответствии с действующим национальным законодательством Беларуси, в частности, согласно Закону Республики Беларусь от 27 марта 1992 г. № 1547-ХІІ «О статусе депутата местного Совета депутатов», представляет собой вносимое депутатом местного Совета на сессии Совета в письменной форме предложение дать официальное разъяснение или изложить позицию по вопросам, касающимся важнейших общественных интересов соответствующей административно-территориальной единицы. Порядок, сроки и ответ-

ственность рассмотрения запроса депутата местного Совета достаточно детально определены базовыми для настоящего исследования Законом Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц», Законом Республики Беларусь от 27 марта 1992 г. № 1547-ХП «О статусе депутата местного Совета депутатов».

Представляется, что существенным условием эффективности запроса депутата местного Совета является его четкое формулирование и последующее тщательное обсуждение на заседании местного Совета. Поэтому *каждому местному представителю, решившему использовать право запроса, полагаем, полезно перед его внесением проконсультироваться со специалистами, более опытными местными депутатами (в том числе и с бывшими местными народными избранниками предыдущих созывов) о целесообразности запроса.* Это объясняется тем, что проблема, которую депутат предполагает вынести на рассмотрение местного Совета, может оказаться незначительной или она может быть решена другим способом: в порядке реализации им прав на обращение, предложение, замечание и т. п.

Важно подчеркнуть, что нормативных требований к структуре запроса депутата местного Совета в белорусском законодательстве не существует. *Считаем, что на легальном уровне в национальном законодательстве Беларуси необходимо закрепить требование о том, что данный документ должен включать в себя следующие обязательные формальные его элементы:* а) указание на адресат запроса; б) факты нарушения актов законодательства, невыполнения (ненадлежащего выполнения) обязанностей и т. п.; в) указание на конкретное должностное лицо, орган, допустившие нарушение; г) перечень мер, принятых депутатом для устранения вышеназванных нарушений; д) список лиц, ответственных за наведение порядка в поднятой депутатом проблеме; е) проект решения проблемы (т. е., какие меры, по мнению депутата, должны быть приняты для решения проблемы); ё) фамилия, имя, отчество, подпись.

Кроме того, полагаем, что *запрос депутата является действенным средством контроля лишь в том случае, когда:* 1) нет препятствий для его внесения; 2) запрос обсужден на заседании местного Совета (данное условие представляется нам обязательным: этим обеспечивается публичность, гласность контроля, исключается возможность подмены запроса обычным вопросом); 3) депутату предоставлен полный и объективный ответ на запрос; 4) дана объективная оценка действий (бездействия) адресатов запроса; 5) по запросу соответствующим Советом

принято решение, которое содержит ответ по разрешению поставленной в запросе проблемы, предусматривает меры ответственности виновных лиц, а также меры, направленные на обеспечение выполнения этого решения.

Примечательно, что, в отличие от легального закрепления права на запрос как белорусского парламентария, так и депутата местного Совета, конституционному законодательству некоторых европейских государств присуща также и интерпелляция – одна из разновидностей запроса. Как правило, интерпелляция «предусматривает постановку какого-либо важного, общественно значимого вопроса на пленарном заседании, за которой следует объяснение главы правительства, обсуждение и принятие решения путем голосования». Отметим, что «в отличие от запросов и вопросов эта форма контроля обставляется рядом сложных формальных требований (количество подписей депутатов под интерпелляцией, жесткие сроки ее подачи и другие требования, определенные регламентом)».

Так, например, в соседней с Беларусью Польше интерпелляция представляет собой обращение депутата (члена Парламента) к главе правительства или к иным членам Совета Министров по вопросам, имеющим принципиальный характер и касающихся проблем, связанных с политикой государства. В отличие от запроса, к содержанию интерпелляции польский законодатель предъявляет ряд четких и строгих требований, что обусловлено ее особым значением для государства. Так, данный документ должен быть в пределах компетенции интерпеллируемого и включать в себя краткое представление фактического положения вещей, являющегося предметом интерпелляции, а также вытекающие из него вопросы. При этом интерпелляция должна быть представлена маршалу Сейма в письменной форме. После получения текста интерпелляции председатель польского Совета Министров либо иные члены Совета Министров обязаны дать ответ на интерпелляцию не позднее чем в 21-дневный срок с момента ее получения также в письменной форме. Примечательно, что дополнительные объяснения даются интерпеллируемым в 21-дневный срок со дня поступления требования дать дополнительные объяснения.

Анализируя установленный легальный порядок и практику реализации прав на интерпелляцию европейских парламентариев и сравнивая их с правом депутатов местных Советов на запрос, мы находим в данных правомочиях как общие, так и отличные друг от друга характеристики. Множественность сходных законодательных положений (они преобла-

дают) связана с сущностным (содержательным) их наполнением. Отличные же друг от друга характеристики названных прав проявляются прежде всего в формальном их выражении – в более детально прописанной в европейском законодательстве по сравнению с белорусским процедуре их реализации. По нашему мнению, это является позитивной характеристикой европейской законодательной формулы.

Полагаем, указанный опыт европейской парламентской традиции может быть в определенной степени имплементирован (прежде всего в формальном ее выражении) и в белорусском нормативном массиве в части реализации депутатом местного Совета своих контрольных полномочий.

Отметим, что от прав на вопрос, предложение, замечание, обращение право депутата местного Совета на запрос отличается особым статусом, содержанием и порядком реализации. Это связано с тем, что *вопрос*, в отличие от запроса, преследует лишь цель получения информации об обстоятельствах, неизвестных или неясных депутату, по своему характеру при этом менее значительных чем те, которые требуют внесения запроса данного представителя. Кроме того, вопрос ставится обычно применительно к повестке дня заседания местного Совета, а запрос может быть внесен вне зависимости от обсуждаемых на заседании вопросов. Поэтому, безусловно, право депутатов местных Советов на вопросы в этом перечне является существенным и достаточно эффективным правовым инструментом контроля представителя.

Что касается такого значимого контрольного полномочия депутата, как *обращение*, то, в отличие от запроса, белорусскими депутатами обращение адресуется вне сессии местного Совета и представляет собой изложенное в письменной форме предложение государственным органам, другим организациям или должностным лицам о предоставлении информации и (или) разъяснений по вопросам, отнесенным к их компетенции и связанным с деятельностью депутата местного Совета. Ответ на него передается непосредственно депутату, оглашению и обсуждению на сессии местного Совета не подлежит.

От замечаний и предложений депутата, которые он имеет право высказывать в процессе своих выступлений на сессии местного Совета, запрос отличается тем, что они лишь учитываются при принятии решения по обсуждаемому вопросу, информация об их исполнении предоставляется депутату местного Совета в установленном актами законодательства порядке, в частности, предложения и замечания депутата, высказанные им на сессиях местного Совета, могут быть направлены

государственным органам, должностным лицам государства, а также организациям и их должностным лицам с целью их тщательного рассмотрения. О его результатах названные уполномоченные субъекты обязаны сообщить депутатам в письменной форме, но решения местного Совета по ним не принимаются.

Подводя итоги, с удовлетворением можно признать, что в Республике Беларусь на современном этапе сложился и существует достаточно целостный и комплексный нормативный механизм, регулирующий запрос и иные контрольные полномочия депутатов местных Советов.

Разумеется, правоприменительная практика и национальное законодательство нуждаются в дальнейшем изучении и совершенствовании данной сферы общественных отношений, в том числе и на основе накопленного положительного опыта зарубежных государств в названной области. Полагаем, предложенные в нашей статье отдельные прогнозные направления совершенствования правового регулирования запроса в системе контрольных полномочий депутата в определенной степени могут стать концептуальным вектором кратко- и среднесрочной перспективы законодательного развития Беларуси в этой сфере.

УДК 34.03

Т.З. Шалаева

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Имея в виду историю зарождения идей о правах человека, влияние различных моделей экономической, социальной, правовой систем, а также религии и национального менталитета, обращает на себя пристальное внимание глобальная цифровая трансформация практически всех видов жизнедеятельности человека. В связи с чем вырисовывается задача исследования конституционных прав человека не только с позиции формационного и цивилизационного подходов, но и информационного, в последнее время называемого все чаще цифрового.

С приходом цифровых, по сути информационных, технологий возникают так называемые цифровые права. В отличие от понятия информационных прав человека понятие «цифровые права» не имеет своего терминологического определения в теоретико-правовом аспекте, хотя в научной среде понятие «цифровые права» достаточно активно

используется и классифицируется по различным критериям. Цифровые права человека возникают исключительно в цифровой среде, связанной с информационными сетями и системами, информационно-коммуникационными технологиями, электронными сервисами, облачными технологиями и искусственным интеллектом и др. В связи с чем необходимо обратить внимание на тот факт, что цифровые права реально могут существовать только при наличии у человека возможности доступа к программно-аппаратной части цифровой среды, наличия соответствующих технико-экономических условий и знаний, позволяющих эти цифровые права иметь и реализовывать. В то же время человек, имеющий цифровые права, полученные непосредственно в цифровой среде, в виртуальном мире, при выходе продолжает ими обладать и в реальной жизни. Эти права требуют защиты и правовой охраны в реальных отношениях, так называемом офлайн-формате. Следовательно, наблюдается двойственная природа цифровых прав, возникновение которых возможно лишь при доступе к цифровой среде в формате онлайн. Однако существование цифровых прав распространяется и на реальные отношения, возникающие в реальном мире. Например, за нарушение законодательства о СМИ в интернете наступление ответственности становится реальным событием.

Исходя из данного концепта, становится очевидным, что право на доступ к цифровой среде должно быть всеобщим универсальным правом человека, закрепленным в Основном Законе Республики Беларусь, ограничение которого недопустимо. В связи с этим представляется обоснованным введение другого универсального права человека, связанного с выходом из цифровой среды с полной анонимизацией цифрового профиля человека. Это право на полное забвение, право на удаление всех цифровых следов пребывания человека в цифровой среде.

И в данном контексте важнейшей проблемой современного мирового порядка является так называемое цифровое неравенство или цифровой барьер, пропасть, разрыв (*digital divide*), ограничивающий возможности определенной социальной группы, отдельного человека к доступу к современным цифровым достижениям человечества.

Основой международных стандартов по правам человека стала, безусловно, Всеобщая декларация прав человека 1948 г., которая дала импульс для развития свода международных норм в области прав человека. Права и обязанности человека изложены в ряде договоров и других документов, а их выполнение поддерживается и контролируется через систему договорных органов. Всего принято ООН девять важней-

ших международных документов по правам человека, основными из которых являются: Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. и др.

Международное состояние права в сфере прав человека в современных условиях цифровизации характеризуется наличием международных документов, которые можно условно сгруппировать по существующим моделям регулирования на европейскую, китайскую и американскую.

Доктринальные подходы к теории прав человека в условиях цифровой трансформации формируются как в правовых системах (англосаксонской, религиозной, традиционной, романо-германской). Фактически в каждой стране консолидируется массив правовых знаний, направленных на введение эффективных юридических регуляторов отношений, связанных с установлением и реализацией конституционных прав человека в условиях цифровизации общества и государства.

Исследуя теоретико-правовые подходы зарубежных государств, отметим, что в мировой практике, как правило, данный процесс оформляется посредством, во-первых, легитимации интернета в качестве универсальной и общедоступной услуги, например, в Эстонии, Испании; во-вторых, признания права на доступ к интернету конституционным правом, как это закреплено в Греции, Португалии; в-третьих, установления права на доступ во Всемирную информационную сеть высшими судами, например, во Франции, в Коста-Рике.

Неоспоримо, что важнейшим элементом цифровой среды является интернет, как глобальная автоматизированная информационная система планетарного масштаба с децентрализованным управлением и бесконечными вариациями содержания и наполнения, активно влияющий на право в целом и на права человека в частности.

В пандемийные годы резко возросло значение цифровизации всей планетной жизни во всех человеческих проявлениях практически во всех странах, что значительно повысило внимание к правам человека в сетевой сфере, правовой охране и защите прав и свобод человека в интернет-пространстве.

Кроме того, острой является проблема теоретико-правового осмысления категориального аппарата прав человека в цифровых условиях, видовой классификации цифровых прав человека, развития и закрепления на международном и национальном уровнях основных цифровых

прав человека: право на доступ к цифровым сетям либо иной цифровой среде, право на выход из цифровой сети и забвение, право на защиту от вредной и опасной информации, право на конфиденциальность и защиту персональных данных, право на цифровые общественные блага, что позволит принять конкретную как международную, так и национальные стратегии цифрового устойчивого развития, исключив цифровое неравенство посредством введения международных и региональных стандартов.

При исследовании прав человека в условиях цифровых трансформаций жизнедеятельности человека приходим к выводу о необходимости выделения и классификации устойчивых групп однородных прав как публично-правового, так и гражданско-правового характера. Правовая природа прав человека не вызывает больших дискуссий, так как общепризнанным является их конституционно-правовое происхождение. Но, несмотря на публично-правовое происхождение прав человека, безусловной признается практически всем международным сообществом существенная связь прав человека с частным правом.

При внедрении в жизнь современных цифровых технологий при широком декларировании новой Конституцией Республики Беларусь прав и свобод человека и гражданина юридическая незащищенность остается очевидной. Существующая на сегодня ситуация требует разработки концепции по развитию системы белорусского законодательства в области защиты прав человека в сфере цифровых технологий.

УДК 34:004

В.А. Шаршун

ЦИКЛИЧЕСКИЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ МАССИВЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Формирование информационного общества, внедрение новых информационных технологий приводят к возникновению ранее неизвестных общественных отношений, которые требуют правового регулирования. Эти отношения возникают в различных отраслях права. При этом требуется не только внесение изменений в отдельные нормативные правовые акты. Происходят изменения структуры системы права, что непосредственно влияет на ее характеристики. Как справедливо отмечает Д.А. Пашенцев, право в цифровую эпоху неминуемо меняет форму и в значительной мере содержание. Но все равно оно останется правом,

которому присущи его базовые признаки – общеобязательность, нормативность, формальная определенность, гарантированность государством, системность. Сущность и природа права должны оставаться неизменными.

Ряд исследователей отмечают появление в последнее время в праве новых нетипичных образований – циклических правовых массивов, которые не проявляют тенденции к обособлению, в отличие от отраслей права, но, напротив, проникают во все отрасли и иные элементы системы права.

В частности, российский юрист Т.Я. Хабриева исходит из недостаточности традиционного подхода к категорированию существующих в праве нормативных массивов (например, по отраслям) и предлагает идею циклических нормативных массивов в праве. Такие правовые массивы были названы «циклическими» по причине сходимости их визуализированной модели с химическими соединениями, образованными в результате реакции циклизации. Первичным элементом этих массивов являются так называемые кросс-отраслевые юридические нормы, которые занимают особое место внутри системы права, создают в ней специфические связи. В своем развитии они не проявляют тенденции к обособлению как, например, отрасли или институты права, а, наоборот, показывают способность проникать в большинство элементов системы права, взаимодействуя с ними, определять их содержание и функционирование.

В качестве примера обычно приводится антикоррупционный циклический правовой массив. Нормы о противодействии коррупции нашли свое отражение не только в уголовном и административном, но и в гражданском, трудовом, образовательном, финансовом и других отраслях законодательства. В циклических правовых массивах основные институты закреплены в базовом законе, а прочие отрасли права и законодательства наполняются соответствующими предписаниями, направленными на решение общих задач совершенствования правового регулирования. По существу, происходит перенастройка права на достижение определенных значимых для общества и государства целей, решение соответствующих им задач и удовлетворение необходимых потребностей.

По мнению Т.Я. Хабриевой, Н.Н. Черногора, познание роли и значения циклических правовых массивов в праве, его системе, механизме действия и др., вероятно, может привести к разработке новых способов преодоления юридических коллизий между нормами, входящими в различные циклические образования, а также между нормами одного и того

же «циклического соединения». В последнем случае, как утверждают данные авторы, «коллизия может быть преодолена посредством установления «вершины» (в терминологии химиков) «циклического массива» – своего рода «основной нормы» (по Г. Кельзену) и признания ее юридического верховенства в пределах «циклического правового массива». Эта же логика, вероятно, может быть применена и в процессе толкования права, а возможно, и положена в основу его нового способа».

В качестве примера обычно приводится антикоррупционный циклический правовой массив, так как нормы о противодействии коррупции нашли свое отражение не только в уголовном и административном, но и в гражданском, трудовом, финансовом и других отраслях законодательства.

По нашему мнению, к таким циклическим нормативным правовым массивам можно отнести и массив правовых актов в сфере цифровизации различных общественных отношений. Так, на сегодня нормами, связанными с цифровизацией, по существу, пронизан ряд отраслей законодательства – конституционного, уголовного, гражданского и др.

Так, в рамках конституционного законодательства Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» допускает возможность осуществления нормотворческого процесса в цифровом виде. В перспективе существует вероятность проведения электронного голосования в рамках различных избирательных кампаний (в Российской Федерации и других государствах уже применяется). Несомненно, это повлечет за собой необходимость установления соответствующих правовых норм.

В уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве содержится массив правовых норм, связанных с применением информационных технологий. В частности, в Уголовном кодексе Республики Беларусь установлена ответственность за преступления, совершенные с использованием информационных технологий (хищение путем модификации компьютерной информации, преступления против компьютерной безопасности и др.). В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь содержатся нормы, связанные с применением информационных технологий в рамках уголовного процесса (проведение различных процессуальных действий с использованием видеоконференцсвязи, возможность использования доказательств в электронном виде и др.).

В гражданском законодательстве содержится массив правовых норм, связанных с цифровизацией данной сферы, в том числе с применением в гражданских правоотношениях смарт-контрактов, осуществлением

цифровых прав, применением информационных технологий в рамках гражданского и административных процессов. Перечень таких примеров возникновения правовых норм, связанных с цифровизацией в различных отраслях законодательства, можно продолжать.

При этом основными нормами, на базе которых происходит внедрение информационных технологий в различные виды общественных отношений, на сегодня являются нормы Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации». В современных условиях данный Закон требует существенной модернизации, поскольку он не в полной мере отражает происходящие процессы цифровизации. В настоящее время, по существу, происходит широкое внедрение норм, связанных с цифровизацией, в различные отрасли законодательства.

Таким образом, циклические нормативные правовые массивы являются относительно новым явлением в рамках национальной правовой системы. Они требуют своего дальнейшего исследования в целях выработки оптимальных подходов к совершенствованию законодательства. Кроме того, выявление данных массивов может оказать влияние в целом на совершенствование структуры законодательства, в том числе изменение подходов к систематизации и классификации законодательства. Одним из быстроразвивающихся таких массивов, по нашему мнению, является массив правовых норм, связанных с цифровизацией различных общественных отношений.

УДК 342.4

А.А. Шафалович

О НОРМАТИВНОСТИ ПРАВОВЫХ АКТОВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Особый научный и практический интерес юристов в постреферендарный период вызывает вопрос об изменении нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь. Поскольку декреты Президента стали «уходящим» нормативным правовым актом, то порассуждаем об «оставшихся» актах Главы государства.

Статья 85 Конституции Республики Беларусь (с изменениями и дополнениями, принятыми республиканским референдумом 27 февраля 2022 г.) (далее – Конституция) установила, что «Президент на основе и в соответствии с Конституцией издает указы и распоряжения, имеющие

обязательную силу на всей территории Республики Беларусь. Указы и распоряжения Президента не должны противоречить законам».

Из толкования данных норм Конституции может последовать вывод, что все указы Президента приобретают подзаконный характер, что в корне меняет ситуацию с иерархией нормативных правовых актов в республике.

Напомним, до изменений и дополнений, принятых республиканским референдумом 27 февраля 2022 г., в условиях отсутствия четкой иерархии нормативных правовых актов¹, указы Президента носили двоякий характер. Считалось, что одни из них, основанные на Конституции, относились к категории законодательных актов. Другие, изданные на основе законов, возглавляли иерархию подзаконных актов. Закон Республики Беларусь от 8 января 2014 г. № 124-З «О конституционном судопроизводстве» называл оба вида указов, но не указывал их место в иерархии нормативных правовых актов.

Указы Президента, изданные на основе законов, не подлежали утверждению Парламентом, кроме указов о введении чрезвычайного и военного положения. Между тем Всебелорусское народное собрание по инициативе его Президиума или Совета Республики также «вправе ввести на территории Республики Беларусь чрезвычайное или военное положение при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам».

При этом новая формулировка ст. 85 Конституции (об указах Президента «на основе и в соответствии с Конституцией») пересекается с идентификацией указов особого вида, а именно изданных на основе Конституции. До республиканского референдума 2022 г. нельзя было утверждать о приоритете закона перед под конституционными указами, поскольку отношения, входящие в предмет правового регулирования последних, не могли регулироваться законами. Предмет нормативных правовых актов Президента и законов был слабо разграничен, поскольку они могли издаваться по тем же вопросам, что и законы.

Сама возможность регулирования вопросов, входящих в предмет законодательного ведения Парламента актами Президента, нивелировала принцип верховенства закона и модифицировала процесс нормотворче-

¹ Законодательно в Республике Беларусь не определена четкая иерархия нормативных правовых актов. На сегодня она определяется путем толкования коллизионных норм, вытекающих из ст. 23 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» о юридической силе. Поэтому в правовой доктрине предлагаются ее авторские варианты.

ства. Эта современная тенденция довольно распространена и обосновывается *доктриной «субсидиарности» ветвей власти*. Однако использование таких полномочий должно носить обоснованный характер, чтобы это не привело к подмене Парламента в его правотворческой деятельности.

По итогам вышеупомянутого референдума подзаконный характер указов, полагаем, прямо закреплён. В связи с чем модель «закон – законодательные акты – подзаконные акты» уходит в прошлое, и восстанавливается классическая модель соотношения закон и подзаконные акты. Между тем нельзя утверждать об укреплении позиций закона в иерархии нормативных правовых актов, поскольку до изменения конституционного законодательства остается неопределённым соотношение актов представительных органов – Парламента и Всебелорусского народного собрания и Президента. Напомним, что Президент также, согласно правовой доктрине, относится к числу представительных органов, поскольку избирается народом на выборах.

Всебелорусское народное собрание в Конституции определено как «высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие» (ст. 89 прим.). В Конституции решения Всебелорусского народного собрания, равно как и Президента, не названы нормативными, но «обязательными для исполнения». Они «могут отменять правовые акты, иные решения государственных органов и должностных лиц, противоречащие интересам национальной безопасности, за исключением актов судебных органов».

Согласно порядку размещения глав в Конституции (по юридическому статусу) и других сопутствующих признаков правовой статус Президента выше, чем Всебелорусского народного собрания и Парламента. Соответственно, юридическая сила его актов выше.

Указы, как известно, самый массовый вид законодательных актов в Республике Беларусь. Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» их определяет как «нормативный правовой акт Главы государства, издаваемый им для реализации своих полномочий». Данная легальная дефиниция не предлагает отличительных признаков для этого нормативного правового акта с учетом существования указов ненормативного характера (например, о назначении на должность или снятии с должности) и распоряжений.

Формулировка ст. 85 Конституции также не определяет различий между указами и распоряжениями. Между тем правовая наука их различает по критерию нормативности. Вместе с тем законодательство по этому поводу неоднозначно. С одной стороны, по общему правилу, распоряжения среди актов законодательства, согласно ст. 3 Закона, не значатся. По своей юридической природе они ненормативны, а индивидуальны, о чем свидетельствует их легальное определение в п. 4 ст. 15 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»: «Распоряжениями Президента могут устанавливаться особенности применения норм права к определенным субъектам (в том числе изменения норм права применительно к определенным субъектам), оперативно решаться вопросы распорядительного и (или) организационного характера, относящиеся к компетенции Президента».

С другой стороны, определение распоряжения Президента дается в п. 4 ст. 15, именуемой «Нормативные правовые акты Президента Республики Беларусь». В ст. 3 Гражданского кодекса Республики Беларусь они причисляются к гражданскому законодательству. Согласно п. 31 Положения о порядке подготовки и внесения на рассмотрение Президента Республики Беларусь проектов правовых актов, введенному в действие Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности», подписанные Президентом распоряжения, равно как декреты, указы (без указания их нормативности. – *А.А. Шафалович*), направлялись/направляются в Администрацию Президента для организации их включения в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. Все это позволяет сделать вывод о смешанном (нормативном и ненормативном) характере распоряжений.

В связи с чем нормативный или ненормативный характер правовых актов Президента отступает, на первый план выходит формулировка об их обязательности на всей территории Республики Беларусь.

Тем самым по итогам республиканского референдума 27 февраля 2022 г. для последующего изменения и дополнения конституционного законодательства рекомендуем уточнить легальные дефиниции, юридическую силу и место правовых актов Президента Республики Беларусь в иерархии. Рекомендуем во избежание правовой неопределенности и разночтения в толковании в Законе Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» закрепить однозначную иерархию.

ИМЯ В ИСТОРИИ КАФЕДРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

УДК 929 + 378.1

И.В. Козелецкий, А.В. Кащеев

**АННА ИВАНОВНА СУХАРКОВА:
УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ, РУКОВОДИТЕЛЬ**

В июне 2022 г. кафедра конституционного и международного права отпразднует свой 30-летний юбилей. Появление этого структурного подразделения в Академии МВД непосредственно связано со становлением белорусской национальной правовой системы, конституционным строительством в независимом белорусском государстве и, как следствие, реорганизацией учреждений высшего образования Республики Беларусь.

В основе успехов и достижений любой кафедры лежит высокий профессионализм членов коллектива. Уже в 1992 г. профессорско-преподавательский состав кафедры конституционного и административного права Академии милиции Министерства внутренних дел Республики Беларусь представляли высококвалифицированные ученые и педагоги во главе с кандидатом юридических наук, доцентом полковником милиции Сухарковой Анной Ивановной. Биография первого руководителя кафедры является отражением тех возможностей, которые раскрывались перед советскими гражданами, но в то же время она уникальна: ведь женщин-офицеров среди профессорско-преподавательского состава системы МВД было не много, а среди руководителей кафедр Академии милиции в начале 1990-х гг. – единицы.

В начале ее биография ничем не отличалась от тысяч, миллионов биографий простых советских граждан, которым социалистическое государство дало путевку в жизнь. Анна Ивановна Сухаркова (в девичестве Донских) родилась 2 октября 1939 г. в селе Новоюрьево Староюрьевского района Тамбовской области в многодетной (шестеро детей) семье крестьян. Отец был председателем колхоза, а мать работницей совхоза. В 1955 г. в семье Донских случилось горе – умер отец. В результате по-

сле окончания в 1956 г. Староюрьевской средней школы Аня Донских переехала к родственникам в Алтайский край, где устроилась работать на Барнаульский завод транспортного машиностроения. Прошла путь от слесаря до техника, активно включившись в общественную и комсомольскую деятельность. В этот период она встретила своего супруга родом с Могилевщины – Сухаркова Анатолия Егоровича, который работал инженером на одном из заводов Барнаула. В 1964 г. родилась дочь Алла.

Параллельно с работой Анна Ивановна получала высшее юридическое образование. В 1965 г. окончила с отличием вечернее отделение Барнаульского юридического факультета Томского государственного университета. За годы обучения ее заметили и предложили после получения диплома трудоустроиться ассистентом кафедры гражданского права и процесса своей alma mater, а в 1966 г. – перейти ассистентом на кафедру теории и истории государства и права. После шести лет работы она была направлена на обучение в очную аспирантуру юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ). Научным руководителем аспирантки Сухарковой стал доктор юридических наук, профессор Василенков Петр Тарасович, который являлся специалистом в области советского государственного права. В результате плодотворной работы практически сразу после завершения аспирантуры 29 ноября 1974 г. А.И. Сухаркова защитила в совете юридического факультета МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Правовое положение ведомств СССР» по специальности 12.00.02 «Государственное право, управление; административное и финансовое право; прокурорский надзор; советское строительство».

Обучение в аспирантуре было тяжелым испытанием для семьи – супруг и дочь оставались в Барнауле. После окончания обучения в МГУ семья Сухарковых воссоединилась – по распределению молодой кандидат наук вернулась в Барнаул на должность старшего преподавателя кафедры теории и истории государства и права созданного в 1973 г. Алтайского государственного университета. Перед Анной Ивановной открывались хорошие карьерные перспективы – уже в апреле 1976 г. она избрана на должность доцента кафедры.

Достижение поставленных целей было присуще семье Донских. Все братья и сестры получили хорошее образование и профессионально реализовались в различных сферах: старший брат Михаил остался работать инженером совхоза на малой родине, сестра Мария после получения образования переехала в Брянскую область и стала преподавателем в Дятьковском профессиональном училище геодезистов, брат Иван

стал районным прокурором в Чечено-Ингушской АССР, брат Владимир связал свою жизнь с медициной, став хирургом Алтайской районной больницы, а младший брат Алексей в 1972 г. поступил на службу в органы внутренних дел и проходил ее в подразделениях вневедомственной охраны г. Москвы.

В начале 1976 г. в столице БССР была образована Минская высшая школа МВД СССР. Появление самостоятельного ведомственного учреждения высшего образования стало определяющим в дальнейшей подготовке кадров для органов внутренних дел как советской, так и независимой Беларуси. Для комплектования профессорско-преподавательского состава нового учреждения образования требовались квалифицированные кадры, подбором и назначением которых ведало управление учебных заведений и научно-исследовательских учреждений МВД СССР. Руководителем этого подразделения в 1974–1979 гг. был доктор юридических наук, профессор генерал-майор милиции Михаил Иванович Еропкин. Являясь крупным милицейским чиновником, Михаил Иванович оставался практикующим ученым, специализирующимся на административном праве, а также членом совета, в котором защищалась А.И. Сухаркова. Молодая и талантливая, ученый с педагогическим опытом, Анна Ивановна получила предложение переехать с семьей в Минск (родные супруга проживали в БССР, по семейным обстоятельствам приходилось часто их навещать) и поступить на службу в милицию. 16 декабря 1976 г. она была принята на должность старшего преподавателя кафедры административного права и научной организации управления ОВД, а через полгода ей присвоено первое специальное звание – майор внутренней службы. В то время практически все кандидаты наук, принимаемые на службу в ОВД, начинали ее в специальных званиях майор милиции или майор внутренней службы. Вся дальнейшая научная и педагогическая карьера А.И. Сухарковой связана с первым милицейским учреждением высшего образования на территории Беларуси. Активная научно-педагогическая деятельность позволила ей в ноябре 1980 г. получить ученое звание доцента, а в декабре этого же года занять должность заместителя начальника кафедры административного права и научной организации управления ОВД. В октябре 1981 г. Анне Ивановне присвоено очередное специальное звание подполковника внутренней службы, а в августе 1987 г. – полковника внутренней службы. Полковником она стала, проходя службу в должности доцента кафедры, так как в 1984 г. в условиях реорганизации должность заместителя начальника кафедры была упразднена.

Как отмечает кандидат юридических наук, доцент, заслуженный работник образования Республики Беларусь полковник милиции в запасе Сапогин Александр Никитович, в 1976–1988 гг. начальник кафедры административного права и научной организации управления ОВД Анна Ивановна Сухаркова «с первых дней службы в Минской высшей школе МВД СССР проявила себя грамотным специалистом, активно внедряющим в образовательный процесс передовой опыт и практику работы различных подразделений органов внутренних дел как всего Советского Союза, так и БССР. Успехи в данном направлении определили ее дальнейший карьерный рост».

После преобразования Минской высшей школы МВД СССР в Академию милиции Анна Ивановна прошла переаттестацию, получив специальное звание полковника милиции и возглавив новообразованную кафедру конституционного и административного права, руководила которой до ее реорганизации в 2000 г. Название кафедры и дисциплины, закрепленные за ней, свидетельствовали о тесной связи научной и образовательной деятельности, так как полностью согласовывались с существовавшей в то время научной специальностью 12.00.02 «Конституционное право; государственное управление; административное право; муниципальное право». Благодаря открытию адъюнктуры в Академии милиции в 1992 г. у А.И. Сухарковой появилась возможность принять непосредственное участие в подготовке научных работников высшей квалификации. Под ее научным руководством была подготовлена и успешно защищена в 2004 г. кандидатская диссертация И.В. Козелецким на тему «Правовое положение министерств Республики Беларусь» по специальности 12.00.14 «Административное право, финансовое право, информационное право».

После увольнения со службы в ОВД в октябре 2000 г. А.И. Сухаркова продолжила работу профессором кафедры конституционного права и обеспечения прав человека, а с 2007 г. – профессором кафедры административной деятельности и управления ОВД. В 2019 г. Анны Ивановны не стало. За годы своей службы и последующей работы в Академии МВД она подготовила десятки научных и учебных трудов по актуальным вопросам административного права, что оказало огромное влияние на формирование большого научно-педагогического потенциала Академии МВД. Сегодня продолжателями научных традиций этого талантливого ученого и педагога являются дочь – Постникова Алла Анатольевна, которая пошла по стопам матери, отслужила в ОВД (завершила службу в звании подполковника милиции) и защитила в 1999 г. кандидатскую диссертацию, а также ученики и коллеги.

ДЕМЬЯНУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ГАВРИЛЕНКО ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Демьян Александрович родился 27 декабря 1925 г. в деревне Тесновое Рогачевского района. После 7 классов в 1939-м поступил в Полоцкий лесной техникум, окончить который помешала Великая Отечественная война. С приходом фашистов на территории Беларуси стали создаваться партизанские отряды, и с одним из них стал поддерживать связь Демьян Александрович – собирал и передавал важные сведения о дислокации врага.

В сентябре 1943 г. вступил в ряды 258-го партизанского отряда 8-й Рогачевской бригады. Командование определило новобранца в разведку, в которой он служил до освобождения г. Минска. Демьян Александрович вспоминал: «Наверное, командир меня пожалел и после освобождения Минска оставил в городе и направил служить в милицию. Хотя сложно сказать, где было легче. Службу несли по одному, и днем и ночью, и убить могли в любую минуту».

В июле 1944 г. назначен участковым уполномоченным, позднее – помощником оперуполномоченного 2-го отделения милиции Минска (Комаровка). Через 2 года переведен в отдел БХСС управления милиции МВД БССР и отслужил в нем почти 10 лет.

Добросовестного, ответственного, исполнительного молодого сотрудника руководство замечало и направляло учиться. В 1950 г. Д.А. Гавриленко окончил Минскую офицерскую школу милиции, в 1957 г. – Белорусский государственный университет, в 1959 г. – Минскую высшую партийную школу. После ее окончания Демьян Александрович некоторое время работал в отделе административных органов ЦК Компартии Беларуси, а в 1963 г. вернулся в органы внутренних дел. С тех пор почти вся его жизнь была связана с подготовкой будущих милиционеров. Более 5 лет он служил в управлении кадров и учебных заведений МООП БССР, 4 из них – возглавлял его.

В мае 1967-го Д.А. Гавриленко назначили начальником УВД Минского облисполкома. Основные усилия милиции в те годы были направлены на активизацию борьбы с преступностью и охрану общественно-

го порядка. Было организовано социалистическое соревнование в этой сфере, назначены новые руководители отделов управления и некоторых органов внутренних дел. Вклад руководителя управления был значительным, в результате чего преступность в области в 1968 г. сократилась на 9 %, а раскрываемость составила 95 %.

В январе 1971 г. Демьян Александрович возглавил Минский очно-заочный факультет Высшей школы МООП РСФСР, стал сочетать управленческую деятельность с преподавательской: вел занятия, участвовал в научной работе, защитил кандидатскую диссертацию по тематике советского административного права.

В 1976 г. Д.А. Гавриленко назначен заместителем начальника по учебной работе Минской высшей школы МВД СССР. Основной задачей для него являлась организация образовательного процесса, но он оказывал и практическую помощь органам внутренних дел: непосредственно анализировал и обобщал деятельность общественных пунктов охраны правопорядка и добровольных народных дружин для разработки рекомендаций по совершенствованию их деятельности, являлся заместителем председателя совета профилактики Советского района г. Минска. В этот период Демьян Александрович раскрылся как идущий в ногу со временем высокопрофессиональный и требовательный руководитель, при этом очень порядочный человек, доброжелательный, с уважением относившийся к каждому сотруднику.

Кроме того, Д.А. Гавриленко неоднократно избирался депутатом Советского райсовета народных депутатов и Минского городского Совета народных депутатов. Был председателем постоянной комиссии по социалистической законности и охране общественного порядка, членом научного совета Академии наук БССР по проблеме совершенствования правового регулирования общественных отношений и укрепления социалистического порядка.

В 1988 г. вышел в отставку и стал трудиться профессором на кафедре административного права и научной организации управления ОВД Минской высшей школы МВД СССР, продолжил активную работу по подготовке докторской диссертации. И даже заманчивые предложения о руководящей должности были отклонены из-за желания защитить диссертацию (1989). Его научные интересы связаны с обеспечением государственной дисциплины и законности в деятельности органов внутренних дел и государственного аппарата в целом.

Профессором кафедры конституционного и административного права Академии МВД Демьян Александрович стал с момента ее образования в 1992 г. Вел занятия по курсу «Административное право», много

внимания уделял проблемным методам и активным формам обучения, методическому обеспечению учебного процесса, являлся членом советов по защите докторских и кандидатских диссертаций Академии МВД и Белорусского государственного университета.

Д.А. Гавриленко награжден орденами «Отечественной войны» II степени и «Трудового Красного Знамени», медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Партизану Великой Отечественной войны» II степени, «За отвагу», «За боевые заслуги», «50 лет советской милиции», «За отличную службу по охране общественного порядка», «За доблестный труд», «Ветеран труда», знаком отличия «За безупречную службу» и др., а также Почетной грамотой Верховного Совета БССР, Почетными грамотами МВД СССР, МВД БССР, другими наградами.

Доктор юридических наук профессор Д.А. Гавриленко опубликовал более 150 научных трудов, в том числе 7 монографий и 7 учебных пособий, являлся экспертом фундаментальных исследований Национальной академии наук Беларусь, в 2003 г. стал лауреатом премии им. А.Г. Неболсина.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНЦИФЕРОВА Эдита Юрьевна – аспирант Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

БОГОМЯКОВ Николай Юрьевич – судья суда Фрунзенского района г. Минска.

БОДАКОВА Ольга Витальевна – заместитель директора Института управленческих кадров по научной работе и магистерским образовательным программам Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук.

БОРОДИЧ Алексей Иванович – профессор кафедры конституционного и международного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

ВАСИЛЕВИЧ Дмитрий Григорьевич – доцент кафедры международного права международного университета «МИТСО», кандидат юридических наук, доцент.

ВОЛЧКЕВИЧ Ольга Владимировна – преподаватель кафедры конституционного и международного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

ГАПОНЕНКО Дарья Владимировна – младший научный сотрудник отдела исследований в области гражданского, экологического и социального права Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

ГУЙДА Елена Петровна – старший научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

ДЕМЕНТЕЙ Олег Алексеевич – слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

КАЩЕЕВ Андрей Владимирович – ученый секретарь ученого совета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат исторических наук, доцент.

КИВЕЛЬ Владимир Николаевич – заведующий кафедрой теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

КИСЕЛЁВА Татьяна Маратовна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

КОЗЕЛЕЦКИЙ Иван Владимирович – начальник кафедры управления органами внутренних дел факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

КОВАЛЬЧУК Маргарита Витальевна – слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

КРИШТАЛЬ Виктория Васильевна – младший научный сотрудник отдела исследований в области государственного строительства и международного права Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

КУРАК Анатолий Иванович – доцент кафедры конституционного и административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛЕШКЕВИЧ Мария Николаевна – заместитель председателя суда Советского района г. Минска.

ЛОСЕВ Сергей Сергеевич – ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ЛУГОВСКИЙ Сергей Григорьевич – доцент кафедры конституционного и международного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

ЛЫЧКОВСКИЙ Денис Николаевич – заместитель начальника курса факультета криминальной милиции УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

МАСЛОВСКАЯ Татьяна Станиславовна – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

МАЦУКОВ Николай Николаевич – начальник Международного учебного центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров в сфере миграции и противодействия торговле людьми УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

МИНИЧ Светлана Александровна – младший научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь.

МОИСЕЕВА Ирина Анатольевна – доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент.

МЯЧИН Илья Владимирович – сотрудник Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь.

ОЗЕРОВ Алексей Андреевич – слушатель магистратуры факультета повышения квалификации и переподготовки руководящих кадров УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».

ПАВЛОВ Вадим Иванович – докторант научно-педагогического факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

ПОДУПЕЙКО Александр Алексеевич – профессор кафедры конституционного и международного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

РУДОВИЧ Николай Иванович – директор Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

САЗОН Константин Дмитриевич – начальник кафедры конституционного и международного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

СЕМАШКО Елена Валентиновна – заместитель директора – руководитель Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

СЕНЬКОВА Татьяна Владимировна – заведующий кафедрой теории и истории государства и права УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат юридических наук, доцент.

СЕРЕДА Руслан Александрович – заместитель начальника кафедры конституционного и международного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

СИНЯВСКИЙ Сергей Вадимович – старший инспектор-методист группы спортивно-массовой работы отдела служебно-прикладных видов спорта БФСО «Динамо».

СТАНКЕВИЧ Оксана Генриховна – ученый секретарь Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ТИХИНЯ Валерий Гурьевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор.

ТРИПУЗОВА Антониона Антоновна – заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси».

ЧЕРНЕЦКАЯ Наталья Сергеевна – аспирант кафедры теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет».

ЧЕШКО Владимир Юрьевич – доцент кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ЧМЫГА Оксана Васильевна – докторант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент.

ШАЛАЕВА Татьяна Захаровна – доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина», кандидат юридических наук, доцент.

ШАРШУН Виктор Александрович – заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

ШАФАЛОВИЧ Анна Анатольевна – доцент кафедры теории и истории права УО «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ

Доклады участников конференции

<i>Анциферова Э.Ю.</i> Об особенностях конституционных прав человека	3
<i>Богомяков Н.Ю.</i> Обжалование (опротестование) судебных постановлений в порядке надзора по гражданским и экономическим делам как неотъемлемое конституционное право	5
<i>Бодакова О.В.</i> Роботизация в гражданском и хозяйственном судопроизводстве	6
<i>Бородич А.И.</i> Использование информационно-коммуникационных технологий для незаконного оборота наркотиков	9
<i>Василевич Г.А.</i> О некоторых предложениях к проекту закона о Всебелорусском народном собрании	13
<i>Василевич Д.Г.</i> Формирование антиковидного законодательства как отражение баланса частных и публичных интересов	16
<i>Волчкевич О.В.</i> Цифровое гражданство в условиях цифровой трансформации общественных отношений	19
<i>Гапоненко Д.В.</i> Принцип гласности в обеспечении беспристрастности судей и законности гражданского судопроизводства	21
<i>Гуйда Е.П.</i> Цифровые технологии в механизме прогнозирования последствий принятия нормативных правовых актов	23
<i>Дементей О.А.</i> Цифровизация общественных отношений как фактор трансформации права	26
<i>Кивель В.Н.</i> Некоторые проблемы закрепления и обеспечения конституционных социально-экономических, культурных и экологических прав и свобод личности	29
<i>Киселёва Т.М.</i> Принцип равенства в условиях цифровой трансформации	32
<i>Ковальчук М.В.</i> О влиянии цифровизации на конституционализацию экономических отношений	35
<i>Кришталь В.В.</i> Равные возможности для инвалидов как конституционный принцип	38
<i>Курак А.И.</i> Конституционализация экономических отношений как фактор поступательного развития Республики Беларусь	40
<i>Леишкевич М.Н.</i> О некоторых аспектах злоупотребления процессуальными правами в судопроизводстве по гражданским и по экономическим делам при реализации конституционного права на судебную защиту	44
<i>Лосев С.С.</i> Конституционно-правовые основы ограничения исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности	47
<i>Луговский С.Г.</i> Обеспечение общественной безопасности органами внутренних дел в условиях цифровизации общественных отношений	50
<i>Лычковский Д.Н.</i> Регламентация и гарантии права на неприкосновенность личности в Конституции Республики Беларусь	52

<i>Масловская Т.С.</i> Конституционный Суд Республики Беларусь: новеллы конституционного регулирования	55
<i>Мацуков Н.Н.</i> Конституционная реформа как фактор стабильного развития государства	58
<i>Минич С.А.</i> Конституционное регулирование отдельных аспектов научной деятельности во взаимосвязи с научно-технической и инновационной деятельностью: гармонизация законодательства	61
<i>Моисеева И.А.</i> Уголовно-правовая охрана безопасности личности в условиях цифровизации общества	65
<i>Мячин И.В.</i> Становление института защиты персональных данных в Республике Беларусь	68
<i>Озеров А.А.</i> О правовых основах международного сотрудничества в сфере образования в рамках Содружества Независимых Государств	71
<i>Павлов В.И.</i> Два различных методологических языка современного конституционализма: конституционная идентичность и верховенство права	74
<i>Подупейко А.А.</i> Конституционное развитие Беларуси – в интересах всего общества	80
<i>Рудович Н.И.</i> Формирование гражданственности и патриотизма в образовательном пространстве Республики Беларусь	83
<i>Сазон К.Д.</i> Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь в контексте обеспечения национальных интересов в политической сфере	87
<i>Семашко Е.В.</i> Традиции и инновации теории народного представительства	90
<i>Сенькова Т.В.</i> Прямое действие Конституции: сущность, толкование, применение	94
<i>Серета Р.А.</i> Распределенный реестр (блокчейн) как современный инструмент реализации институтов народовластия	97
<i>Сияевский С.В.</i> О спортивном праве	100
<i>Станкевич О.Г.</i> Конституционная экономика – научно-практическая основа правотворческой и правоприменительной деятельности	102
<i>Тихиня В.Г.</i> Тернистый путь принятия Конституции Республики Беларусь 1994 года (поиск оптимальной модели)	105
<i>Трипузова А.А.</i> Преимущества, вызовы и перспективы цифровизации в контексте конституционно-правовой защиты и развития конкуренции	108
<i>Чернецкая Н.С.</i> Некоторые проблемы обеспечения конституционных прав и свобод человека в цифровом обществе	111
<i>Чешко В.Ю.</i> Конституционные основы административной ответственности	114
<i>Чмыга О.В.</i> Право на запрос в системе контрольных полномочий депутата местного Совета депутатов в Беларуси	117

<i>Шалаева Т.З.</i> Права человека в условиях цифровизации общественных отношений	121
<i>Шариун В.А.</i> Циклические нормативные правовые массивы в законодательстве Республики Беларусь	124
<i>Шафалович А.А.</i> О нормативности правовых актов Президента Республики Беларусь	127

Имя в истории кафедры конституционного и международного права

<i>Козелецкий И.В., Кащеев А.В.</i> Анна Ивановна Сухаркова: ученый, педагог, руководитель	131
<i>Подупейко А.А.</i> Демьяну Александровичу Гавриленко посвящается	135
Сведения об авторах	138

Научное издание

**КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ:
ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**
**(к 30-летию образования кафедры
конституционного и международного права)**

Республиканская
научно-практическая конференция
(Минск, 27 мая 2022 г.)

Тезисы докладов

Подписано в печать 16.05.2022. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 9,93. Уч.-изд. л. 8,07.
Тираж 30 экз. Заказ 108.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.